ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ АКАДЕМИЯ МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ
КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ
имени Казы Дикамбаева

На правах рукописи
УДК _____

Иванов Игорь Павлович

СПЕЦИФИКА МНОГОВЕКТОРНОЙ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ КАЗАХСТАНА В ПЕРИОД ПРЕЗИДЕНТСТВА КАСЫМ-ЖОМАРТА ТОКАЕВА

Шифр и наименование специальности:
530800 – Международные отношения

Диссертация на соискание ученой степени
доктора философии (PhD)

Научный руководитель:
Курманов Зайнидин Карпекович
Профессор кафедры «Международные отношения и право» ДА МИД КР
Доктор политических наук

Бишкек – 2026 г

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ
.....3

ГЛАВА I. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ АНАЛИЗА МНОГОВЕКТОРНОЙ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ КАЗАХСТАНА

1.1Многовекторность как модель внешнеполитического поведения: теоретические подходы и опыт государств Центральной Азии
……..……..……18

1.2. Эволюция внешней политики Республики Казахстан……...……34

1.3. Внешнеполитическая стратегия Казахстана в условиях трансформации международной системы (2019–2025 гг.) ……..53

ГЛАВА II. ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РЕАЛИЗАЦИИ МНОГОВЕКТОРНОЙ ПОЛИТИКИ КАЗАХСТАНА ПРИ ТОКАЕВЕ К. К.

2.1. Отношения Казахстана с ведущими мировыми центрами силы …….65

2.2. Региональные и интеграционные приоритеты внешней политики Казахстана 80

2.3. Инструменты реализации многовекторной политики Казахстана ……..98

ГЛАВА III. МНОГОВЕКТОРНАЯ ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА СОВРЕМЕННОГО КАЗАХСТАНА

3.1. Модель многовекторности Казахстана……..……...……..111

3.2. Средняя держава как новая внешнеполитическая идентичность Казахстана……..…….123

3.3 Ограничения многовекторной внешней политики Казахстана……..……132

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 142

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ 147

ВВЕДЕНИЕ

Внешняя политика государства формируется под воздействием двух базовых факторов. К их числу относится, с одной стороны, внешняя среда, составной частью которой является государство, а с другой стороны правящая политическая элита, определяющая приоритеты взаимодействия с ключевыми международными партнёрами. Смена высшей государственной власти в Республике Казахстан в 2019 году совпала с периодом существенных трансформаций международной системы. Одновременно в стране произошли изменения в составе управленческой элиты и в базовых ориентирах общественного развития. Второй Президент Республики Казахстан Касым-Жомарт Токаев обозначил курс на формирование «Нового Казахстана», связав его с проведением последовательных конституционных реформ. В этих условиях внешняя политика Республики Казахстан, как выражение национальных интересов и общественных ожиданий, функционирует в среде повышенной неопределённости и сталкивается с комплексом вызовов и угроз, характерных для эпохи глобальных преобразований.

Потребности в безопасности и развитии транзитного потенциала являются для внешней политики Казахстана константами, поэтому многовекторный курс не претерпел каких-либо изменений, даже несмотря на дестабилизацию системы международных отношений. Руководство страны не спешит ограничивать сотрудничество в ущерб какого-либо из векторов, так как это может привести к разбалансированности всей внешней политики РК. В то же время именно многовекторная политика обеспечивает баланс интересов крупных мировых игроков в экономике Казахстана. [1, с.83]

В этих условиях многовекторность внешней политики Казахстана приобретает характер стратегии рациональной адаптации государства к изменяющейся международной среде. Многовекторный курс позволяет Астане сохранять пространство для внешнеполитического манёвра, минимизировать риски чрезмерной зависимости от отдельных центров силы и одновременно интегрироваться в различные региональные и трансрегиональные форматы

сотрудничества. Реализация данной стратегии предполагает гибкое сочетание двусторонних и многосторонних механизмов взаимодействия, а также учёт геоэкономических факторов, определяющих положение Казахстана в системе международных отношений. В результате многовекторность выступает не только принципом внешнеполитического позиционирования, но и устойчивой моделью обеспечения национальной безопасности и долгосрочного развития.

В период президентства Касым-Жомарта Токаева Казахстан продолжает укреплять свои международные позиции, что проявляется в закреплении за ним статуса «средней державы». Данный статус отражает качественное изменение роли Республики Казахстан в системе международных отношений и указывает на рост её субъектности в региональных и трансрегиональных процессах. Внешняя политика страны ориентируется на участие в формировании международной повестки по вопросам региональной безопасности, устойчивого развития, транзитной и энергетической логистики, а также многосторонней дипломатии. Казахстан последовательно позиционирует себя как ответственное государство, способное выступать посредником и площадкой для диалога между конкурирующими центрами силы, что соответствует логике многовекторного курса. Тем самым концепция «средней державы» органично дополняет стратегию многовекторности, придавая ей институциональную и идейную оформленность в условиях трансформации глобального и регионального порядка.

Актуальность темы исследования обусловлена глубинной трансформацией международных отношений, в рамках которой внешняя политика государств сталкивается с необходимостью адаптации к трансформирующейся системой международных отношений. Период президентства Касым-Жомарта Токаева совпал с эпохой, когда международная система утратила относительную предсказуемость. Миропорядок вошёл в состояние продолжительной, непредсказуемой эскалации в противостоянии ключевых глобальных игроков. Важным элементом современного международного контекста выступает переход от классической геополитической

логики к геоэкономическим формам конкуренции. Ещё в 1990 году Эдвард Лютвак констатировал отход от традиционного геополитического мышления и утверждал, что экономические инструменты становятся ключевыми средствами борьбы за национальные интересы. В работе *«From Geopolitics to Geo-Economics: Logic of Conflict, Grammar of Commerce»* он подчёркивал: По мере ослабления геополитических императивов, эти политические столкновения должны разрешаться с помощью оружия торговли: более или менее завуалированного ограничения импорта, более или менее скрытого субсидирования экспорта, финансирования конкурентоспособных технологических проектов, поддержки отдельных форм образования, предоставления конкурентоспособной инфраструктуры и многого другого». [2, с. 21] Логика, предложенная Лютваком Э., действительно определяла противоречия между странами на протяжении всего периода после окончания «холодной войны», вплоть до вторжения российских войск на территорию Украины в феврале 2022 года. Москва продемонстрировала, что применение вооружённой силы остаётся инструментом перекраивания границ даже в XXI веке. Западные государства, действующие в логике Лютвака, столкнулись с ограниченными возможностями применения экономических инструментов для сдерживания России, что выявило пределы геоэкономического подхода в условиях силовой эскалации. Для Казахстана, расположенного в геополитически чувствительном регионе и исторически использующего модель многовекторности, данная трансформация приобретает особую значимость.

Необходимость адаптации к формирующейся системе «жёсткой многополярности», где геоэкономическая конкуренция переплетается с силовыми методами, существенно влияет на внешнеполитические решения Астаны. В этих условиях определение специфики многовекторного курса Казахстана в период президентства Токаева К.К. становится актуальной темой для научного исследования, позволяющей выявить механизмы поддержания стратегического равновесия в кризисной международной среде

Объектом исследования выступает внешняя политика Республики Казахстан как совокупность официальных стратегических установок, институциональных механизмов и практик взаимодействия государства с внешним миром. Внешняя политика рассматривается как динамичный процесс, формирующийся под воздействием международной среды, внутренних политических условий и приоритетов национального развития. В рамках исследования внимание сосредоточено на системных характеристиках внешнеполитического курса Казахстана, его эволюции и адаптации к изменениям международной обстановки.

Предметом исследования является специфика реализации многовекторной внешней политики Республики Казахстан в период президентства Касым-Жомарта Токаева. Предметный фокус направлен на выявление содержательных и институциональных особенностей многовекторного курса на современном этапе, а также на анализ механизмов его практического воплощения в условиях трансформации региональной и глобальной архитектуры международных отношений. Особое внимание уделяется соотношению декларативных внешнеполитических установок и фактических направлений внешнеполитической деятельности, что позволяет определить характер изменений, произошедших во внешней политике Казахстана в рассматриваемый период.

Целью проводимого диссертационного исследования является определение специфики многовекторного внешнеполитического курса Республики Казахстан, реализуемого в период президентства Касым-Жомарта Токаева. Постановка данной цели определяется качественными изменениями международной среды, ростом неопределённости в глобальной политике и трансформацией региональных процессов, оказывающих существенное воздействие на стратегический выбор Астаны. Период президентства К.К. Токаева сопряжён с необходимостью адаптации внешней политики Республики Казахстан к изменяющейся архитектуре международных отношений, что усиливает значимость многовекторности как базового принципа

внешнеполитического курса. В этих условиях многовекторность выступает инструментом обеспечения национальной устойчивости, поддержания дипломатической гибкости и укрепления международных позиций государства, что подтверждает научную и практическую оправданность выбранной исследовательской цели.

Для достижения поставленной цели в ходе исследования будут решаться четыре нижеприведённые задачи: **Первая задача** состоит в определении теоретических подходов к анализу многовекторной внешней политики Республики Казахстан. Решение этой задачи предполагает рассмотрение существующих теоретических подходов к пониманию многовекторности. Особое внимание уделяется особенностям её концептуализации в современной научной литературе. Формулируется авторское определение многовекторной внешней политики. Выделяются основные элементы многовекторности как модели внешнеполитического поведения. **Вторая задача** состоит в определении фактических направлений реализации внешней политики Республики Казахстан. Решение этой задачи имеет особую значимость, поскольку позволяет перенести исследовательский фокус с формально закреплённых или декларативных направлений на реально функционирующие компоненты внешнеполитической деятельности. Благодаря этому формируется эмпирически подтверждённое представление о практическом содержании многовекторного курса. **Третья задача** предполагает оценку современной модели многовекторной внешней политики Казахстана, что даёт возможность определить внутреннюю логику внешнеполитического курса, его концептуальную завершённость и соответствие актуальным вызовам международной среды. Совокупность поставленных задач обеспечивает комплексный анализ внешней политики Республики Казахстан и создаёт необходимые условия для достижения основной исследовательской цели.

Методология. Теоретико-методологической основой исследования выступает либеральная теория международных отношений, представленная в работах Моравчика Э. [3] Данный подход рассматривает внешнюю политику как

процесс реализации государственных предпочтений в условиях взаимозависимости и взаимных ограничений, которые определяются предпочтениями других государств. Данный подход акцентирует внимание на использовании несиловых инструментов внешней политики. Поэтому теория либерализма в международных отношениях и выбрана в качестве теоретических рамок данной работы. Использование либеральной теории международных отношений в настоящем исследовании ограничивается международным уровнем реализации государственных предпочтений. Внутриполитические механизмы их формирования не входят в предмет исследования. Основное внимание сосредоточено на взаимодействии Республики Казахстан с другими государствами и международными институтами, в рамках которого национальные внешнеполитические предпочтения соотносятся с интересами и возможностями других участников международных отношений.

Результаты решения первой исследовательской задачи формируют теоретическую основу для перехода ко второй задаче, состоящей в определении фактических направлений реализации внешней политики Республики Казахстан в период президентства К.К. Токаева. Этому посвящена вторая глава данной работы, в которой решается вторая задача. На данном уровне применяется сочетание исторического метода и метода кейс-стади. Использование этих методов обеспечивает возможность реконструкции эволюции внешнеполитического курса Казахстана и выявления особенностей практической реализации стратегии многовекторности в различных направлениях внешнеполитической деятельности. Тут важно отметить, что анализируется не только взаимодействие Астаны с ключевыми мировыми столицами, но и политика в отношении интеграционных объединений, в которых состоит Казахстан.

Третья задача решается в третьей главе, где обобщаются результаты двух предыдущих глав и содержатся характеристики ключевых специфических черт современной внешней политики Республики Казахстан. Это позволяет раскрыть содержание модели многовекторности, отражающей стратегическую логику

внешнеполитического курса государства. Особое внимание уделяется процессу формирования новой внешнеполитической самоидентификации Казахстана как «средней державы». Данный процесс свидетельствует о качественном изменении роли страны в региональной и глобальной архитектуре международных отношений. В главе также представлена оценка основных элементов геополитической стратегии Казахстана в период президентства Касым-Жомарта Токаева и определено место интеграционных форматов в структуре современной внешней политики. Такой подход позволяет выявить системные параметры внешнеполитического курса.

Связь темы диссертации с приоритетными научными направлениями. Тема диссертации относится *к* приоритетным научным направлениям, включающим исследование внешней политики, международных отношений и региональной безопасности. Значимость указанных направлений формируется содержанием аналитической повестки ведущих исследовательских центров Республики Казахстан. К ним относятся КИСИ при Президенте РК, Институт мировой экономики и политики, Казахский Национальный Университет имени аль-Фараби и Евразийский Национальный Университет имени Л.Н. Гумилёва.

Проблематика многовекторной внешней политики привлекает внимание научных центров стран постсоветского пространства. В Кыргызстане системный анализ внешнеполитических процессов проводится Национальным Институтом Стратегических Инициатив при Президенте Кыргызской Республики. В Узбекистане значимый вклад в изучение геополитической динамики обеспечивают Центр Экономических Исследований и Реформ, а так же Институт стратегических и Межрегиональных Исследований при Президенте Республики Узбекистан.

Тема данного исследования соответствует деятельности российских научных центров, которые рассматривают трансформацию внешнеполитических стратегий государств постсоветского пространства и изменение структуры региональных взаимодействий. В их числе Российский совет по международным делам, Центр анализа стратегий и технологий, Институт мировой экономики и

международных отношений имени Е.М. Примакова РАН, Институт востоковедения РАН, МГИМО-Университет и Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ.

Тематика исследования согласуется с международными проектами, направленными на изучение геополитических процессов в Евразии. Эти проекты включают исследования, посвящённые инициативе «Пояс и путь», Евразийскому экономическому союзу, Организации тюркских государств и политико-экономической динамике Центральной Азии. Работа данных направлений представлена в исследованиях German Institute for International and Security Affairs (SWP), Chatham House, RAND Corporation, Carnegie Endowment for International Peace и Asian Development Bank Institute.

Академические работы политологов из стран Центральной Азии, специально ориентированные на анализ внешней политики Республики Казахстан, представлены в академическом пространстве в ограниченном объёме. Вместе с тем в исследованиях региональных авторов внешнеполитический курс Казахстана включается в более широкий контекст изучения центральноазиатских процессов, в рамках которых Астана выступает в качестве одного из ключевых региональных игроков. В подобных исследованиях основное внимание уделяется проблемам региональной безопасности, экономической взаимозависимости, трансграничного взаимодействия и институционального развития Центральной Азии. Анализ указанных направлений неизбежно предполагает обращение к роли и месту Республики Казахстан в формировании региональной повестки.

Следует отметить, что часть публикаций исследователей из стран региона характеризуется преобладанием аналитико-публицистического подхода над строго академическим анализом. **Однако даже в таких работах находят отражение существенные аспекты участия Казахстана в региональных процессах, его влияние на баланс сил и механизмы взаимодействия между государствами Центральной Азии.** В совокупности данные исследования расширяют академическое понимание внешней политики Республики Казахстан

и позволяют учитывать региональное восприятие её приоритетов и практических форм реализации.

В частности, Юнеман Р. А. рассматривает эволюцию политики Республики Казахстан в отношении Российской Федерации в 2008–2022 гг., уделяя особое внимание изменениям российского направления казахстанской многовекторности в условиях нарастания противостояния России и Запада. [4]. Эксперт из Кыргызстана Мирзаев А. З. рассматривает европейский вектор внешней политики Астаны в контексте стратегической диверсификации внешнеполитического курса Республики Казахстан [5]. Исследователи из Таджикистана и Российской Федерации У. Х. Иброхимзода, М. О. Дмитриева и Ш. Ш. Ризоён анализируют региональные аспекты и геополитические последствия саммита «Центральная Азия – Китай», уделяя внимание трансформации механизмов регионального взаимодействия. [6]. Узбекский политолог Равшан Назаров подчёркивает значимость инициатив Президента Касым-Жомарта Токаева, направленных на обеспечение устойчивого развития, реформирование системы глобального управления и укрепление регионального сотрудничества. Особое внимание он обращает на продвижение идеи справедливого и инклюзивного многополярного мира, в рамках которого интересы средних и развивающихся государств учитываются наравне с интересами ведущих мировых держав [7]. Таким образом, данное исследование соответствует казахстанской, региональной и международной научно-исследовательской повестке. Тема работы отражает ключевые тенденции развития внешней политики Казахстана и позволяет выявить особенности поведения государства в условиях конкуренции региональных и трансрегиональных интеграционных форматов.

Степень научной разработанности темы исследования. Тема внешней политики Республики Казахстан описана в работах известных казахстанских учёных, которые в разной степени изучали проблематику её формирования, концептуализации и практической реализации. Среди них можно выделить работы известных учённых, таких как Султанов Б.К. [8]Касен М. [9],

Курмангужин Р.С. [10], Чеботарёв А.Е. [11] Лаумулин М.Т. [12] и другие. Важными источниками для проведённого исследования стали концептуальные документы, оказывающие влияние на внешнюю политику Казахстана, среди которых Концепции внешней политики Казахстана, послания Президента Казахстана к народу и др. Отдельно следует выделить работы Нурсултана Назарбаева [13], который занимал пост Президента РК в период с 16 декабря 1991 по 20 марта 2019 года. В своих трудах он излагал своё видение развития Казахстана, в том числе и его внешней политики. Второй Президент Казахстана Касым-Жомарт Токаев [14] до избрания на пост Президента РК работал на высоких дипломатических должностях, в том числе был министром иностранных дел. Его труды представляют интерес для тех кто исследует внешнюю политику Казахстана, поскольку в них также отражено видение развития внешней политики страны.

Тема современной внешней политики, реализуемой вторым Президентом Казахстана всё ещё остаётся не раскрытой. Из исследований по теме внешней политики Казахстана, которые были опубликованны после 2019 года можно выделить работы посвящённые концепциям внешней политики Казахстана, среди них работы Нышанбаева Н. [15], и Курмангужина Р. и Чеботарёва А. [16] Работы посвящённые анализу сотрудничества Казахстана с партнёрами на ключевых направлениях внешней политики, в частности влиянию ключевых глобальных акторов на Казахстан. Тут можно отметить работу Губайдуллиной М.Ш. и Паизовой А. [17]. В академическом дискурсе часто встречаются работы, в которых внешняя политика Казахстана анализируется в региональном Центрально-Азиатском контексте. Например, работа Бауыржанкызы А. посвящена анализу связи представлений о национальной роли с внешнеполитическим поведением. [18]

При наличии большого массива научных публикаций, посвящённых внешней политике Республики Казахстан, исследования многовекторного внешнеполитического курса в период президентства Касым-Жомарта Токаева, остаются малочисленными. В качестве одного из немногих примеров можно

выделить коллективную монографию «Дипломатия Президента Токаева», опубликованную в 2025 году Казахстанским институтом стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан. В данной работе представлен анализ внешнеполитической деятельности главы государства. Авторы отмечают как проходит адаптация Казахстана к современным глобальным вызовам, формируются ответы на проблемы международной безопасности и происходит взаимодействие с ключевыми мировыми лидерами. [19]

Вместе с тем в большинстве исследований, посвящённых внешней политике Казахстана, преобладает обращение либо к базовым принципам внешнеполитического курса, сформированным в предыдущий исторический период, либо к анализу отдельных направлений и тематических сюжетов без их включения в единую концептуальную рамку. В результате вопрос функционирования многовекторности в условиях усиления геополитической конкуренции, расширения геоэкономических инструментов давления и формирования новой внешнеполитической идентичности Республики Казахстан остаётся недостаточно разработанным. Указанный исследовательский разрыв определяет необходимость системного анализа внешней политики Республики Казахстан в период президентства Касым-Жомарта Токаева, ориентированного на выявление её специфики, внутренней логики и практических механизмов реализации.

Новизна исследования заключается в формировании целостного аналитического подхода к изучению внешней политики Республики Казахстан в период президентства Касым-Жомарта Токаева. В рамках данной работы внешняя политика Казахстана рассматривается не изолированно, а как элемент многоуровневого регионального и глобального пространства, в котором государство функционирует одновременно как участник региональных процессов Евразии и как актор взаимодействия с ведущими центрами мировой политики. Такое теоретико-методологическое решение расширяет возможности анализа многовекторности за счёт включения геоэкономических,

институциональных и пространственных факторов, ранее не объединявшихся в единую исследовательскую конструкцию применительно к казахстанскому материалу.

На этой основе в исследовании апробирован двухуровневый аналитический подход, сочетающий исторический анализ эволюции внешнеполитического курса Республики Казахстан с рассмотрением ключевых внешнеполитических направлений посредством метода кейс-стади. Использование данного подхода обеспечивает реконструкцию логики внешнеполитических решений и позволяет выявить устойчивые механизмы реализации многовекторной стратегии в условиях трансформации международной системы. В результате многовекторность рассматривается не как декларативная концепция, а как фактически функционирующая модель внешней политики, обладающая собственной внутренней структурой, инструментарием и набором приоритетов.

Содержательно новизна исследования состоит в выявлении специфических характеристик внешней политики Республики Казахстан в период президентства Касым-Жомарта Токаева, которые отличают данный этап от внешнеполитического курса периода президентства Нурсултана Назарбаева. В работе показано, что преемственность базовых принципов внешней политики сочетается с изменением форм их практической реализации. Особое внимание уделяется анализу процесса формирования новой внешнеполитической самоидентификации Республики Казахстан как «средней державы», что позволяет зафиксировать качественные изменения в позиционировании страны на региональном и глобальном уровнях и уточнить роль данной идентичности в выработке и реализации внешнеполитических решений. В совокупности предложенный теоретико-методологический и аналитический подход позволяет углубить научное понимание современной внешней политики Республики Казахстан и восполнить выявленный исследовательский разрыв, связанный с отсутствием комплексных работ, посвящённых системному анализу многовекторной стратегии страны в период президентства Касым-Жомарта Токаева.

Практическая значимость полученных результатов. Материалы исследования могут быть использованы в качестве базы для дальнейшего изучения изменений внешнеполитического курса Республики Казахстан. На основе полученных результатов можно смоделировать сценарии дальнейшего развития курса многовекторной внешней политики. Основные положения и выводы работы могут быть использованы при разработке и преподавании учебных курсов для студентов специальности «Регионоведение: Центральная Азия» и «Международные отношения». Материалы диссертации могут служить основой при разработке курсов и учебных пособий, посвящённых анализу внешней политики Республики Казахстан. Кроме того, результаты исследования могут представлять интерес для действующих дипломатов и международного сотрудничества, поскольку содержат систематизированный анализ эволюции внешнеполитического курса Казахстана. Полученные выводы могут быть использованы при подготовке кадров для внешнеполитических ведомств и при повышении квалификации специалистов, работающих в сфере международных отношений. Результаты диссертационного исследования могут быть использованы в рамках сравнительных и междисциплинарных исследований, посвящённых анализу внешней политики государств с сопоставимым международным статусом. Материалы работы формируют эмпирическую основу для сравнительного изучения внешнеполитических стратегий стран, позиционирующих себя в качестве «средних держав», в том числе в условиях трансформации международной системы и усиления региональных и трансрегиональных форматов взаимодействия. Использование результатов исследования в междисциплинарных работах создаёт возможности для интеграции политологического анализа с подходами регионоведения, международной экономики и исследований безопасности. Предложенная аналитическая модель позволяет рассматривать внешнюю политику Казахстана как часть более широких региональных и геоэкономических процессов.

Положения, выносимые на защиту

1. Во внешней политике Республики Казахстан в период 2019–2025 гг. фактически сформировалась система трёх стратегических векторов: российского, китайского и тюркского. Каждый из них выступает не только направлением внешнеполитической активности, но и самостоятельной функциональной платформой. Данные векторы отражают устойчивую взаимосвязь национальных интересов, внешнеполитических приоритетов и элементов внешнеполитической идентичности Казахстана, формируя основу практической реализации стратегии многовекторности в условиях усиливающейся геополитической конкуренции.
2. В период президентства Касым-Жомарта Токаева происходит формирование новой внешнеполитической самоидентификации Республики Казахстан как «средней державы», что свидетельствует о качественном изменении роли государства в региональной и глобальной архитектуре международных отношений. Данная самоидентификация проявляется в расширении дипломатической активности, усилении инициативного участия в международных и региональных форматах, а также в стремлении Казахстана выполнять посреднические и стабилизирующие функции в условиях роста международной напряжённости и фрагментации мировой системы.
3. Участие Республики Казахстан в многосторонних интеграционных форматах выступает ключевым инструментом обеспечения международной субъектности и устойчивости внешнеполитического курса. Такие форматы, как Евразийский экономический союз, Организация тюркских государств, инициатива «Пояс и путь», Шанхайская организация сотрудничества и Организация Договора о коллективной безопасности, используются Казахстаном для диверсификации внешнеполитических связей, снижения внешнеполитических рисков и укрепления собственных международных позиций в условиях трансформации глобального порядка.

4. Геополитическая стратегия современного Казахстана характеризуется адаптивностью, открытостью и рациональностью, что находит отражение в специфике практической реализации многовекторной внешней политики. Многовекторность реализуется не в форме механического или равномерного распределения приоритетов, а в виде гибкой комбинации политических, дипломатических и геоэкономических инструментов, дифференцированных в зависимости от конкретного внешнеполитического направления и текущей международной конъюнктуры.

Апробация результатов исследования прошла в работах:

1. Иванов И., Петренко С. Выбор многовекторности во внешней политике Казахстана. Мировая экономика и международные отношения, 2025, т. 69, № 3, сс. 74-85. https://doi.org/10.20542/0131-2227-2025-69-3-74-85
2. Ivanov I. P. The Geopolitics of Kazakhstan under the Presidency of Kassym-Jomart Tokayev: adaptability, openness, and rationality // Bulletin of the Kyrgyz State University named after I. Arabaev. – 2025. – No. 4/1. – P. 468–477. – DOI: 10.33514/1694-7851-2025-4/1-468-47
3. Maldybaev, D. Ivanov I. «Soft power» and state branding: cultural diplomacy of Kazakhstan and Kyrgyzstan in relations with the United States // Science, New Technologies and Innovations of Kyrgyzstan. – 2025. – No. 10. – P. 184-187. – DOI 10.26104/NNTIK.2025.47.36.035.
4. Иванов И.П. Интеграционные форматы в современной внешней политике Казахстана // Вестник Кыргызского национального университета имени Жусупа Баласагына. № 1.Общегуманитарные и естественно-технические науки. Бишкек, 2026. С. 397–404. DOI 10.58649/1694-9099-2026-1-397-404
5. Иванов И. П., Петренко С. Ю. Многовекторная геополитика Казахстана в условиях глобальной гибридной войны // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. – 2026. – Т. 31, № 2. – С. 62-74. – DOI 10.15688/jvolsu4.2026.2.6.

Глава I
ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ АНАЛИЗА МНОГОВЕКТОРНОЙ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ КАЗАХСТАНА

1.1 МНОГОВЕКТОРНОСТЬ КАК МОДЕЛЬ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ И ОПЫТ ГОСУДАРСТВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Несмотря на широкое использование, понятие «многовекторность» не опирается на самостоятельную теорию международных отношений. Многовекторность следует рассматривать как модель внешнеполитического поведения. Наиболее тесная связь прослеживается с реалистской традицией. Существенный вклад в её развитие внёс Ганс Моргентау[20], который рассматривал международные отношения как сферу конкуренции государств за безопасность, влияние и реализацию национальных интересов. Отдельные элементы многовекторности находят отражение в концепциях баланса сил и стратегической автономии. Данные подходы получили развитие в работах Уолта С. [21]. Отдельные аспекты многовекторности также находят отражение в исследованиях международного сотрудничества и роли международных институтов Кеохейна Р.О. [22] и других исследователей международных отношений. Их объединяет представление о стремлении государств сохранить свободу внешнеполитического выбора и избежать чрезмерной зависимости от отдельных центров силы. В этом контексте многовекторность может рассматриваться как инструмент обеспечения внешнеполитической гибкости через развитие отношений с различными государствами, международными организациями и интеграционными объединениями.

Отдельные интерпретации многовекторности связаны с неоклассическим реализмом и концепцией хеджирования, как это прослеживается в диссертационном исследовании Юнемана Р. А. Он исходит из того, что традиционная для реалистской парадигмы дихотомия балансирования и примыкания не в полной мере объясняет внешнеполитическое поведение таких

государств как Казахстан. В таких условиях Астана может прибегать к комбинации разнонаправленных стратегий, стремясь одновременно обеспечить безопасность и максимизировать экономические выгоды. [4]

Несмотря на наличие теоретических предпосылок, многовекторность до настоящего времени не получила общепризнанной концептуализации в рамках теории международных отношений. Именно поэтому её содержание остаётся предметом научной дискуссии. Феномен многовекторной политики заключается в том, что многовекторность внешней политики является чем-то понятным и в то же время чем-то не поддающимся концептуализации. Фактически каждый эксперт, проводящий исследования, исходит из собственного понимания этого термина. Поэтому возникает закономерный вопрос о том, является ли данный термин чем-то универсальным для понимания как политической элитой, руководящей внешней политикой, так и экспертным сообществом, которое даёт оценку её реализации.

В современной научной литературе представлены работы, посвящённые анализу многовекторной внешней политике государств Центральной Азии. Вопрос о том, является ли внешняя политика государств Центральной Азии многовекторной, по-прежнему остаётся предметом научной дискуссии. Наряду с исследованиями, в которых многовекторность рассматривается как основополагающая характеристика внешнеполитического курса государств региона, существуют работы, авторы которых предлагают альтернативные концептуальные подходы к его интерпретации. Особенно наглядно данная дискуссия проявляется в публикациях, посвящённых внешней политике Узбекистана. Например, Махмудов Р. в статье, посвящённой анализу внешнеполитического курса современного Узбекистана, противопоставляет понятию «многовекторность» термин «многоплановость». По мнению автора, «отличие «многоплановости» – если ее рассматривать с точки зрения проводимых в Узбекистане реформ – от «многовекторности» состоит в том, что она носит долгосрочный характер, так как ставит перед собой стратегические цели». [23, с. 128] Описанию внешнеполитического курса Узбекистана

посвящена статья Юлдашевой Г. «Внешняя политика Нового Узбекистана и его особенности». В этой работе внешняя политика Узбекистана напрямую не называется многовекторной. Автор отмечает, что в современных условиях Узбекистан реализует «открытую, последовательную и продуманную внешнюю политику, позволяющую эффективно продвигать национальные интересы страны и находить решения современным международным проблемам». [24, с.274] В качестве ключевых особенностей внешнеполитического курса республики рассматриваются развитие сотрудничества со странами Центральной Азии, расширение географии внешних связей, усиление экономической дипломатии и формирование многоотраслевой сбалансированной системы стратегического сотрудничества. Однако есть примеры работ, посвящённых анализу внешней политики Узбекистана, где термин многовекторность закреплён в названии, например работа Султановой А.Р. «Многовекторная внешняя политика Узбекистана при Ш. Мирзиёеве». [25]

Если говорить о многовекторной политики Таджикистана, то в качестве примера можно рассмотреть работу Шерали Ризоёна «Многовекторная политика Таджикистана: потенциальные вызовы и возможности для расширения», в которой рассматриваются условия реализации многовекторного курса Таджикистана. Автор подчёркивает важность укрепления взаимосвязанности государств Центральной Азии, соблюдения принципов «равноприближённости» и «равноудалённости» во взаимоотношениях с внешними акторами, а также развития национальной аналитической базы как необходимого инструмента реализации многовекторной внешней политики. [26,с.90] В этой работе, автор также отмечает важный для иследования многовекторности момент связанный с отсутствием концептуализации. Он в частности пишет, что: «В целом, отсутствие концептуального осмысления многовекторной политики само по себе выступает вызовом для реализации такой стратегии на прикладном уровне в условиях Таджикистана». [26, с. 81]. Не будет преувеличением сказать, что данный тезис применим и к другим странам рассматриваемого региона. Одна из

проблем многовекторной внешней политики заключается в отсутствии консенсуса относительно её понимания и концептуального осмысления.

Примером исследования многовекторной внешней политики Казахстана является работа Элдениза Гусейнова «Changes in the Spheres of Influence in Kazakhstan after the Outbreak of the Ukraine War in 2022». Автор анализирует трансформацию внешнеполитического курса Казахстана после начала российско-украинского конфликта и приходит к выводу, что отсутствие прямого роста российского экономического влияния связано с постоянным балансированием между различными внешними акторами и стремлением Казахстана участвовать в глобальных процессах через других партнёров, в том числе Турцию. [27,с.27]

Примером исследования многовекторной внешней политики Кыргызстана является статья Большакова А.Г. «Многовекторность внешней политики Киргизии в контексте изменения конфликтности на постсоветском пространстве». Автор рассматривает многовекторность как инструмент внешнеполитического балансирования, позволяющий Бишкеку лавировать между интересами глобальных игроков. По мнению исследователя, многовекторная политика является признаком зрелости национального государства, при этом она содержит конфликтный потенциал, поскольку ориентирована на взаимодействие с различными центрами силы современной мировой политики. [28]

Особое место в исследованиях внешней политики государств Центральной Азии занимают работы, посвящённые по факту многовекторного, но формально нейтрального Туркменистана. Так, Малышева Д.Б. в статье «Международные ориентиры Туркменистана» отмечает, что, сохраняя приверженность принципу постоянного позитивного нейтралитета, Ашхабад постепенно расширяет географию международного сотрудничества и отходит от политики внешнеполитической изоляции. Автор обращает внимание на стремление Туркменистана к диверсификации региональных контактов и развитию отношений с ключевыми региональными и глобальными игроками. [29]

Анализ указанных работ показывает отсутствие единого подхода к пониманию многовекторности в исследованиях Центральной Азии. Одни авторы рассматривают её как самостоятельную внешнеполитическую стратегию. Другие используют альтернативные понятия. Это свидетельствует о сохраняющейся концептуальной неопределённости данной категории.

В связи с этим представляется целесообразным сформулировать рабочее определение многовекторности, которое будет использоваться в рамках настоящего исследования. Многовекторность представляет собой модель внешнеполитического поведения, основанную на сохранении свободы разнопланового сотрудничества с ключевыми акторами, доминирующими в системе международных отношений как на глобальном, так и на региональном уровне. Формально определение многовекторности может закрепляться на уровне национальной концепции внешней политики. Важно понимать, что концепции внешней политики являются внутренними документами, которые могут пересматриваться. Многовекторность не предполагает отказа от сотрудничества с наиболее влиятельными государствами или блоками. Напротив, она предполагает стремление не допустить чрезмерной зависимости от одного, пусть даже ключевого, государства или блока. Элементами многовекторной внешней политики являются поддержание баланса между различными центрами силы, открытость международному сотрудничеству, гибкое взаимодействие с конкурирующими внешними акторами, а также диверсификация внешнеэкономических и политических связей. Каждый из перечисленных элементов многовекторной политики создаёт определённые преимущества для государств региона.

1.Диверсификация внешней политики позволяет странам региона сохранять устойчивость в условиях трансформации мирового порядка, адаптируясь к меняющимся условиям. Например, развитие европейского направления внешней политики Кыргызской Республики способствует укреплению международной субъектности государства, расширению внешнеполитической манёвренности и повышению транзитного потенциала. Данный вектор «способствует укреплению

международной субъектности Кыргызстана посредством расширения внешнеполитической манёвренности, повышения транзитного потенциала и усиления роли страны в евразийской системе региональной взаимосвязанности». [30, с. 251].

2.Поддержание баланса интересов крупных игроков. Даёт возможность сдерживания чрезмерного влияния отдельных государств. В частности, Эльданиз Гусейнов, анализируя изменения сфер влияния в Казахстане после начала российско-украинского конфликта, указывает, что Казахстан «пытается сдерживать рост российского экономического влияния посредством формирования глобальных связей, например за счёт расширения Транскаспийского маршрута транспортировки грузов в обход России или соблюдения санкционного режима». [27, с. 28].

3. Открытость международному сотрудничеству способствует расширению круга внешних партнёров и созданию дополнительных возможностей для национального развития. Для государств Центральной Азии данный аспект имеет особое значение, поскольку регион обладает значительными запасами природных ресурсов и высоким транзитным потенциалом, что делает его привлекательным для различных внешних акторов. В этих условиях открытость внешнему миру позволяет привлекать иностранные инвестиции, развивать инфраструктурные проекты и диверсифицировать внешнеэкономические связи. Так, А. Исаев, А. Аширгалиев и Д. Малдыбаев отмечают, что развитие отношений с новыми международными партнёрами позволило расширить пространство внешнеполитического манёвра, укрепить международные позиции государства и диверсифицировать внешнеэкономические связи. [31]

4. Гибкое взаимодействие с конкурирующими внешними акторами позволяет государствам Центральной Азии использовать соперничество внешних игроков в собственных интересах. Характерно, что ещё в 2009 году Е. Ионова, анализируя многовекторную внешнюю политику Туркменистана, отмечала, что «республике есть что предложить мировому рынку — это газовые ресурсы, причём обострение борьбы за них позволяет поставщикам извлечь

весьма существенную выгоду. Этой цели и служит многовекторность внешнеэкономической стратегии туркменского руководства». [32, с. 105]. Данный тезис демонстрирует, что многовекторность позволяет государствам региона использовать конкуренцию внешних акторов для получения дополнительных экономических преимуществ и укрепления собственных переговорных позиций.

Если анализировать внешнеполитический курс государств региона в соответствии с указанными элементами, можно прийти к выводу, что все пять стран Центральной Азии в той или иной степени придерживаются многовекторной модели внешней политики. При этом конкретные механизмы её реализации различаются в зависимости от национальных интересов, особенностей политического развития и внешнеполитических приоритетов каждого государства. Тем не менее наличие указанных элементов позволяет рассматривать многовекторность в качестве общей модели внешнеполитического поведения государств Центральной Азии.

Принимая во внимания преимущества многовекторной политики, нужно отметить и наличия ограничений её практической реализации. Несмотря на сохраняющиеся дискуссии относительно содержания данного понятия, их внешняя политика во многом соответствует основным признакам многовекторности. Государства региона демонстрируют открытость международному сотрудничеству, стремятся к диверсификации внешнеполитических и внешнеэкономических связей, поддерживают баланс между различными центрами силы и сохраняют гибкость внешнеполитического курса. Однако мир не стоит на месте. Трансформация системы международных отношений усложняет процесс взаимодействия стран Центральной Азии с различными акторами международных отношений. У ставшей привычной многовекторной внешней политики появляется ряд ограничений.

Чукубаев Е. и Савчук А., анализируя многовекторность государств Центральной Азии в условиях трансформации международной среды, отмечают, что «геополитическая система отношений в Центральной Азии находится в

состоянии трансформации, а политические элиты государств региона осознают, что поддержание многовекторной внешнеполитической модели в её первоначальном виде, сложившемся после распада СССР, становится всё более затруднительным в современных условиях».[33, с. 33] Авторы пишут, что ограничения многовекторности происходит за счёт ослабления позиций США в регионе, усиления Китая в регионе и давления на регион событий украинского кризиса.[33]

Первым ограничением можно назвать неизбежность окончательного выбора. Государство, реализующее многовекторную внешнюю политику восприимчиво к изменению баланса сил не только на глобальном уровне, но и на уровне региона. Эскалация гибридной войны между более крупными игроками, ставит перед многовекторными странами вопрос о том, с кем они хотят остаться. Показательным примером является ситуация вокруг Республики Армения, где процесс сближения с Европейским союзом вызвал дискуссию о совместимости данного курса с дальнейшим участием страны в Евразийском экономическом союзе. В частности, в совместном заявлении по итогам заседания Высшего Евразийского экономического совета от 29 мая 2026 года отмечалось: «Разделяем позицию о необходимости проведения в Республике Армения в возможно короткие сроки общенационального референдума о вступлении в Европейский союз или дальнейшем пребывании в составе Евразийского экономического союза». [34]

Вторым ограничением многовекторной политики является сохраняющееся неравенство потенциалов между государствами Центральной Азии и ведущими мировыми центрами силы. Россия, Китай, Соединённые Штаты и другие крупные акторы осуществляют взаимодействие со странами региона, исходя прежде всего из собственных интересов. В этих условиях государства, рассчитывающие на инвестиции, технологии, доступ к рынкам или иные формы поддержки, вынуждены учитывать требования и стандарты своих партнёров. На практике это может приводить к ситуациям, в которых возможности для самостоятельного выбора внешнеполитического курса оказываются

ограниченными. Многовекторность способствует укреплению суверенитета по сравнению с ориентацией на единственного внешнего партнёра, однако не устраняет полностью зависимость от более крупных центров силы. Особенно наглядно данная проблема проявилась после начала горячей фазы российско-украинского конфликта, когда государства Центральной Азии столкнулись с необходимостью одновременно учитывать интересы России, Китая и западных государств.

Таким образом, даже успешно реализуя многовекторную политику и укрепляя собственный потенциал, государства региона продолжают находиться в менее выгодном положении по отношению к более крупным и влиятельным партнёрам. Многовекторная политика не устраняет асимметрию сил в международных отношениях. Государства Центральной Азии могут использовать конкуренцию между внешними акторами для реализации собственных интересов, однако они не способны в полной мере определять правила такого взаимодействия.

Смягчить ограничения многовекторной внешней политики, государство может за счет участия в региональных организациях. Такой подход позволяет расширить круг международных партнеров и укрепить позиции страны на различных внешнеполитических направлениях. Участие в региональных объединениях создает дополнительные механизмы для политического диалога, экономического сотрудничества и координации вопросов безопасности. Кроме того, многосторонние форматы способствуют продвижению национальных интересов и снижают риски чрезмерной зависимости от отдельных государств. Показательным примером служит внешняя политика Казахстана.

Участие в интеграционных форматах различного уровня позволяет Казахстану не только укреплять собственные позиции на международной арене, но и активно влиять на формирование новой архитектуры регионального взаимодействия. Через механизмы многостороннего сотрудничества страна реализует стратегию сбалансированного развития и поддерживает устойчивость в условиях глобальной турбулентности. Опора на интеграционные структуры

придаёт внешней политике Казахстана системность, обеспечивает сочетание национальных интересов с коллективными инициативами и способствует укреплению роли страны как одного из ключевых акторов евразийского пространства. [35,с.435]

8 августа 2024 года Президент Республики Казахстан К.-Ж. Токаев опубликовал программную статью «Ренессанс Центральной Азии: на пути к устойчивому развитию и процветанию», посвящённую перспективам развития регионального сотрудничества. Размышляя о новом формате взаимодействия государств региона, Токаев отмечал: «Государства региона сформировали уникальный центральноазиатский формат сотрудничества, основанный на таких фундаментальных принципах, как взаимное уважение независимости, суверенитета и территориальной целостности, мирное разрешение возможных разногласий». [36]. Данная статья отражает стремление политических элит региона к укреплению кооперации между государствами Центральной Азии и формированию устойчивых механизмов взаимодействия по вопросам, представляющим общий интерес.

Тема регионального сотрудничества получила дальнейшее развитие в статье Президента Республики Узбекистан Ш.М. Мирзиёева «Центральная Азия на пороге новой эпохи», опубликованной в ноябре 2025 года. В ней подчёркивается переход государств региона к новому уровню взаимодействия: «Сегодня Центральная Азия вступает в новую фазу своего динамичного развития. Мы переходим от решения двусторонних вопросов к совместной выработке ответов на ключевые региональные вызовы — изменение климата, энергетический переход, обеспечение водной и продовольственной безопасности, развитие цифровых технологий. Перед нашими странами открываются новые горизонты сотрудничества, основанные на общей ответственности, взаимном доверии и согласованном видении будущего». [37]. Таким образом, идеи углубления региональной кооперации и совместного реагирования на общие вызовы находят отражение не только в научной литературе, но и в официальном политическом дискурсе государств Центральной Азии.

Таким образом, к началу 2026 года наметились контуры интеграционного процесса в Центральной Азии, в основе которого лежат общие интересы государств региона и сформировавшийся консенсус относительно необходимости расширения сотрудничества. При этом в программных статьях К.-Ж. Токаева и Ш.М. Мирзиёева не ставится вопрос о создании наднациональных органов, наделённых полномочиями принимать обязательные для всех участников решения. Напротив, региональная интеграция рассматривается прежде всего как механизм координации усилий и совместного реагирования на общие вызовы при сохранении национального суверенитета государств региона. Это позволяет говорить о постепенном переходе от деклараций о сотрудничестве к формированию практической модели регионального взаимодействия, основанной на добровольности, взаимной выгоде и общности интересов.

Притчин С.А. в статье «Центральноазиатская интеграция: ограничители и перспективы» отмечает, что: «Заинтересованность во внутренней центральноазиатской интеграции сегодня является одним из важных идеологических консенсусных нарративов в регионе на уровне общественного, экспертного восприятия и политической риторики». [38, с. 71] Одной из причин роста интереса к региональному сотрудничеству на наш взгляд является стремление государств Центральной Азии повысить собственную субъектность в отношениях с внешними центрами силы и укрепить свои переговорные позиции на международной арене. В этом смысле интеграция стран региона не означает отказа от многовекторной политики. Напротив, она может рассматриваться как её логическое продолжение, предполагающее сохранение многовекторного курса при одновременном усилении возможностей государств Центральной Азии через механизмы коллективного взаимодействия. Схожую позицию занимает Князев А.А., который отмечает: «В реализации своей многовекторной политики государства региона довольно активно идут на многостороннее взаимодействие с внешними акторами, пытаясь позиционироваться как единый субъект международных отношений, что, по их

мнению, должно придать им больший вес». [39, с. 104] Таким образом, интеграция стран Центральной Азии может рассматриваться как механизм коллективного усиления международных позиций государств региона.

Действуя в логике многовекторной внешней политики, государства Центральной Азии идут на сближение друг с другом в рамках развития региональной кооперации, стремясь минимизировать ограничения их многовекторного курса. Одним из таких ограничений является вероятность возникновения ситуации внешнеполитического выбора между конкурирующими центрами силы. Региональная кооперация позволяет снизить вероятность подобного сценария. Во-первых, потенциальный выбор в этом случае будет стоять не перед отдельным государством, а перед регионом в целом. Во-вторых, выступая в качестве консолидированного субъекта международных отношений, государства Центральной Азии получают дополнительные ресурсы для защиты собственных интересов во взаимодействии с внешними акторами. Таким образом, региональная кооперация частично компенсирует одно из ключевых ограничений многовекторной политики.

Интеграция стран Центральной Азии способна усилить переговорные позиции государств региона и частично компенсировать неравенство потенциалов в отношениях с ведущими мировыми державами. Тем самым может быть ослаблено второе ограничение многовекторной политики, связанное с асимметрией сил между государствами Центральной Азии и внешними центрами силы. Косвенным подтверждением данного тезиса может служить формат С5+1, где государства региона выступают как единая переговорная площадка при обсуждении широкого круга вопросов с Соединёнными Штатами. Выступая не по отдельности, а как регион, страны Центральной Азии повышают собственную значимость для внешних партнёров и получают дополнительные возможности для продвижения своих интересов. Исследуя формат С5+1, Сюй Цзюнь отмечает, что «в таком формате отдельные государства сохраняют субъектность и максимально используют имеющиеся возможности для смягчения возникающих рисков. Государства Центральной Азии в рамках такого

формата привлекают внимание большого количества государств, включая США, КНР, Южную Корею, Японию, Индию, Турцию, Иран и др». [40, с. 124] Данный пример показывает, что коллективное взаимодействие государств Центральной Азии позволяет привлекать внимание более широкого круга внешних партнёров и тем самым расширять возможности для реализации многовекторной политики.

Важно также отметить, что усиление региональной кооперации не должно приводить к отказу государствами Центральной Азии от многовекторной внешней политики. В случае чрезмерной институционализации интеграционных процессов возникает риск появления наднациональных механизмов, способных ограничить самостоятельность государств при принятии внешнеполитических решений. Именно поэтому интеграция в Центральной Азии должна носить исключительно координационный характер и быть направлена на согласование позиций по вопросам, представляющим общий интерес для региона. Необходимо сохранить баланс между региональной координацией и национальным суверенитетом.

Формирование многовекторной внешней политики Казахстана в 1990-е годы стало ответом на совокупность внутренних и внешних вызовов периода становления независимости. Распад СССР, отсутствие развитой дипломатической инфраструктуры, экономический кризис и нестабильная ситуация в Центральной Азии поставили перед руководством страны задачу поиска устойчивой модели взаимодействия с внешним миром. В этих условиях Казахстан последовательно развивал отношения с Россией, с США, с Китаем и с европейскими государствами. Такой подход позволял привлекать инвестиции, обеспечивать безопасность, расширять международное признание и снижать зависимость от любого отдельного центра силы. К середине 1990-х годов многовекторность оформилась в качестве одного из ключевых принципов внешней политики Казахстана и стала важным инструментом укрепления суверенитета государства.

Предпосылки многовекторной внешней политики Казахстана были заложены уже в «Стратегии становления и развития Казахстана как суверенного

государства», которая была опубликована в мае 1992 года. Документ предусматривал активное участие республики в международном разделении труда, развитие внешнеэкономических связей и использование преимуществ выгодного геополитического положения страны. Казахстан рассматривался как связующее звено между Европой и Азией. Такой подход отражал стремление к развитию отношений с широким кругом международных партнёров. В дальнейшем данные принципы получили развитие в концепции многовекторной внешней политики. [13].

Важным этапом институционализации внешней политики Казахстана стало принятие в 1995 г. первой Концепции внешней политики Республики Казахстан. Документ состоял из открытой и конфиденциальной частей и закрепил основы многовекторной и многосторонней дипломатии страны. [41, с.15] В том же году состоялась первая расширенная коллегия Министерства иностранных дел с участием Президента Республики Казахстан. Её решения способствовали укреплению роли внешнеполитического ведомства и повышению авторитета казахстанской дипломатии в системе государственных органов. [16,с.76].

Внесённые в 2000 и 2005 гг. изменения в Концепцию внешней политики отражали возросшие международные возможности Казахстана и его стремление к укреплению собственных позиций на региональном и глобальном уровнях. В этот период внешнеполитическая стратегия страны строилась на принципе «сначала экономика, потом политика». Приоритетное внимание уделялось привлечению инвестиций, развитию внешнеэкономических связей и использованию внешней политики для решения задач внутреннего развития. Одновременно Казахстан начал активнее позиционировать себя в качестве одного из ведущих государств Центральной Азии и инициатора региональных интеграционных процессов. Концепция внешней политики Республики Казахстан 2014 года отражала новый этап развития казахстанской дипломатии. Её ключевой особенностью стало закрепление принципа проактивной внешней политики.

Проактивность выражается в планировании и реализации внешней политики, выдвижении идей и инициатив, ориентированных на опережение; участии в формировании повестки дня международных отношений и принятии решений, отвечающих интересам Казахстана. [42] Документ был подготовлен с учётом задач, сформулированных в Стратегии «Казахстан–2050», и рассматривал внешнюю политику как один из инструментов национального развития. Важным нововведением стала публикация концепции в открытом доступе, что повысило прозрачность внешнеполитического курса государства. [16]. В концепции 2014 года было прямо прописано, что: «Внешняя политика Казахстана основана на принципах многовекторности, сбалансированности, прагматизма, взаимной выгоды, твердом отстаивании национальных интересов страны». [42]

Следующим этапом развития казахстанской дипломатии стало принятие Концепции внешней политики Республики Казахстан на 2020–2030 годы. Документ сохранил преемственность основных принципов внешнеполитического курса, включая многовекторность, прагматизм и сбалансированное взаимодействие с ведущими международными акторами. Важным отличием концепции внешней политики 2020 года стала фактическая констатация состояния гибридной войны, в котором пребывает планета. Разумеется, эта констатация производилась по средствам дипломатических формулировок. Это звучало так: «эрозия современной модели глобализации и международной торговой системы, увеличение разрыва в экономическом и технологическом развитии между странами и регионами, уязвимость глобальной финансовой системы, ужесточение торговых и валютных войн, санкционное противостояние». [43]. Особое внимание уделялось укреплению позиций Казахстана в Центральной Азии, развитию многосторонней дипломатии и защите национальных интересов через механизмы экономического и гуманитарного сотрудничества. Концепция также закрепила приверженность принципам мультилатерализма и проактивной внешней политики. Тем самым

документ не только подтвердил устойчивость многовекторного курса, но и адаптировал его к новым международным условиям. [16].

Таким образом, многовекторность представляет собой модель внешнеполитического поведения, которая не имеет самостоятельного теоретического оформления в рамках теории международных отношений, однако опирается на ряд концепций, связанных с обеспечением безопасности, сохранением суверенитета и поддержанием внешнеполитической автономии государства. Анализ научной литературы показывает отсутствие единого подхода к пониманию многовекторности, что сохраняет дискуссионный характер данной категории. Вместе с тем проведённое исследование позволяет выделить её основные элементы: диверсификацию внешнеполитических связей, поддержание баланса между центрами силы, открытость международному сотрудничеству и гибкость во взаимодействии с внешними акторами. Наличие указанных признаков позволяет рассматривать многовекторность в качестве характерной модели внешней политики всех государств Центральной Азии. Казахстан стал одним из первых государств региона, которое не только реализовало данный подход на практике, но и закрепило его на уровне концептуальных внешнеполитических документов. В результате многовекторность превратилась в один из ключевых принципов внешней политики Республики Казахстан и сохранила своё значение на всех этапах развития независимого государства.

1.2 ЭВОЛЮЦИЯ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

Авторы исследования проблематики влияния становления многополярности в Центральной Азии на многовекторность Казахстана отмечают, что: «Анализ многовекторной внешней политики Казахстана показывает, что средние державы способны успешно действовать в условиях сложной геополитической среды и сохранять стратегическую автономию даже в период соперничества великих держав. Полученные результаты ставят под сомнение традиционные представления о международной политике как игре с нулевой суммой, демонстрируя, каким образом Казахстан использовал многообразие своих внешних связей для сохранения собственного положения и влияния». [44, с.48] Такая оценка подчёркивает устойчивость казахстанской модели многовекторности, однако её содержание невозможно понять без учёта условий, в которых она формировалась. Любая модель внешнеполитического поведения является отражением конкретной конфигурации мировой политики и отвечает вызовам своего времени. Поэтому при анализе эволюции казахстанской модели многовекторности необходимо учитывать особенности мирового порядка, сложившегося после распада Советского Союза.

Формирование многовекторной внешней политики Казахстана было обусловлено особенностями положения страны в первые годы независимости. Республика унаследовала значительный ядерный арсенал, обладала обширной территорией и протяженными границами. Серьезное влияние оказывали ограниченные военные и экономические возможности государства, многонациональный состав населения, а также соседство с Россией и Китаем. Кроме того, Казахстан располагал значительными природными ресурсами, что усиливало интерес к стране со стороны мировых и региональных держав. Важным фактором являлось и отсутствие прямого доступа к морским коммуникациям. В этих условиях многовекторность стала оптимальным

инструментом обеспечения национальной безопасности и сохранения внешнеполитического баланса.

Актуальность и значимость для проводимого анализа представляют работы посвящённые внешней политике Республики Казахстан. Одной из них является статья, написанная в 2009 году Р. Ханксом Многовекторная политика и растущая роль Казахстана как геостратегического игрока в Центральной Азии («Multi-vector politics and Kazakhstan's emerging role as a geo-strategic player in Central Asia»). Автор рассматривает понятие «многовекторность» как стратегическую модель, позволяющую Казахстану сотрудничать с различными крупными акторами мирового политического процесса. Как отмечает Хэнкс, многовекторная внешняя политика позволяет Казахстану выстраивать отношения с различными структурами, не воспринимая это в качестве противоречия. Он пишет, что: «С точки зрения Астаны, нет противоречия в сохранении тесных отношений с НАТО при одновременном участии в ШОС, что вполне соответствует взглядам страны, которая считает себя воплощением концепции «Евразии», связующим звеном между Востоком и Западом и новым геостратегическим игроком на постсоветском пространстве». [45, с.267]

В первые годы независимости Казахстан столкнулся с рядом общеизвестных внешнеполитических вызовов. Одним из наиболее чувствительных направлений стали отношения с Российской Федерацией. В начале 1990-х годов на российскую политику заметное влияние оказывали идеи сохранения особой роли Москвы на постсоветском пространстве. В российском политическом дискурсе активно поднимались вопросы положения русскоязычного населения и экономических связей с бывшими союзными республиками. Не менее важной задачей стало выстраивание отношений с Китайской Народной Республикой. Двусторонний диалог осложнялся наличием нерешенных пограничных вопросов, унаследованных от советского периода. Дополнительным вызовом стало ядерное наследие СССР. После распада Советского Союза на территории Казахстана остался один из крупнейших в мире ядерных арсеналов. Руководству страны предстояло определить дальнейшую судьбу этого потенциала.

Сохранение ядерного оружия могло усилить позиции Казахстана в сфере безопасности, однако одновременно создавало риск международной изоляции и осложнения отношений с ведущими мировыми державами. В этих условиях было принято решение об отказе от ядерного статуса, что впоследствии стало одним из ключевых элементов внешнеполитического курса Республики Казахстан. Как отмечают Вандерхилл Р., Джойрман С. и Тулепбаева Р., многовекторность позволила Казахстану выстраивать отношения одновременно с несколькими центрами силы, сохранять государственный суверенитет и избегать чрезмерной зависимости от какой-либо одной державы. [46]

Республика находится между двумя крупнейшими региональными державами, что объективно определяет значимость отношений с обоими государствами. В этих условиях одним из ключевых направлений внешней политики стало поддержание конструктивного взаимодействия с Москвой и Пекином, а также поиск собственного места в системе региональных отношений. Географическое положение Казахстана способствовало превращению страны в важный элемент евразийского политического и экономического пространства. [47]

Первый этап 1991 -1995

Казахстанская модель многовекторной политики, сформировавшаяся в 1990-е годы, изначально была направлена на то, чтобы оставаться гарантом международной субъектности. Важно понимать, что распад Советского Союза не закрыл вопрос о конкуренции великих держав, а лишь сформировал однополярную модель внешней политики, внутри которой постепенно развивалась конкуренция США с потенциально новыми центрами силы.

Поэтому важно понимать, что внешнеполитический курс Казахстана был адекватен ситуации, сложившейся в тот момент времени. Казахстанская модель многовекторности была адекватной международной обстановке на рубеже столетий, поскольку учитывала особенности сложившегося однополярного мирового порядка, используя преимущества сотрудничества с различными центрами силы. Благодаря этому она не только отвечала вызовам своего

времени, но и создала основу для последующей адаптации внешнеполитической стратегии Казахстана к изменениям мировой политической системы.

После обретения независимости Республика Казахстан столкнулась с необходимостью определения своего места в формирующейся системе международных отношений. Этот процесс проходил в условиях становления суверенной государственности и создания основных институтов внешней политики. Длительное пребывание в составе Российской империи и Советского Союза обусловило отсутствие опыта самостоятельной дипломатической деятельности. Дополнительным ограничением стала нехватка специалистов в области международных отношений. В этих условиях ключевыми задачами стали формирование национальных интересов, разработка внешнеполитического курса, установление дипломатических отношений с иностранными государствами и выстраивание взаимодействия с международными организациями. [48, с. 4]

Анализируя становление многовекторного подхода во внешней политике Казахстана, Медеубаева Ж.М. обращается к выступлению Назарбаева Н.А. на пресс-конференции по итогам президентских выборов 2 декабря 1991 года. Автор отмечает, что именно в данном выступлении были впервые обозначены основные ориентиры будущего внешнеполитического курса страны. Отвечая на вопрос о внешнеполитической ориентации Казахстана, Президент подчеркнул открытость государства и заявил: «Казахстан в силу своего геополитического положения и экономического потенциала не вправе замыкаться на узко региональных проблемах. Это было бы непонятно не только у нас в стране, но и за ее пределами. Будущее Казахстана и в Азии, и в Европе, и на Востоке и на Западе». [49, с. 133]

Вопрос о времени формирования многовекторной внешней политики Казахстана не является предметом дискуссий. В своей монографии Медеубаева Ж.М. приводит позицию бывшего министра иностранных дел Республики Казахстан К.К. Токаева, который относит формирование данного принципа к начальному этапу независимости. По его мнению, именно в период с декабря

1991 по 1993 год «был сформулирован принцип многовекторности дипломатии Казахстана, который сегодня является стержнем внешнеполитической деятельности страны». Таким образом, согласно данной точке зрения, основы многовекторного курса были заложены уже в первые годы существования независимого Казахстана. [49, с. 133]

Формирование многовекторной внешней политики Казахстана было обусловлено особенностями положения страны в первые годы независимости. Республика унаследовала значительный ядерный арсенал, обладала обширной территорией и протяженными границами. Серьезное влияние оказывали ограниченные военные и экономические возможности государства, многонациональный состав населения, а также соседство с Россией и Китаем. Кроме того, Казахстан располагал значительными природными ресурсами, что усиливало интерес к стране со стороны мировых и региональных держав. Важным фактором являлось и отсутствие прямого доступа к морским коммуникациям. В этих условиях многовекторность стала оптимальным инструментом обеспечения национальной безопасности и сохранения внешнеполитического баланса. Поскольку становление внешнеполитической модели Республики Казахстан происходило в условиях однополярного мирового порядка, внешняя политика молодого государства фактически строилась на сочетании двух основных внешнеполитических направлений. Первое было связано с сохранением стратегического партнёрства с Москвой и странами СНГ, а второе с развитием отношений с Вашингтоном и европейскими столицами. Поддержание баланса между этими направлениями позволяло Казахстану одновременно учитывать особенности и глобальной и региональной геополитической среды

Важную роль в становлении отношений между Казахстаном и Соединёнными Штатами сыграли переговоры Нурсултана Назарбаева с Государственным секретарём США Джеймсом Бейкером, состоявшиеся 15–16 сентября 1991 года в Алма-Ате. В ходе встреч Президент Казахстана обозначил основные направления сотрудничества с американской стороной. Приоритет

был отдан привлечению инвестиций, развитию взаимовыгодных экономических связей, интеграции Казахстана в международные политические и финансовые организации и подготовке национальных кадров для работы в условиях рыночной экономики. Именно в ходе этих переговоров были заложены основы казахстанско-американского сотрудничества. Впоследствии они стали одним из ключевых элементов формирующейся многовекторной внешней политики Республики Казахстан. [50]

Сотрудничество с Соединёнными Штатами не являлось альтернативой российскому направлению внешней политики. Оно представляло собой инструмент укрепления международной субъектности Казахстана. Важно понимать, что интеграция независимого Казахстана в глобальный миропорядок стала возможной благодаря стабильным и во многом позитивным отношениям с Америкой. По мнению Александрова С.Н., исследовавшего американское содействие экономическому развитию Казахстана в 1990-е гг. «для американских законодателей содействие США в экономическом развитии Казахстана всегда было исключительно прагматичным вопросом. Основной задачей было получение материальной выгоды от энергетических запасов молодой республики. Критерием для обеспечения достаточного уровня помощи Казахстану было поддержание его статуса независимой республики». [51, с.32]

Анализируя российское направление внешней политики Республики Казахстан, Губайдуллина М.Ш. и Конуспаев Е.Б. отмечают, что традиционные интересы Казахстана в отношениях с Российской Федерацией основываются на совокупности долговременных факторов, обусловленных географией и историей. К их числу авторы относят внутриконтинентальное положение Казахстана и зависимость от российских транспортно-коммуникационных маршрутов, значительный политический и военно-стратегический потенциал России, высокий уровень экономической взаимозависимости двух государств, а также историческую, гуманитарную и культурную общность народов. По мнению исследователей, именно эти факторы определяют особое значение российского направления во внешней политике Республики Казахстан. [52, с.5]

Несмотря на то что Казахстан официально декларировал стремление развивать отношения со всеми странами мира, изначально на самой заре независимости внешняя политика Казахстана имела два направления. Она ориентировалась на Вашингтон и на Москву. Потому что сочетание этих векторов было жизненно необходимым условием международной субъектности независимого Казахстана. Российское и Американское направления не рассматривались руководством Республики Казахстан как взаимоисключающие. Каждое из них выполняло самостоятельную функцию в системе обеспечения национальных интересов государства. Российское направление оставалось ключевым элементом региональной безопасности, экономической кооперации и интеграционных процессов на постсоветском пространстве, тогда как сотрудничество с Соединёнными Штатами и европейскими государствами способствовало укреплению международной субъектности Казахстана, привлечению иностранных инвестиций и расширению внешнеэкономических связей. Именно сочетание этих направлений сформировало первоначальную модель казахстанской многовекторной внешней политики.

В дальнейшем по мере интеграции Казахстана в региональную и мировую экономику к Москве и Вашингтону прибавился Пекин. Стремительное превращение Китая в один из ведущих центров мировой экономики обусловили быстрое усиление китайского направления внешней политики Казахстана. Китай стал одним из крупнейших торгово-экономических партнёров республики. Одновременно расширялось сотрудничество с Европейским союзом, который постепенно укрепил свои позиции в качестве одного из основных торговых партнёров и крупнейших иностранных инвесторов в казахстанскую экономику. Таким образом, модель казахстанской многовекторности не оставалась статичной, а последовательно адаптировалась к трансформации международной системы.

Второй этап 1995 -2001

Второй этап эволюции многовекторной модели Казахстана начинается в 1995 году, поскольку именно тогда появляются первые результаты внешнеполитической деятельности и предпринимается первая попытка концептуализировать внешнюю политику Казахстана. Курмангужин Р. и Чеботарёв А., анализировавшие эволюцию внешнеполитических концепций Республики Казахстан отмечают, что: «К 1995 г. Казахстан уже имел договоры со всеми странами Центральной Азии. С Узбекистаном и Кыргызстаном был подписан также договор о создании единого экономического пространства. На саммите ОБСЕ в Будапеште в 1994 г. Казахстан получил гарантии ядерной безопасности со стороны России, США и Великобритании, а к апрелю 1995 г. выполнил обязательства по вывозу с территории страны ядерного оружия, оставшегося в наследие от Советского Союза. В 1995 г. республика также наладила сотрудничество с Организацией Исламской конференции (ОИК) и через год стала ее членом. Первой казахстанской инициативой в рамках ОИК стало принятие на саммите в 1997 г. в Тегеране подготовленных дипломатами посольства РК в Эр-Риаде двух резолюций по реабилитации регионов, прилегающих к Семипалатинскому ядерному полигону и Аральскому морю, а также поддержке Совещания по взаимодействию и мерам доверия в Азии (СВМДА)». [16, с.76]

Важное значение для дальнейшего развития казахстанской многовекторной внешней политики имела первая Концепция внешней политики Республики Казахстан, подготовленная в 1995 году. Как отмечает Курмангужин Р.: «Сегодня ясно, что работа над первым концептуальным документом в 1990-х годах была достаточно сложной. Нашей стране впервые необходимо было определить курс Республики Казахстан на международной арене в условиях распада двухполюсного мира в тот исторический период, а также сформировать новое видение международной повестки. Но тогда основные акторы системы международных отношений не находились в жесткой конфронтации. Это позволяло главе казахстанского государства поочередно посещать с визитами

США и Россию, участвовать в двусторонних встречах на высшем уровне, как это происходило в 1992 и 1994 годах». [53]

Все вышеперечисленные результаты были направлены на создание имиджа миролюбивого государства, открытого для экономического сотрудничества. Важно отметить, что созданный бренд открытого и миролюбивого Казахстана в дальнейшем сыграл важную роль в экономическом развитии. По сути, благодаря созданному имиджу в дальнейшем в Казахстан привлекались иностранные инвестиции. Как отмечает Губайдулина М.Ш. в статье, посвящённой итогам внешней политики Казахстана: «Экономическая составляющая превалирует во внешнеполитической деятельности Казахстана. С середины 90-х годов проводится все более «экономизированная» политика, направленная на привлечение инвестиций и на развитие торгово-экономических связей. Казахстан в силу его ресурсного потенциала максимально приближен к геоэкономическим реалиям современного мира». [54, с.5]

Принятие Стратегии «Казахстан–2030» не изменило сущность казахстанской многовекторности, однако придало новый импульс её развитию. Многовекторная внешняя политика сохранила адаптационную функцию, но одновременно стала использоваться для продвижения собственных международных инициатив, расширения регионального влияния Казахстана и повышения его роли в международных организациях. В документе были определены её основные приоритеты. Особое значение отводилось развитию доверительных и равноправных отношений с Россией как ближайшим и исторически дружественным соседом Казахстана. Отношения с Китаем предлагалось строить на принципах доверия, добрососедства и взаимной выгоды. Стратегия также предусматривала расширение сотрудничества с Соединёнными Штатами Америки и другими ведущими индустриально развитыми государствами. Важным направлением внешней политики признавалось взаимодействие с международными организациями и финансовыми институтами, включая ООН, Международный валютный фонд, Всемирный банк, Азиатский, Европейский и Исламский банки развития. Тем

самым многовекторность получила стратегическое закрепление в качестве долгосрочной основы внешнеполитического курса Республики Казахстан. [55]

Если на первом этапе многовекторность выполняла главным образом функцию адаптации Казахстана к условиям однополярного мирового порядка и обеспечения международной субъектности государства, то в период 1995–2001 годов она постепенно трансформировалась в инструмент реализации долгосрочных национальных интересов. При сохранении базовых принципов многовекторности существенно возросло значение её экономической составляющей. Внешняя политика всё активнее использовалась для привлечения иностранных инвестиций, развития международной торговли, участия в интеграционных объединениях и продвижения собственных международных инициатив. Одновременно происходило институциональное оформление внешнеполитического курса посредством принятия первой Концепции внешней политики Республики Казахстан и закрепления её основных положений в Стратегии «Казахстан–2030».

Третий этап 2001 -2022 гг.

Террористические акты 11 сентября 2001 стали ключевым событием, изменившим систему международных отношений. Начавшаяся после этого глобальная борьба с терроризмом сопровождалась военными операциями Соединённых Штатов и их союзников в Афганистане и Ираке, что привело к существенному расширению американского присутствия в различных регионах мира. В Центральной Азии были созданы военные базы США в Узбекистане и Кыргызстане, вследствие чего регион впервые оказался в сфере прямого стратегического соперничества ведущих мировых держав. Одновременно усиливалась внутрирегиональная нестабильность. В 2005 году произошла «тюльпановая революция» в Кыргызстане, а в Узбекистане имели место андижанские события, оказавшие серьёзное влияние на региональную безопасность. Во второй половине десятилетия всё отчётливее проявлялись признаки кризиса однополярной модели мирового порядка. Об этом свидетельствовали и Мюнхенская речь Президента Российской Федерации

Путина В.В. в феврале 2007 года, открыто поставившая под сомнение устойчивость однополярного мироустройства, а также косовский прецедент 2008 года, продемонстрировавший глубокие противоречия между ведущими мировыми центрами силы. Совокупность этих процессов существенно изменила международную среду, в которой реализовывалась внешняя политика Республики Казахстан, и обусловила дальнейшую эволюцию её многовекторной модели.

В конце 1990-х и в первое десятилетие XXI века Казахстан начал позиционировать себя как активный участник международных процессов, выступая с инициативами евразийской интеграции, укрепления азиатской безопасности и развития межцивилизационного диалога. Таким образом, к 2010 году многовекторная политика эволюционировала от стратегии обеспечения международного признания и безопасности к комплексной модели реализации национальных интересов на региональном и глобальном уровнях.

Результатом реализации многовекторной внешней политики Казахстана стало укрепление международного авторитета государства. Одним из наиболее значимых событий стало проведение Саммита ОБСЕ в Астане в 2010 году, который стал первым саммитом организации за одиннадцать лет и первым подобным мероприятием на постсоветском пространстве. Дальнейшему повышению международного статуса страны способствовали проведение VII зимних Азиатских игр в 2011 году и международной специализированной выставки EXPO-2017. Признанием возросшей роли Казахстана на мировой арене стало избрание республики непостоянным членом Совета Безопасности ООН на период 2017–2018 годов. Дополнительным подтверждением международного авторитета государства стало проведение в Астане переговоров по сирийскому урегулированию, благодаря которым Казахстан закрепил за собой репутацию нейтральной площадки для международного диалога и мирного урегулирования конфликтов.

Особую роль в становлении внешней политики независимого Казахстана сыграл Первый Президент Республики Казахстан Н.А. Назарбаев.. Под его

руководством были урегулированы вопросы, связанные с ядерным наследием Советского Союза, определены подходы к обеспечению национальной безопасности и сформирован курс на развитие сбалансированных отношений с ведущими мировыми державами. Важным вкладом Н.А. Назарбаева стало формирование концептуальных основ многовекторной внешней политики, предполагавшей развитие партнерских отношений одновременно с Россией, США и Китаем. Кроме того, Президент выступил инициатором ряда международных и интеграционных проектов, которые способствовали укреплению позиций Казахстана на мировой арене. Таким образом, политическое лидерство Н.А. Назарбаева стало одним из ключевых факторов формирования внешнеполитической стратегии Республики Казахстан на начальном этапе ее независимого развития. Как отмечает Куппаева Б.Т., «фактор Президента стал одним из основных в процессе формирования внешнеполитической доктрины РК»[1]. По мнению исследователя, именно Н.А. Назарбаев определил курс на развитие сбалансированных отношений с Россией, США и Китаем, что впоследствии легло в основу многовекторной внешней политики Казахстана. [56]

Третий этап эволюции казахстанской многовекторности характеризовался активным участием Республики Казахстан в международных процессах. При этом многовекторная модель сохранила принцип сбалансированного взаимодействия с ведущими мировыми центрами силы. Однако её содержание существенно расширилось. Внешняя политика стала инструментом укрепления международного авторитета страны. Она использовалась для продвижения интеграционных инициатив, развития механизмов региональной безопасности и позиционирования Казахстана в качестве нейтральной переговорной площадки. Казахстан принимал участие в международной операции по разминированию территории Ирака. Республика также оказывала помощь новому правительству Афганистана. В этот период Казахстан впервые стал председателем Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе. В Астане состоялся Саммит ОБСЕ. Республика провела VII зимние Азиатские игры, XXVIII Всемирную зимнюю

Универсиаду и международную специализированную выставку EXPO-2017. Казахстан стал первой страной Центральной Азии, избранной непостоянным членом Совета Безопасности ООН. Республика выступила с инициативой G-Global и предоставила площадку для переговоров по сирийскому урегулированию. Всё это свидетельствовало о том, что многовекторная внешняя политика превратилась в эффективный инструмент реализации национальных интересов и укрепления международных позиций Казахстана.

Внешняя политика Казахстана времён Назарбаева Н.А. характеризовалась сочетанием многовекторности, прагматизма и высокой степени предсказуемости. Несмотря на ограниченные экономические и внешнеполитические ресурсы молодого государства, Казахстан сумел занять заметное место в системе международных отношений и сформировать репутацию надежного партнера. Были заложены основы многовекторной политики. Был создан баланс в сотрудничестве Республики Казахстан с ключевыми игроками. Казахстан стал мостом между Европой и Азией и полноправным участником международных организаций. В работе казахстанского исследователя, специализирующегося на анализе внешней политики Казахстана Курмангужена Р.С. отмечается: «С обретением республикой независимости одной из задач Назарбаева Н. стало создание профессиональной дипломатической службы. Она должна была решать задачи, оставшиеся от СССР, а также определить траекторию внешней политики, обеспечивающую достойное место Казахстана в системе международных отношений». [57, с.155] Таким образом, внешнеполитический курс, сформированный под руководством Н.А. Назарбаева, сыграл важную роль в укреплении международных позиций Казахстана и повышении его узнаваемости на мировой арене.

Четвёртый этап после 2022 года

В научной литературе последних лет отмечается, что современный этап внешней политики Казахстана характеризуется переосмыслением роли страны в региональных и глобальных процессах. Большинство исследований

фокусируется на том, как руководство Казахстана реагирует на ключевые мировые события, определяющие процесс трансформации международной политики. Например, Yesdauletova A., Nurdavletova S. и др. подчеркивают, что война в Украине и общая геополитическая турбулентность стали факторами, вынудившими Астану адаптировать многовекторность к новым вызовам. Авторы отмечают: «Тем не менее, современные геополитические реалии диктуют руководству Казахстана необходимость пересмотра отношений с другими мировыми державами, такими как Китай и Турция. Важно отметить, что географическое положение Казахстана играет в этом контексте ключевую роль, исходя из чего страна находится в постоянном поиске баланса влияния между мировыми державами». [58, с. 152].

Аналогичный подход прослеживается в работе Мамедова А. В. где внешняя политика Казахстана рассматривается как гибкий механизм реагирования на меняющиеся расклады глобальной политики. В заключении статьи он отмечает: «Очевидно, что Казахстан продолжит маневрировать между Западом, Россией и Китаем, которые оказывают на него влияние. Подобную ситуацию может изменить принятие новой концепции внешней политики. В документе должны найти отражение глобальные изменения, дана оценка положения страны в современной системе международных отношений и очерчены внешнеполитические интересы». [59, с. 127].

Другую исследовательскую перспективу представляют работы, схожие с тем подходом, которые демонстрируют Аватков В. А. и Ерманалиева А. Р., рассматривающие Казахстан как центр пересечения интересов глобальных игроков — России, Китая, США и Турции. Они отмечают, что «Проведя анализ стратегий США, Китая, Турции и России по отношению к Казахстану, необходимо подчеркнуть, что каждый из акторов стремится активно продвигать свои интересы, применяя при этом уникальные подходы». [60, с. 17]. Такой подход является весьма распространённым и объясняет внешнеполитические процессы Казахстана через призму влияния крупных акторов мировой политики.

В статье «Многовекторная внешняя политика Республики Казахстан: переоценка при президенте Токаеве» («The Republic of Kazakhstan's multi-vector foreign policy: Re-evaluation under president Tokayev») анализируется трансформация внешней политики Казахстана в период перехода власти от Нурсултана Назарбаева к Касым-Жомарту Токаеву. Авторы выявляют как элементы преемственности, так и качественные изменения, подчёркивая, что в эпоху Токаева К.К. многовекторность приобретает более выраженный «геоэкономический характер», акцентируя внимание на экономической взаимозависимости и развитии транспортно-логистических проектов. Авторы этого исследования отмечают, что «Очевидно, что внешняя политика Казахстана эволюционировала от индивидуализированного подхода к институционализированному, с потенциалом преемственности в будущих президентских сроках. Этот переход свидетельствует о растущей важности и необходимости четкой внешнеполитической концепции для Казахстана. В дальнейшем для страны крайне важно продолжать разработку и реализацию многовекторного подхода для эффективного преодоления сложностей международной обстановки и продвижения своих национальных интересов». [61, с. 922]

В 2022 году происходит трансформация казахстанской многовекторности в свете СВО[1] России на Украине и январских событий 2022 г. в самом Казахстане, одновременное развитие 3 векторов внешней политики Казахстана – китайского, российско-евразийского и европейского, стремление Казахстана сохранить относительный нейтралитет в условиях трансформаций на мировой арене. Казахстанская внешняя политика соответствует политике «среднего государства». Многовекторность как один из важных внешнеполитических принципов внешней политики Казахстана будет сохраняться в среднесрочной перспективе. [62, с.75]

[1] Специальная военная операция – это термин, который используется на территории Российской Федерации для описания специфики действий российской армии на территории Украины.

Ключевыми моментами стали события 2022 года, разделившие период президентства Токаева К.К. на «до» и «после». Однако контуры новой геополитики стали проявляться сразу после прихода на президентский пост Касым-Жомарта Токаева. Второй президент Казахстана в процессе внесения изменений всё-таки сохранил базовый стратегический подход в геополитике Казахстана, сформировавшийся в предыдущий период. Отличительными чертами геополитики Токаева К.К. стали нижеперечисленные особенности.

Первой особенностью стало то что, под руководством Токаева К.К. многовекторность приобрела более «конкретизированный» характер: она во многом перестала быть инструментом балансирования. Многовекторность в геополитическом плане превратилась в инструмент усиления стратегической автономии через прагматичную диверсификацию партнёрств и маршрутов реализации национальных интересов. Важно понимать, что ухудшение глобального фона может стать катализатором внутриполитических противоречий. Как отмечается в исследовании посвящённом особенностям политических процессов в странах Центральной Азии на современном этапе: «На фоне глобальной геополитической турбулентности резко возросла вероятность расшатывания внутриполитической обстановки в странах Центральной Азии, которые сталкиваются с такими системными экономическими и социальными проблемами, как коррупция, безработица, низкий уровень жизни населения».[63, с.488] Конкретизация заключается в попытках Астаны диверсифицировать транспортные маршруты, используемые для транспортировки казахстанских энергоресурсов в страны Европы и США и привлечении в казахстанскую экономику западных инвесторов. Расширение партнёрства на западном векторе предполагает демонстрацию элементов дистанцирования от сотрудничества с Россией по некоторым вопросам. Казахстан не признал суверенитет России над Крымским полуостровом, не признал независимость ДНР и ЛНР, не признал вхождение ряда областей Украины (Запорожье, Херсонская область, Луганская область и Донецкая

область) в состав Российской федерации. Астана усилила пограничный контроль для недопущения транспортировки в Россию товаров двойного назначения.[2]

Второй особенностью является переход от пассивного «балансирования» к активному использованию геоэкономических инструментов для расширения геополитических возможностей. Диверсификация транспортных маршрутов требует активизации дипломатических контактов с Азербайджаном для расширения возможностей транспортировки казахстанских энергоресурсов в Европу и США, а также с Афганистаном, для развития транспортных коридоров в направлении Пакистана. Себастьян Майер рассматривает Республику Казахстан как один из источников стабильности для Афганистана. Он отмечает, что: «Одна из идей – создание международного торгового коридора, соединяющего узбекский приграничный город Термез с Афганистаном, через пакистанский Пешавар, а оттуда – через порты на Аравийском море, такие как Карачи. Это упростило бы доставку товаров из Казахстана (и других стран Центральной Азии) в Китай и Европу». [64, с. 27] Что касается сотрудничества с Азербайджаном, то Тагиева М. И. и Гусейнов Р. А. описывая развитие отношений двух стран приводят следующую статистику: «По данным Государственного таможенного комитета, в 2022 году Азербайджан импортировал 280 тысяч тонн пшеницы из Казахстана, что в 5,3 раза больше, чем в 2021 году. Объём импорта составил 95,8 миллиона долларов США. Казахстан является одним из основных импортёров нефти и нефтепродуктов Азербайджана. В конце 2022 года не нефтяной экспорт Азербайджана в Казахстан увеличился в 2,6 раза по сравнению с 2021 годом и составил 102, 7 миллиона долларов США». [65, с. 189]

Третья особенность — рост роли «тюркского» вектора как стратегического направления внешней политики. Казахстан при Токаеве К.К. взял на себя инициативу по институциональному укреплению Организации тюркских

[2] *С 1 апреля 2023 года Казахстан по факту ужесточил контроль за передвижением товаров, пересекающих границу со странами ЕАЭС. Вводятся электронные накладные, отслеживающие перемещение грузов.*

государств (ОТС) и продвижению программы своего председательства «TURKTIME», где Astana формулирует приоритеты от экономического взаимодействия до культурно-гуманитарной кооперации и посредничества в региональных вопросах.

Казахстан, со своей стороны, занимает стратегическую позицию внутри тюркского мира не только по геополитическому положению, но и благодаря политике «многовекторности», сочетающей евразийскую и тюркскую идентичности. Первый Президент Н. А. Назарбаев неоднократно подчёркивал важность возрождения тюркского единства на основе культурной преемственности и предложил создание таких институтов, как Тюркская академия и Тюркский культурный фонд, ставших платформами культурной консолидации. [66, с. 330]

Рост значимости тюркского вектора связан с объективными геополитическими факторами. Казахстан занимает уникальное геостратегическое положение в центре Евразии, располагаясь на пересечении ключевых транспортных маршрутов между Востоком и Западом. В условиях трансформации глобальной логистики и снижения зависимости от традиционных направлений через Россию, тюркские страны рассматриваются Астаной как естественные партнёры в реализации проектов по развитию Среднего коридора (Trans-Caspian International Transport Route, TITR). Этот маршрут соединяет Китай и Европу через Казахстан, Каспийское море, Азербайджан, Грузию и Турцию, что делает его не только экономическим, но и стратегическим инструментом укрепления региональной автономии. Таким образом, тюркский вектор приобретает характер не только культурного, но и геоэкономического проекта, способного повысить транспортную независимость Казахстана и всей Центральной Азии.

Примечательно, что тюркский вектор в политике Астаны не противоречит многовекторности, а органично её дополняет. Казахстан выстраивает сотрудничество с Турцией, Азербайджаном, Узбекистаном и другими тюркскими государствами, не замыкаясь исключительно на этнокультурном

единстве. Напротив, он интегрирует тюркскую идентичность в более широкий контекст евразийской политики. Это позволяет Астане позиционировать себя как мост между различными интеграционными проектами — от Евразийского экономического союза (ЕАЭС) до Европейского союза и Китая. Таким образом, многовекторная стратегия выступает механизмом балансировки, позволяющим Казахстану одновременно укреплять связи в рамках тюркского сообщества и развивать отношения с другими центрами силы.

Четвёртая особенность заключается в новом самопозиционировании Казахстана в качестве «средней державы». Это не столько формальный статус, сколько прагматическая внешнеполитическая позиция, основанная на комбинировании возможностей страны. Средняя держава это и географическое положение, и экономический потенциал и дипломатический капитал. Как отмечает Эльданиз Гусеинов: «Внешняя политика Казахстана в 2024 году характеризуется качественным сдвигом в сторону более самостоятельной и многомерной дипломатии. Признание в качестве «средней державы», растущий интерес к ресурсному потенциалу страны, укрепление собственной роли в региональных форматах, реализация многовекторного подхода в атомной энергетике, ориентация на коллективную безопасность и региональное процветание — всё это формирует новую дорожную карту внешнеполитических приоритетов». [67]

Астана всё чаще демонстрирует нейтралитет и дистанцирование в отношении крупных конфликтов, стремясь при этом проявлять лидерство в вопросах регионального сотрудничества. С другой стороны, обладание статусом «средней державы» позволяет Казахстану претендовать на лидерство в регионе Центральной Азии и выступать с инициативами регионального масштаба. Как отмечает Токаев К.К. в своей статье «Ренессанс Центральной Азии: на пути к устойчивому развитию и процветанию»: «Со своей стороны мы последовательно придерживаемся принципа «Успешная Центральная Азия – успешный Казахстан» и готовы идти на дальнейшее развитие интеграционных процессов настолько, насколько готовы наши стратегические партнеры и союзники в

регионе». [36] Последствия позиционирования себя в качестве «средней державы» приносит Казахстану дополнительные опции манёвра и повышает его значимость в региональной и транзитной логистике, но одновременно налагает дополнительные требования для поддержания данного статуса. Например, возникает необходимость постоянного инвестиционного и кадрового обеспечения дипломатических инициатив. Статус «средней державы» повышает риски для репутации. Несмотря на внешний пафос статуса «средней державы», Казахстан всё ещё ограничен в вопросах, где решающую роль играют материальные ресурсы или военная мощь.

1.3 ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКАЯ СТРАТЕГИЯ КАЗАХСТАНА В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ МЕЖДУНАРОДНОЙ СИСТЕМЫ (2019–2025 ГГ.)

В должность Президента Республики Казахстан Токаев К.К. вступил 20 марта 2019 г., на следующий день после добровольной отставки Назарбаева Н.. Подводя первые итоги деятельности Токаева К.К. на посту президента за 2019 год, следует отметить, что управленческий и дипломатический опыт, стратегическое мышление и способность действовать в кризисных ситуациях - те качества, которые должны позволить ему превратиться из государственного деятеля в политического лидера. [68, с.99] Фактически с момента вступления Токаева К.К. в должность Президента начинается новый этап развития Казахстана.

В этот период в мире происходят сложные и во многом болезненные процессы, связанные с трансформацией системы международных отношений. Усиление геостратегического противостояния приводит к важным «тектоническим сдвигам» в глобальном балансе сил, которые ставят под сомнения устоявшуюся с начала 1990-х годов систему международных отношений. В первые годы пребывания Токаева К.К. на посту Президента фоном для внешней политики был украинский кризис, ставшим ключевым фактором ослабления формата G7 и возрастание роли стран глобального Юга. Усиление

влияния отдельных государств, таких как Индия, Турция, Иран и Саудовская Аравия создают объективную необходимость в поисках новых форматов торгового взаимодействия с ними. Следует также отметить, что страны Европейского Союза по мере разрыва торговых связей с Россией впадают в зависимость от стран Персидского Залива, в которых есть необходимые европейским экономикам энергоресурсы и от Турции, чей транзитный потенциал необходимо использовать странам Европейского Союза для упрощённого получения ближневосточной нефти.

Указанные изменения международной среды имели особое значение для Казахстана. Характер реакции государства на новые вызовы во многом определялся его географическим положением, ресурсным потенциалом и местом в системе региональных и глобальных связей. Казахстан обладает большой территорией (2,724,900 км²) при сравнительно небольшой численности населения (19 921 425 человек по данным на 1 августа 2023 года). [69] Эти цифры говорят о недостаточном мобилизационном потенциале для реагирования на весь комплекс гипотетических угроз независимости и территориальной целостности со стороны соседей. При этом Казахстан обладает огромным транзитным потенциалом и большими запасами полезных ископаемых. Официальный сайт правительства Казахстана публикует следующие данные: «Минерально-сырьевая база страны состоит из более 5 тысяч месторождений, прогнозная стоимость которых оценивается в десятки триллионов долларов. Республика занимает первое место в мире по разведанным запасам цинка, вольфрама и барита, второе - по серебру, свинцу и хромитам, третье - по меди и флюориту, четвертое - по молибдену, шестое - по золоту. Казахстан также имеет значительные нефтегазовые ресурсы (9-е место в мире по подтвержденным запасам нефти), которые сосредоточены в западных областях. Кроме этого, республика занимает 8-е место по запасам угля и 2-е место по запасам урана. Казахстан входит в десятку ведущих мировых экспортеров зерна и является одним из лидеров по экспорту муки. 70% пахотных земель на севере занято зерновыми и техническими культурами -пшеницей, ячменем, просом». [70]

Совокупность перечисленных факторов определяла объективные условия реализации внешней политики Казахстана в период президентства К.-Ж. Токаева и оказывала непосредственное влияние на выбор внешнеполитических приоритетов государства. В этих условиях перед руководством Казахстана стояла задача адаптировать внешнеполитическую стратегию государства к новым международным реалиям при сохранении преемственности её базовых принципов.

Авторы изданной в 2025 году Казахстанским институтом стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан монографии «Дипломатия Президента Токаева» отмечают, что внешняя политика Казахстана в период президентства Касым-Жомарта Токаева была направлена на обеспечение суверенитета, национальной безопасности и создание благоприятных внешних условий для устойчивого развития государства. Основу внешнеполитического курса составили принципы сбалансированности и открытости, уважения суверенитета и территориальной целостности государств, а также активного участия в международных процессах. Практическая реализация данных принципов выразилась в сохранении многовекторной дипломатии, развитии сотрудничества с Россией, Китаем, США, Европейским союзом и государствами Центральной Азии, а также в расширении участия Казахстана в деятельности международных организаций. Казахстан последовательно выступал за соблюдение норм международного права и мирное урегулирование конфликтов, одновременно укрепляя собственную международную субъектность. В результате внешняя политика периода Токаева сохранила преемственность по отношению к ранее сформированному курсу, но приобрела более прагматичный и проактивный характер. [19, с.362]

Важной особенностью внешнеполитической стратегии Казахстана в период президентства Касым-Жомарта Токаева стало стремление сохранить конструктивные отношения с ведущими мировыми центрами силы, международными организациями и интеграционными объединениями. Руководство страны рассматривало взаимодействие с данными акторами в

качестве ресурса. В условиях роста международной нестабильности Казахстан стремился использовать преимущества участия в различных форматах сотрудничества для решения как внешнеполитических, так и внутриполитических задач. Практическая значимость такого подхода проявилась в январе 2022 года, когда руководство республики обратилось за помощью к Организации Договора о коллективной безопасности. Ввод миротворческого контингента ОДКБ стал одним из факторов стабилизации внутриполитической ситуации и продемонстрировал значение военно-политических механизмов сотрудничества для обеспечения устойчивости государства. Вместе с тем Казахстан активно использовал возможности экономической дипломатии.

В ходе официальных визитов в Соединённые Штаты Америки и государства Европейского союза Президент К.К. Токаев уделял особое внимание переговорам с представителями крупного бизнеса и инвестиционного сообщества. Подобная практика была направлена на привлечение иностранных инвестиций, развитие производственного потенциала страны и расширение её участия в международных экономических связях. Таким образом, внешняя политика Казахстана опиралась не только на механизмы обеспечения безопасности, но и на использование международного сотрудничества как инструмента модернизации экономики и укрепления государственных институтов.

Важным инструментом реализации внешнеполитической стратегии Казахстана выступают интеграционные форматы. Участие в ЕАЭС, ШОС, ОДКБ, СВМДА и инициативе «Пояс и путь» позволяет Астане решать задачи экономического развития и обеспечения безопасности в рамках многостороннего сотрудничества. Через данные механизмы Казахстан получает доступ к региональным рынкам, транспортной инфраструктуре и инструментам коллективного реагирования на угрозы. Одновременно интеграционные форматы расширяют внешнеполитические возможности государства и создают

условия для реализации многовекторного курса в условиях усиливающейся международной нестабильности. [35, с. 435]

Таким образом, участие в интеграционных форматах позволяет Казахстану одновременно решать задачи экономического развития, обеспечения национальной безопасности и сохранения активного участия в международных процессах. Сочетание экономических и военно-политических механизмов сотрудничества создаёт условия для привлечения инвестиций, укрепления устойчивости государства к внешним вызовам и расширения внешнеполитических возможностей страны. В результате интеграционные объединения выступают одним из ключевых инструментов реализации многовекторной стратегии Казахстана в условиях трансформации международной системы. Особое значение для Казахстана имеют интеграционные форматы, ориентированные на обеспечение безопасности.

В условиях ограниченных демографических и военных ресурсов руководство страны традиционно стремилось опираться на механизмы коллективного реагирования на внешние и внутренние угрозы. Центральное место среди таких механизмов занимает Организация Договора о коллективной безопасности. Этот формат по большому счёту не имел других рациональных альтернатив. ОДКБ представляет из себя взаимовыгодный контракт ряда постсоветских стран с Россией. Немецкий политолог Себастьян Майер по этому поводу отмечает следующее: «Пять центральноазиатских стран получают гарантии безопасности, вооружение (бесплатно или по ценам намного ниже рыночных) и помощь при профессионализации их вооруженных сил. Этого всего они бы никогда не смогли добиться самостоятельно в виду их относительно маленьких вооруженных сил даже при высокой степени кооперации и значительных финансовых затратах. Россия, в свою очередь, получает от всех центральноазиатских участников ОДКБ право на размещение военных объектов и баз. На основе оговорок об исключении или права вето Москва также может держать на расстоянии акторов, воспринимаемых ею в качестве соперников». [71,с.308]

Если ОДКБ обеспечивала военно-политическое измерение безопасности Казахстана, то ключевую роль в реализации экономических задач внешней политики играло участие страны в китайской инициативе «Пояс и путь». Казахстан активно участвует в реализации инициативы «пояс и путь». Причиной тому является прекрасная возможность заработать на реализации своего транзитного потенциала. Ещё в 2014 году Нурсултан Назарбаев в своём послании отмечал необходимость развития траспортно-логистической инфраструктуры: «Оно будет осуществляться в рамках формирования макрорегионов по принципу хабов. При этом инфраструктурный каркас свяжет с Астаной и между собой макрорегионы магистральными автомобильными, железнодорожными и авиалиниями по лучевому принципу. Прежде всего, нужно реализовать основные автодорожные проекты». [72]

Одним из показателей эффективности участия Казахстана в евразийских интеграционных процессах является динамика взаимной торговли со странами Евразийского экономического союза. По итогам января–декабря 2024 г. товарооборот Республики Казахстан с государствами ЕАЭС составил 30,4 млрд долл. США, что на 2,2 % превышало показатель предыдущего года. При этом объём казахстанского экспорта в страны Союза достиг 10,98 млрд долл. США, сократившись на 5,1 %, тогда как импорт увеличился на 6,9 % и составил 19,47 млрд долл. США. В структуре взаимной торговли ведущим партнёром Казахстана оставалась Российская Федерация, на долю которой приходилось 91,3 % товарооборота со странами ЕАЭС. Значительно меньшие доли занимали Кыргызская Республика (5,6 %), Республика Беларусь (3 %) и Республика Армения (0,1 %). Представленные показатели свидетельствуют о сохранении высокой степени экономической взаимосвязанности Казахстана с государствами Евразийского экономического союза, прежде всего с Россией, что подтверждает важную роль ЕАЭС в реализации внешнеэкономической стратегии страны в условиях трансформации современной международной системы. [73]

Существенное значение для реализации внешнеэкономической стратегии Казахстана имеет участие в китайской инициативе «Пояс и путь». Согласно

данным Министерства иностранных дел Республики Казахстан и докладу China Belt and Road Initiative Investment Report 2025 H1, по состоянию на июнь 2025 г. в стране реализовывалось 224 индустриальных проекта с участием китайского капитала общей стоимостью 66,4 млрд долл. США. В первом полугодии 2025 г. Казахстан стал крупнейшим получателем китайских инвестиций и строительных контрактов в рамках инициативы «Пояс и путь», на долю которого пришлось около 23 млрд долл. США. Данные показатели свидетельствуют о возрастающей роли Казахстана как одного из ключевых участников китайской стратегии экономической интеграции Евразии. Привлечение значительных объёмов капитала способствует модернизации промышленной и транспортно-логистической инфраструктуры, развитию производственных мощностей и укреплению транзитного потенциала страны, что соответствует стратегическим задачам внешнеэкономической политики Республики Казахстан. [74]

Особое значение для внешнеполитической стратегии Казахстана имели последствия российско-украинского конфликта. Руководство республики оказалось перед необходимостью сохранения союзнических отношений с Москвой при одновременном недопущении вовлечения страны в санкционное противостояние между Россией и странами ЕС. Украинский кризис, начавшийся в конце 2013 года стал определять глобальную повестку. Как отмечали В.В. Лапкин, В.И. Пантин в статье, посвящённой кризису украинской государственности: «…этот кризис выявил и сделал необычайно актуальными многие проблемы всеобщего характера. Среди этих проблем особо следует отметить растущую неустойчивость миропорядка и снижающуюся эффективность функционирования международных институтов, падение доверия к ним».[75, с.69] В этих условиях Астана придерживалась политики нейтралитета, выступая за соблюдение принципов территориальной целостности государств и мирное урегулирование конфликта дипломатическими средствами.

После введения масштабных санкций против Российской Федерации существенно возросло значение вопросов диверсификации внешнеторговых и транспортно-логистических связей Казахстана. Зависимость значительной части

экспортных маршрутов от российской транспортной инфраструктуры создала дополнительные риски для устойчивости внешнеэкономической деятельности республики. В этих условиях руководство Казахстана активизировало поиск альтернативных направлений поставок энергоресурсов на рынки Европейского союза государств Ближнего Востока и Соединённых Штатов Америки. Дополнительные возможности для реализации данной стратегии появились после восстановления Азербайджаном контроля над своей территорией и повышения уровня безопасности транспортных коммуникаций на Южном Кавказе. Это способствовало росту значения тюркского направления во внешней политике Казахстана и активизации сотрудничества в рамках Организации тюркских государств. Особая роль данного формата обусловлена тем обстоятельством что значительная часть альтернативных транспортных маршрутов Казахстана проходит через государства тюркского мира. В результате укрепление сотрудничества с тюркскими государствами стало одновременно реакцией на трансформацию международной системы и одной из характерных особенностей внешнеполитического курса Казахстана в период президентства Токаева К.К.

Важным проявлением самостоятельности внешнеполитического курса Казахстана стала позиция Президента Токаева К.К по вопросу признания Донецкой и Луганской народных республик. В ходе Петербургского международного экономического форума в июне 2022 г. Президент Казахстана заявил об отсутствии намерений признавать данные образования в качестве независимых государств. Указанная позиция свидетельствовала о стремлении руководства республики придерживаться принципов территориальной целостности государств и норм международного права. Одновременно она продемонстрировала готовность Казахстана проводить самостоятельный внешнеполитический курс и отстаивать собственные национальные интересы даже по вопросам, имеющим принципиальное значение для Российской Федерации. В частности президент Казахстана заметил, что: «Подсчитано, что если право наций на самоопределение в реальности будет реализовано, то вместо

193 государств, входящих в состав ООН, на земле возникнет более 500 или 600 государств, конечно же, это будет хаос. По этой причине мы не признаем ни Тайвань, ни Косово, ни Южную Осетию, ни Абхазию. И, по всей видимости, этот принцип будет применен и в отношении квазигосударственных территорий, коими, на наш взгляд, являются Луганск и Донецк». [76]

Одним из направлений внешнеполитической стратегии Казахстана в период президентства Токаева К.К. стало формирование нового образа государства на международной арене. Важное место в данном процессе заняла концепция исторической преемственности современной казахстанской государственности от Золотой Орды. Подтверждением такого подхода стало празднование в 2020 году 750-летия Золотой Орды. Юбилей сопровождался проведением научных конференций изданием исследовательских работ реализацией археологических проектов и другими мероприятиями в сфере исторической политики. Данные инициативы способствовали укреплению исторической легитимности казахстанской государственности и продвижению национального исторического нарратива на международном уровне.

Занимавший в 2019 году пост министра информации и общественного развития Даурен Абаев[3] назвал «восстановлением исторической справедливости» решение отпраздновать в Казахстане 750-летие Золотой Орды. Он в частности сказал следующее: «Отмечая 550-летие Казахского ханства, мы праздновали дату зарождения нашей государственности. Согласитесь, было бы глупо считать, что эта государственность сформировалась на пустом месте. Также глупо относить формирование казахского этноса к этому году. Наиболее авторитетные исследователи в один голос говорят, что этногенез казахского народа состоялся как раз в золотоордынский период. Большая часть улуса Джучи располагалась на территории современного Казахстана. Все казахские ханы, начиная от Керея и Жанибека, вплоть до Кенесары, были потомками чингизидов именно Золотой

[3] Абаев Даурен Аскербекович занимал должность министра информации и общественного развития Республики Казахстан с 25 февраля 2019 г. по 4 мая 2020 г.

Орды. Наши культура, искусство, традиции несут в себе громадный пласт золотоордынского наследия. Это факт». [77]

А начиная с 2024 года Казахстан официально позиционирует себя в качестве «средней державы». Дополнительным фактором укрепления данного подхода стало исследование Германского института международных отношений и безопасности (Stiftung Wissenschaft und Politik, SWP) под названием «Mittlere Mächte – einflussreiche Akteure in der internationalen Politik» («Средние державы - влиятельные акторы международной политики»). В данной работе Казахстан был включён в число двенадцати государств, которые авторы исследования отнесли к категории средних держав благодаря их региональному влиянию, ресурсному потенциалу и стремлению к стратегической автономии. [78]

Позднее данная концепция получила развитие в статье Президента Республики Казахстан К.-Ж. Токаева «Middle powers have the power to save multilateralism», опубликованной на платформе Euronews в мае 2024 г. В ней глава государства обосновал возрастающую роль средних держав в условиях кризиса существующей системы международных отношений и подчеркнул необходимость более активного участия таких государств в поддержании многостороннего сотрудничества и международной стабильности. [79]

Новое внешнеполитическое позиционирование Казахстана имеет важное значение в условиях трансформации современного мирового порядка. Усиление конкуренции между ведущими центрами силы сопровождается ростом санкционного давления информационного противоборства и иных форм гибридного воздействия. Включение Казахстана в число средних держав в исследовании Германского института международных отношений и безопасности свидетельствует о возросшей роли страны в региональных и международных процессах. Концепция средней державы формирует новую идейную основу внешнеполитического курса Казахстана и определяет его место в системе современных международных отношений. При этом данная концепция органично сочетается с продвигаемой руководством страны идеей исторической преемственности современной казахстанской государственности от Казахского

ханства и Золотой Орды. В совокупности это создаёт концептуальную рамку для реализации многовекторной внешней политики и укрепления международной субъектности Казахстана в условиях возрастающей нестабильности мировой системы.

Изменения международной среды нашли отражение и в Концепции внешней политики Республики Казахстан на 2020–2030 гг. Как отмечают Курмангужин Р.С. и Чеботарёв А.Е. новая Концепция сохранила приверженность принципам многовекторности прагматизма и преемственности внешнеполитического курса однако одновременно дополнила их новыми подходами. В документ были включены положения о внешней открытости мультилатерализме и концепции «слышащего государства» а также представлен развёрнутый анализ современных международных процессов включая кризис доверия рост конфликтности эрозию глобализации и распространение новых форм противоборства. В отличие от предыдущих внешнеполитических концепций особое внимание было уделено использованию внешнеполитического потенциала для решения задач внутреннего развития государства. Кроме того, Казахстан впервые открыто обозначил стратегическую цель укрепления своих позиций в качестве ведущего государства Центральной Азии. Тем самым Концепция внешней политики 2020–2030 гг. отразила стремление руководства страны адаптировать традиционную многовекторную дипломатию к условиям трансформации международной системы и усиления региональной конкуренции. [16]

Таким образом, в период президентства Токаева К.К. внешняя политика Казахстана развивалась в условиях глубоких изменений международной системы, связанных с усилением соперничества между ведущими центрами силы. В этих условиях руководство республики сохранило приверженность многовекторному внешнеполитическому курсу, одновременно адаптировав его к новым международным реалиям. Практическая реализация данной стратегии выразилась в развитии сотрудничества с ведущими мировыми и региональными акторами, активном использовании потенциала международных организаций и

интеграционных объединений, а также в стремлении укрепить собственную международную субъектность. Особое значение приобрели задачи обеспечения стратегической автономии государства, развития транзитно-логистического потенциала и сохранения устойчивого баланса интересов в отношениях с Россией, Китаем, Западом и государствами Центральной Азии. Одновременно происходило формирование нового международного образа Казахстана, основанного на идеях исторической преемственности государственности и позиционирования страны в качестве средней державы. В результате внешнеполитическая стратегия Казахстана сохранила преемственность своих базовых принципов, но приобрела более прагматичный, проактивный и субъектно ориентированный характер, соответствующий условиям формирования нового мирового порядка.

ГЛАВА II.
ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РЕАЛИЗАЦИИ МНОГОВЕКТОРНОЙ ПОЛИТИКИ КАЗАХСТАНА ПРИ ТОКАЕВЕ К.К.

2.1 ОТНОШЕНИЯ КАЗАХСТАНА С ВЕДУЩИМИ МИРОВЫМИ ЦЕНТРАМИ СИЛЫ

Многовекторная внешняя политика Казахстана не предполагает одинаковую значимость всех внешнеполитических партнёров. Несмотря на стремление государства поддерживать конструктивные отношения со всеми, каждое направление играет свою во многом уникальную роль. В связи с этим многовекторность следует рассматривать не как равномерное распределение внешнеполитической активности между различными государствами и объединениями, а как систему сбалансированного взаимодействия с ведущими центрами силы на основе их объективной значимости для Казахстана. Устойчивость многовекторного курса обеспечивается не равнозначностью внешнеполитических направлений, а их функциональной взаимодополняемостью. Каждый из ведущих центров силы занимает собственную нишу в структуре национальных интересов Казахстана и вносит вклад в решении конкретных стратегических задач.

Москва и Пекин в структуре многовекторности Астаны

В 1992 году, Президент Казахстана Назарбаев Н.А. в «Стратегии становления и развития Казахстана как суверенного государства» отмечал: «При построении национальной безопасности мы исходим из своего геостратегического положения “на стыке” двух держав - России и Китая. Она может быть обеспечена на основе сочетания собственных оборонительных средств с участием в системе коллективной безопасности». [13, с. 50] Данное положение отражает понимание особой роли России и Китая в системе национальных интересов Казахстана. Географическое положение республики между двумя крупнейшими державами Евразии обусловливает необходимость

поддержания устойчивых отношений как с Москвой, так и с Пекином. Сотрудничество с Россией и Китаем способствует укреплению безопасности государства, расширению внешнеэкономических связей и развитию транспортно-логистических маршрутов. Кроме того, именно через территории данных государств проходят важнейшие направления экспорта казахстанской продукции на мировые рынки. В этой связи эффективность реализации транзитного потенциала Казахстана во многом определяется уровнем взаимодействия с двумя крупнейшими соседями страны. Вместе с тем Казахстан имеет важное значение и для России, и для Китая. Для Пекина республика выступает одним из ключевых элементов сухопутных маршрутов инициативы «Пояс и путь». Для Москвы Казахстан представляет важное связующее звено между Россией, Центральной Азией и государствами Южной Азии. Таким образом, отношения Казахстана с Россией и Китаем носят взаимовыгодный и стратегический характер, что определяет их центральное место в структуре многовекторной внешней политики республики.

За весь период независимости Казахстана Российская Федерация занимала центральное место во внешней политике страны. Значение данного вектора определялось как историческими связями, так и объективными геополитическими факторами. Среди которых общая граница и тесное экономическое взаимодействие и совместные интеграционные форматы. В случае отказа от российского вектора могут

проявиться такие угрозы, как снижение маневренности Казахстана при реализации многовекторной внешней политики и обострение проблем в сфере энергетики. Кроме того, возникнет угроза для суверенитета со стороны “друзей”, претендующих на ресурсный потенциал РК, а также начнется снижение качества жизни населения вследствие падения товарооборота, распространение радикализма и, как следствие, обострение социальных противоречий. [1, с. 81]

Несмотря на ослабление своих геополитических позиций, Россия всё ещё выступает одним из ключевых гарантов безопасности Казахстана. Особенно наглядно это проявилось в январе 2022 г., когда для стабилизации

внутриполитической ситуации в стране был задействован ограниченный контингент Организации Договора о коллективной безопасности. Вместе с тем изменения международной обстановки в 2022 г. создали для Казахстана новые вызовы. Тесное экономическое сотрудничество с Российской Федерацией сопровождается рисками негативного воздействия санкционного режима, включая вероятность вторичных ограничительных мер в отношении казахстанских компаний и финансовых институтов. Кроме того, украинский кризис способствовал снижению международного влияния России и изменению баланса сил на постсоветском пространстве. В этих условиях Казахстан стремится диверсифицировать свои внешнеполитические связи и расширять круг стратегических партнёров.

Членство страны в Евразийском экономическом союзе и Организации Договора о коллективной безопасности, где ведущую роль играет Россия, свидетельствует о том, что геополитическая ориентация Астаны в полной мере соответствует её геополитическому положению. Во многом это стало возможным благодаря политике президента Нурсултана Назарбаева. Вместе с тем для Казахстана важно занять достойное экономическое и политическое место в геополитическом диалоге между Россией и Китаем, а Шанхайская организация сотрудничества, выступающая своеобразной «геополитической рамкой» Центральной Азии, является оптимальной площадкой для реализации этой задачи. [47, с. 30]

Важным фактором успешной реализации многовекторной политики Казахстана являются объективные преимущества государства по сравнению с другими странами Центральной Азии. Р. Вандерхилл, С. Джойрман и Р. Тулепбаева отмечают, что «наличие значительных природных ресурсов, крупной территории и сравнительно высокого уровня экономического развития позволило Казахстану значительно успешнее следовать стратегии всеобъемлющего вовлечения и сложного балансирования, чем его более бедным и слабым центральноазиатским соседям, прежде всего Таджикистану и Кыргызстану, которые были вынуждены выстраивать более зависимые

отношения с Россией и Китаем». [46, с. 992] Данное обстоятельство позволило Астане проводить более самостоятельную внешнюю политику и использовать конкуренцию между ведущими центрами силы для продвижения собственных национальных интересов. В отличие от ряда других государств региона, Казахстан смог избежать чрезмерной зависимости от какого-либо одного внешнего партнёра, сохранив возможность одновременно развивать отношения с Россией, Китаем, США и Европейским союзом. Таким образом, эффективность казахстанской многовекторности обусловлена не только политической волей руководства страны, но и наличием достаточного экономического и ресурсного потенциала для проведения самостоятельного внешнеполитического курса.

В системе многовекторной внешней политики Казахстана Китай выступает ключевым экономическим партнёром и одним из важнейших источников инфраструктурного развития. В отличие от России, значение которой определяется прежде всего вопросами безопасности и интеграции, роль Китая связана с инвестиционной деятельностью и развитием транспортно-логистических коридоров. Сотрудничество с Пекином способствует более полной реализации транзитного потенциала Республики Казахстан. Особое значение имеет тот факт, что Казахстан рассматривается Китаем как один из ключевых партнёров в реализации инициативы «Пояс и путь». Географическое положение республики делает её важным связующим звеном между Китаем, Центральной Азией и европейскими рынками. В этих условиях эффективная реализация транзитного потенциала Казахстана напрямую связана с его включённостью в региональные экономические и транспортные процессы Центральной Азии. Именно поэтому сотрудничество с Китаем занимает важное место в структуре внешнеполитических приоритетов Казахстана и рассматривается как один из факторов укрепления его экономической устойчивости и международной конкурентоспособности. Практическая реализация данной задачи предполагает развитие не только национальной транспортной инфраструктуры Казахстана, но и формирование единого транспортно-логистического пространства Центральной Азии. Как отмечает

Тукумов Е.: «Наблюдаемый рост грузоперевозок между странами региона свидетельствует о необходимости активного развития транспортной инфраструктуры. Запуск новых маршрутов и увеличение перевозок создают базу для устойчивого торгового и экономического роста. При этом, интеграция цифровых технологий, электронного правительства и финансовых инноваций становится ключевым фактором для повышения эффективности государственных услуг и развития экономики. [80, с.14] В этой связи сотрудничество с Китаем способствует не только модернизации казахстанской инфраструктуры, но и укреплению транспортной связанности всего центральноазиатского региона, что расширяет возможности Казахстана как одного из ключевых транзитных узлов Евразии.

Таким образом, Россия и Китай остаются стратегическими векторами внешней политики Казахстана. Значение российского направления определяется прежде всего вопросами безопасности, региональной стабильности и интеграционного взаимодействия. Китайский вектор имеет преимущественно экономическое значение и связан с привлечением инвестиций, развитием инфраструктуры и реализацией транзитного потенциала страны. Взаимодействие с двумя крупнейшими соседями создаёт необходимые условия для укрепления суверенитета Казахстана и усиливает его позиции в региональных процессах.

Западный вектор внешней политики Казахстана

Если значение российского и китайского направлений определяется объективными географическими условиями существования Казахстана, то природа западного вектора имеет иной характер. Его возникновение обусловлено не пространственной необходимостью, а логикой многовекторной политики как стратегии расширения внешнеполитических возможностей государства. Казахстан не является частью Европейского Союза и не является частью НАТО, однако Казахстан заинтересован в том, чтобы развивать со странами условного западного мира полноценное экономическое сотрудничество.

Западный вектор внешней политики Казахстана, на наш взгляд, остается некоцептуализированым. В силу географического отдаления нет ярко выраженного историко-культурного и цивилизационного наследия взаимодействия Казахстана с такими странами, как США, Великобритания, Франция и Германия. В основе современного сотрудничества с США и ЕС лежит исключительно экономический расчет. [1, с.79] Говоря по-простому руководство Республики Казахстан не предлагает идеологической рамки для сотрудничества с Европейским Союзом. В программной статье, посвящённой перспективам сотрудничества Казахстана и Европейского союза, Токаев К.К. отмечает, что в условиях усиления геополитической конкуренции государства вынуждены либо примыкать к противостоящим политическим блокам, либо формировать новые партнёрства, основанные на совпадении интересов и взаимном уважении. По мнению Президента Казахстана, республика сознательно придерживается второго подхода, поскольку «географическое положение Казахстана определяет его место на пересечении континентов, а внешняя политика страны направлена на их соединение». В этой связи сотрудничество с Европейским союзом следует рассматривать не как элемент геополитического противостояния, а как составную часть стратегии многовекторности, направленной на расширение международной связанности Казахстана и укрепление его роли как связующего звена между Европой и Азией. [81]

Западный вектор выполняет в многовекторной политике Казахстана функцию экономической диверсификации. В отличие от российского и китайского направлений его значение определяется не геополитической необходимостью, а возможностью привлечения капитала современных технологий и управленческого опыта. Благодаря сотрудничеству с западными государствами Казахстан получает дополнительные инструменты модернизации экономики и укрепляет собственную стратегическую автономию. Как отмечает Мирзаев А. З.: «начиная с 2023 года заметно усилились экономическая и логистическая составляющие сотрудничества Казахстана с Европейским союзом. Казахстан активно продвигает проект «Средний коридор»,

рассматривая его как стратегический маршрут транзита грузов между Европой и Азией в обход традиционных путей через территорию России». [5, с.485]

Европейский вектор можно измерить экономическими показателями. По словам Жанель Кушуковой[4] «Европейский союз остается крупнейшим экономическим партнером Казахстана. В 2024 году товарооборот между сторонами достиг 48,8 млрд долларов, из которых 38,1 млрд пришлись на экспорт казахстанской продукции. Общий объем инвестиций из ЕС с 2005 года превысил 200 млрд долларов. В стране успешно работают более 3 000 компаний с европейским участием, включая Shell, Total, Airbus, Alstom и другие». [82]

По данным портала kursiv.media: «Год к году торговля с Европой выросла на 17,1%, с Азией – напротив, сократилась на 12%. На Европу в 2024 году пришлось 36,5% всего товарооборота, на Азию – 32,4%. Доля экспорта в Европу увеличилась на 7,5 п.п., импорта – на 0,8 п.п. В то же время Казахстан стал продавать меньше товаров в Азию – доля экспорта снизилась на 6,8 п.п». [83]

На фоне глобальной нестабильности и фрагментации торговых цепочек, Европа демонстрирует устойчивый спрос на казахстанский экспорт, инвестиционную вовлечённость и институциональную предсказуемость. В этих условиях Астана получает не только экономические дивиденды, но и дипломатический капитал, позволяющий усиливать свою субъектность на международной арене. Европейский вектор всё ещё представляется как идеологический жест, трансформирующийся в рациональный выбор. Этот вектор является попыткой обобщить экономическую выгоду, технологическую кооперацию и отстроить общую транспортную инфраструктуру.

Несмотря на общую принадлежность к западному направлению внешней политики Казахстана Европейский союз и Соединённые Штаты Америки имеют разное значение для казахстанской многовекторности. Европейский союз

[4] Кушукова Жанель Сабыровна в 2025 году вице-министр торговли и интеграции Республики Казахстан

формирует экономическое измерение западного вектора. Его значение определяется развитием торговли привлечением инвестиций и технологической модернизацией. Соединённые Штаты формируют политико-стратегическое измерение западного направления. Их роль связана с вопросами глобальной политики международной безопасности и поддержанием стратегической автономии Казахстана. По этой причине американский вектор требует самостоятельного рассмотрения.

В знаменитой книге «Великая шахматная доска: господство Америки и его геостратегические императивы», написанной одним из самых знаменитых американских политических аналитиков Збигневом Бжезинским содержится прямое указание на то, что Соединённые Штаты Америки должны помогать странам, которые он называет «Евразийскими Балканами». К числу государств, заслуживающих мощнейшей геополитической поддержки он относит в том числе и Казахстан. Он в частности, отмечает, что: «Казахстан (с учетом его масштабов, экономического потенциала и географически важного местоположения) также заслуживает разумной международной поддержки и длительной экономической помощи. Со временем экономический рост в Казахстане мог бы помочь перекинуть мосты через трещины этнического раскола, которые делают этот среднеазиатский “щит” столь уязвимым перед лицом российского давления». [84, с. 178] Прошедшее с момента выхода его работы время показало, что Бжезинский З. оказался не прав абсолютно во всём. Казахстан сохранил внутриполитическую стабильность и самостоятельно выстроил свою внешнюю политику. В свою очередь, Соединённые штаты Америки не смогли упрочить свои позиции в регионе Центральной Азии и даже упустили все возможности для доминирования на этих самых «Евразийских Балканах».

Американское направление признаётся экспертным сообществом Казахстана одним из ключевых векторов внешней политики Астаны. Однако анализ товарооборота и договорно-правовой базы показывает несколько иную картину. США скорее выступали для Казахстана примером для подражания, чем

стратегическим партнёром. В 1990-е годы Соединённые Штаты были ведущей мировой державой. На американскую модель ориентировались многие республики бывшего СССР. Казахстан не был исключением. Географическая удалённость и сложности транспортной логистики ограничивали развитие казахстанско-американских отношений. Поэтому Казахстан редко привлекал внимание американского руководства.

В пункте 4.2 Концепции внешней политики Республики Казахстан на 2020–2030 годы, [43]включённом в раздел №4, посвящённый *приоритетам в области региональной и многосторонней дипломатии*, прямо зафиксировано намерение выстраивать расширенное стратегическое партнёрство с Соединёнными Штатами Америки. Данный пункт включён в концепцию внешней политики, утверждённую указом Президента Республики Казахстан. Тем самым формально закреплено стремление Астаны к укреплению двустороннего диалога с США в качестве одного из приоритетных направлений внешней политики на ближайшее десятилетие. Речь идёт не просто о дипломатической риторике, а о прямом включении США в архитектуру приоритетных партнёрств, что отражает прагматичную многовекторную логику внешнеполитического планирования.

Несмотря на заявления о расширенном стратегическом партнёрстве, взаимодействие между Астаной и Вашингтоном продолжают носить отстранённый от стратегического сотрудничества характер. Америка продолжает воспринимать Казахстан через призму соблюдения гражданских прав и проведения процесса демократизации политической системы. Немаловажную роль для Вашингтона играет вклад Республики Казахстан в Центрально Азиатский конструкт региональной безопасности. Дальнейшая динамика американо-казахстанских отношений во многом будет определяться внешними регулятивными переменными: степенью реализации внутренних преобразований, позицией Астаны в отношении санкционных режимов и степенью координации с ключевыми партнёрами по другим векторам. В текущих условиях двустороннее взаимодействие ограничено институциональными и

геополитическими барьерами, в первую очередь - на уровне стратегического доверия и сближения долгосрочных интересов.

После возвращения Дональда Трампа в Белый дом казахстанско-американские отношения получили новое содержание. Казахстан присоединился к Авраамским соглашениям, которые администрация США рассматривает как один из ключевых инструментов формирования новой архитектуры безопасности на Ближнем Востоке. Одновременно Вашингтон сохранил жёсткий экономический подход в отношении своих торговых партнёров. Для казахстанских товаров был установлен импортный тариф в размере 25 %. Несмотря на это Астана продолжила курс на конструктивное взаимодействие с новой американской администрацией. Казахстан также выразил готовность участвовать в международном механизме по восстановлению сектора Газа, что свидетельствует о стремлении республики поддерживать инициативы США, не отказываясь при этом от принципов собственной многовекторной внешней политик

Таким образом западный вектор занимает самостоятельное место в системе многовекторной внешней политики Казахстана. Европейский союз обеспечивает экономическое измерение западного вектора посредством торговли, инвестиций, технологического сотрудничества и развития транспортной инфраструктуры. Соединённые Штаты формируют его политико-стратегическое измерение, которое связано с поддержанием международной субъектности Казахстана и развитием диалога с одним из ведущих центров мировой политики. В совокупности западное направление позволяет Казахстану сохранять внешнеполитическую гибкость, снижать риски чрезмерной зависимости от отдельных центров силы и последовательно реализовывать принципы многовекторности в условиях трансформации международной системы.

Индия в структуре многовекторной внешней политики Казахстана

Важным направлением многовекторной внешней политики Казахстана является сотрудничество с Индией. А. Трипати и Л. Карлекар рассматривают его как один из инструментов диверсификации внешних связей страны. Казахстан и

Индия развивают сотрудничество в политической, экономической, энергетической, военно-технической и культурной сферах. Трипати А. и Карлекар Л. Отмечают, что: «Индийская культура и семейные ценности всегда вызывали у казахстанцев восхищение и живой интерес. Кроме того, граждане Казахстана могут претендовать на получение стипендий, предоставляемых Индийским советом по культурным связям (ICCR), Индийским советом исторических исследований (ICHR) и Индийским советом исследований в области социальных наук, для получения высшего образования в индийских университетах. Взаимные визиты дипломатов Казахстана и Индии способствуют укреплению культурных связей. Визиты высокопоставленных политиков и дипломатов свидетельствуют о давнем взаимном интересе и тесной взаимосвязи. Академические обмены также закладывают основу для будущего развития и углубления сотрудничества. Рост взаимного доверия, взаимопонимания и творческого взаимодействия, несомненно, станет результатом расширения программ стипендий и культурного обмена между двумя странами». [85, с.85]

В последние десятилетия Индия постепенно укрепляет свои позиции в качестве одного из центров силы формирующегося многополярного мира. Рост экономического потенциала страны расширение её политического влияния и активизация внешней политики способствуют усилению индийского присутствия в различных регионах Евразии. В этой связи индийское направление занимает особое место в системе многовекторной внешней политики Казахстана и требует отдельного рассмотрения.

На примере статьи Пунит Гаур, Анураг Трипати и Шован Синха Рэй, можно сделать вывод, что Индия занимает в многовекторной политике Казахстана место, которое отличается от роли России, Китая, США и Европейского союза. Если первые выступают ключевыми центрами силы в сферах безопасности, экономики или глобальной политики, то Индия представляет собой дополнительный вектор диверсификации внешних связей Казахстана. Значение Индии обусловлено сочетанием нескольких факторов: отсутствием серьёзных политических противоречий, растущим экономическим потенциалом и

стремлением обеих стран к развитию сотрудничества в условиях многополярного мира. Авторы отмечают что: «Для уравновешивания интересов России, Китая и США Индии необходимо занять значимое местов многовекторной внешней политике Казахстана. Кроме того, Индия должна приложить максимум усилий для укрепления связей с Казахстаном, вселяя надежду на взаимную помощь в трудные времена». [86, с. 49] Индия выступает для Казахстана важным инструментом расширения внешнеполитического манёвра. Её участие в казахстанской многовекторности способствует снижению зависимости от традиционных центров силы и укрепляет возможности Астаны по диверсификации международных связей в Евразии. В выводах статьи авторы прямо подчёркивают, что для поддержания баланса между интересами России, Китая и США Индия должна занять значимое место в многовекторной политике Казахстана. Это позволяет рассматривать индийское направление как элемент стратегии внешнеполитического балансирования и расширения круга стратегических партнёров Казахстана.

Схожая позиция присутствует в работе Танимы Каял. По мнению Каял Т., отношения между Индией и Казахстаном имеют важное стратегическое значение для обеих стран, поскольку Казахстан заинтересован в развитии сотрудничества с Индией в целях диверсификации своих внешнеполитических и внешнеэкономических связей. Следовательно, в системе многовекторной политики Казахстана Индия выполняет функцию дополнительного центра силы, взаимодействие с которым способствует расширению международных возможностей государства, укреплению его внешнеполитического манёвра и снижению риска чрезмерной зависимости от какого-либо одного партнёра.[87]

Анализируя потенциал сотрудничества Казахстана с Индией Муратбекова А.М., Хитахунов А.А. отмечают, что: «хотя Индия стремится стать одной из региональных держав и имеет твердые амбиции по усилению своего влияния в глобальном управлении, ее взаимодействие с Казахстаном остается на периферии основной геополитической повестки дня Индии. Это следует из оценки внешней политики Индии в целом, в отношении Казахстана и

Центральноазиатского региона, а также оценки эффективности экономического сотрудничества, которое продемонстрировало ограниченные текущие возможности и потенциал для расширения этого взаимодействия». [88, с.76]

Анализ казахстанско-индийских отношений позволяет сделать вывод о том, что Индия не относится к числу определяющих внешних акторов для Казахстана, однако её значение последовательно возрастает в условиях формирования многополярного мирового порядка. В системе многовекторной внешней политики Казахстана Индия выполняет функцию дополнительного направления внешнеполитической диверсификации, которое способствует расширению стратегического пространства государства и укреплению его международной субъектности. Развитие сотрудничества с Индией позволяет Казахстану углублять связи с Южной Азией, снижать зависимость от традиционных центров силы и формировать более сбалансированную структуру внешнеполитических отношений. В этой связи индийский вектор следует рассматривать как один из инструментов обеспечения стратегической автономии Казахстана в условиях трансформации современной международной системы.

Отношение Казахстана с Турцией

В современной научной литературе казахстанско-турецкие отношения нередко рассматриваются в привязке к Организации тюркских государств и более широких процессов тюркской интеграции. Такой подход объясняется общностью историко-культурного наследия, языковой близостью народов и активным участием Казахстана и Турции в институтах тюркского сотрудничества. Например, Шегирбаев О. рассматривает процессы интеграции, с участием Казахстана, отмечает: «Тюркская интеграция развивается на основе этнокультурного и исторического единства тюркских народов и направлена на укрепление политического, экономического и культурного сотрудничества между странами-участницами. В отличие от ОТГ, ЕАЭС развивается на основе экономического прагматизма и предусматривает создание общего рынка с четырьмя основными свободами: движение товаров, лиц, услуг и капиталов». [89, с.159]

Организация тюркских государств сформировала устойчивую институциональную основу для регулярного политического диалога, реализации совместных экономических, транспортных и гуманитарных проектов, а также способствовала дальнейшему укреплению двусторонних отношений. Свистунова И., описывая современное состояние отношений Казахстана и Турции, отмечает, что: «Отношения с Казахстаном важны для Турции с точки зрения развития «тюркского направления» во внешней политике и для демонстрации своего присутствия в Центральной Азии. Незначительные масштабы казахстанско-турецкого экономического сотрудничества и важное значение отношений с другими крупными игроками (Россией, Китаем, Евросоюзом) ограничивают возможности Астаны по дальнейшему сближению с Турцией». [90, с. 52]

На современном этапе значение Турции во внешней политике Республики Казахстан нельзя рассматривать только в рамках идеи тюркского единства. Это значение во многом определяется изменением геополитических раскладов. Гибридная война между Россией и странами Запада во многом изменила конфигурацию торговых потоков. Казахстан столкнулся с необходимостью диверсификации транспортных маршрутов, что привело к объективному повышению роли Анкары как важного политического и логистического партнёра. Взаимодействие между двумя государствами вышло за рамки преимущественно гуманитарного сотрудничества и приобрело комплексный характер, охватывая политический диалог, торгово-инвестиционные связи, транспорт, сотрудничество в сфере безопасности, образование и культуру. Сотрудничество двух стран стало альтернативой традиционному Российскому вектору внешней политики Казахстана. Эта альтернатива совершенно необходима для реализации транзитного и ресурсного потенциала Казахстана. Ресурсы добываемые в Казахстане должны быть реализованы в странах Европы. Если нет возможности транспортировать их через территорию России, их отправляют по маршруту срединного коридора.

Казахстан является крупнейшей экономикой региона, его ВВП в 2017 году составлял 42,4 миллиарда долларов США, а ВВП на душу населения достигал 7 356 долларов. Экономика страны во многом зависит от экспорта нефти, что делает Казахстан важным партнёром в энергетической сфере. Важной составляющей его взаимодействия с Турцией является участие в Среднем коридоре, Транскаспийском международном транспортном маршруте, связывающем Китай с Европой. Казахстан активно инвестирует в развитие своей транспортной инфраструктуры, что усиливает его роль как транзитного узла в Центральной Азии. [91 с. 366]

Практическим подтверждением перехода казахстанско-турецких отношений на качественно новый уровень стало подписание в ходе государственного визита Президента Республики Казахстан Токаева К.К. в Турецкую Республику в мае 2022 года пакета межправительственных соглашений и меморандумов, охвативших практически все ключевые направления двустороннего сотрудничества. Подписанные документы предусматривали развитие взаимодействия в сфере международных перевозок грузов, таможенного администрирования, торговли услугами, информационных технологий, образования, культуры, средств массовой информации, молодежной политики, сельского хозяйства, экологии, а также военного сотрудничества, включая обмен в области военной разведки и военной истории. Столь широкий круг достигнутых договорённостей свидетельствует о том, что современное казахстанско-турецкое сотрудничество приобрело комплексный характер и значительно вышло за рамки традиционных гуманитарных и культурных связей. [92]

Экономическое сотрудничество Казахстана и Турции постепенно приобретает более диверсифицированный характер. Турецкие компании активно работают в строительстве, транспортной инфраструктуре, промышленности, гостиничном бизнесе и пищевой отрасли. В Казахстане построены гостиницы сети Rixos, компания «Аларко» участвует в строительстве автомобильных дорог, а холдинг «Йылдырым» реализует проект завода по производству

кальцинированной соды в Жамбылской области. [93] Значимым проектом стало и получение компанией TAV Airports Holding в управление международного аэропорта Алматы. [94] Общий объём турецких инвестиций в экономику Казахстана превысил 5 млрд долларов США, тогда как казахстанские инвестиции в Турцию составили более 1 млрд долларов США. Развивается сотрудничество в гуманитарной сфере. В Астане действует представительство Турецкого агентства по сотрудничеству и координации (TİKA), реализующее образовательные и социальные проекты. В 2022 году Казахстан и Турция договорились о расширении сотрудничества в области транспорта и логистики для увеличения объёмов перевозок по Транскаспийскому международному транспортному маршруту.

Несмотря на устойчивое расширение двустороннего сотрудничества, Турция пока не относится к числу ведущих экономических партнёров Казахстана. Вместе с тем происходящие изменения свидетельствуют о постепенном усилении её роли в реализации транспортного, инвестиционного и транзитного потенциала республики. В условиях трансформации международной транспортной системы турецкое направление становится одним из важных элементов политики диверсификации внешнеэкономических связей Казахстана.

2.2. РЕГИОНАЛЬНЫЕ И ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРИОРИТЕТЫ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ КАЗАХСТАНА

Во всех направлениях внешней политики Казахстана прослеживается единая логика: правила и процедуры способны стабилизировать взаимозависимость столь же эффективно, как и физическая связанность. Когда электронная документация стандартизирована, тарифы и графики согласованы, а системы цифрового бронирования и экспортного контроля становятся прозрачными, институциональные архитектуры различных интеграционных пространств легче согласовывать между собой. Это формирует структуру двойной совместимости, связывающую Казахстан как с ЕАЭС и инициативами формата С5+Китай, так и с форматами С5+ЕС, С5+США и ОТГ». [95, с.112]

Республика Казахстан не может развивать свою экономику в отрыве от экономики других стран. Энергоресурсы Казахстана должны иметь возможность поступать на рынки государств, расположенных в разных частях земного шара. Кроме того, экономика Казахстана нуждается в привлечении технологий из западных стран, прежде всего из Европы. В работе, посвящённой анализу Европейского вектора, которое провёл Мирзаев А. З. один из выводов был сделан о том, что: «Европейский вектор продолжает выполнять роль важного инструмента реализации стратегии многовекторной внешней политики. В условиях доминирования России и Китая в регионе, сотрудничество с ЕС позволяет Астане диверсифицировать внешнеполитические и экономические связи». [5, с. 485] Основными центрами притяжения для Республики Казахстан во внешней политике по-прежнему остаются Москва и Пекин, поскольку Астана по-прежнему сохраняет зависимость от экономического взаимодействия с ними. Как отмечалось в статье, посвящённой теории и практики геополитики Казахстана: «Членство в Евразийском экономическом союзе и Организации Договора о коллективной безопасности, возглавляемых Россией, показывает, что геополитическая ориентация Астаны идеально коррелирует с ее геополитическим положением». [47, с. 30]

В системе внешнеполитических приоритетов Казахстана экономические форматы занимают особое место, поскольку именно через них реализуются ключевые направления многовекторной стратегии государства. Экономическое сотрудничество формирует основу для политического диалога, обеспечивает устойчивость внешнеполитического курса и создаёт условия для технологической и инфраструктурной модернизации страны. В современных условиях глобальной турбулентности экономические связи становятся не просто инструментом развития, но и важным механизмом укрепления стратегической автономии Казахстана, позволяющим сбалансировать влияние внешних центров силы и сохранить пространство для самостоятельного выбора партнёров.

Ключевым интеграционным форматом, который встраивает транспортную инфраструктуру Казахстана в транспортные потоки Евразийского континента

является китайская инициатива «Пояс и путь». Подводя итоги десятилетия реализации китайской инициативы «Пояс и путь» Акматалиева А. М. отмечает, что: «Для государств ЦА ЭПШП[5] – это возможность получить инфраструктурное развитие и новые торговые возможности. Уже построенные дороги и мосты стали визитной карточной китайских строителей». [96 с. 24]

Пресс – канцелярия Государственного совета Китайской Народной Республики опубликовала «Белую книгу» с поэтичным названием «Совместное построение сообщества единой судьбы человечества: инициативы и действия Китая», в котором привела цифры со ссылкой на данные Всемирного банка. В документе отмечается что: «Согласно докладу Всемирного Банка Экономика «Одного пояса, одного пути», всесторонняя реализация инициативы «Один пояс, один путь» увеличит объемы торговли между странами-участницами на 4,1%. К 2030 году данная инициатива будет ежегодно приносить глобальную выгоду в размере 1,6 трлн долл. США». [97, с. 129]. Эти данные наглядно демонстрируют масштаб экономического эффекта инициативы и объясняют заинтересованность Казахстана в активном участии в ней как в проекте, обеспечивающем транспортную связанность, инвестиционную привлекательность и устойчивое развитие национальной экономики.

Благодаря участию в реализации китайской инициативы «Пояс и путь», Республика Казахстан получает возможность использовать транспортно-логистический потенциал соседних государств, а также интегрироваться в сеть трансъевразийских торговых коридоров, соединяющих Восток и Запад континента. Такое включение не только расширяет доступ страны к морским и сухопутным маршрутам, но и способствует формированию новой геоэкономической конфигурации, в которой Казахстан выступает не периферийным звеном, а системным посредником между крупными центрами силы. Подобное положение усиливает международную субъектность Астаны как «средней державы», способной балансировать интересы Китая, России, Европы

[5] Имеется в виду экономический пояс шёлкового пути – это сухопутная часть маршрута инициативы «пояс и путь», проходящая в том числе и через страны Центральной Азии.

и Турции, сохраняя при этом стратегическую автономию внешней политики. Географическое положение Казахстана на пересечении основных транзитных осей Евразии превращает его в ключевого участника инициативы и в ключевого бенефициара процессов евразийской интеграции, что укрепляет позиции государства в региональной архитектуре и повышает его значимость как транспортно-логистического и энергетического хаба.

Ещё одним интеграционным форматом, обеспечивающих экономическое развитие Республики Казахстан, является Евразийский Экономический Союз. Прежде всего, членство в ЕАЭС обеспечивает доступ к рынку с превышающим 170 миллионов человек, что расширяет экспортные возможности казахстанских производителей и стимулирует развитие несырьевого сектора экономики. Как отмечает Рустем Курмангужин в своей книге, посвящённой истории внешней политике независимого Казахстана: «Существующие в рамках ЕАЭС договоренности о доступе к инфраструктуре и внутригосударственным тарифам стран-партнеров на перевозку грузов позволяют Казахстану сократить транспортные издержки, что сказывается на конкурентоспособности нашей продукции на внешних рынках». [10, с. 228].

Вторым значимым преимуществом является углубление промышленной и технологической кооперации, что способствует повышению конкурентоспособности национальных предприятий и ускоряет процессы импортозамещения. В рамках Союза Казахстан координирует макроэкономическую политику с партнёрами, что повышает устойчивость национальной экономики от внешних воздействий и потрясений. Как отмечается в статье, посвящённой проблематике формирования конкурентных преимуществ государств-членов Евразийского экономического союза, «государства-члены ЕАЭС синхронно регулируют инвестиционный и деловой климат в странах, используя весь арсенал экономических и неэкономических инструментов для формирования воспроизводственных цепочек внутри страны, создавая условия для привлекательности участия в них иностранных контрагентов (не обязательно в форме прямых иностранных инвестиций)». [98, с. 228].

В целом можно заключить, что экономические интеграционные форматы занимают центральное место во внешнеполитической архитектуре Республики Казахстан, выступая инструментами укрепления её экономического потенциала и международной субъектности. Они обеспечивают расширение и институционализацию внешнеэкономических связей не только с ближайшими соседями, но и с государствами, расположенными за пределами постсоветского пространства. Участие Казахстана в Евразийском экономическом союзе и китайской инициативе «Пояс и путь» способствует закреплению за страной роли ключевого транзитного узла и посредника между различными центрами экономического влияния Евразии. Такая стратегия, направленная на диверсификацию внешнеэкономических партнёрств, способствует укреплению статуса Казахстана как «средней державы», сочетающей экономическую прагматику с реализацией многовекторного курса. В условиях динамично меняющейся системы международных отношений данный подход позволяет Астане гибко адаптироваться к внешним вызовам, сохраняя способность оказывать конструктивное влияние на региональные процессы и участвовать в формировании новой архитектуры евразийского развития.

Логично утверждать, что ключевая функция интеграционных форматов в сфере безопасности заключается в обеспечении стабильности и защите государств-участников от внутренних и внешних угроз. Для Республики Казахстан многосторонние механизмы сотрудничества в данной сфере выступают одной из основ национальной стабильности, территориальной целостности и суверенитета.

Одним из таких форматов является Совещание по взаимодействию и мерам доверия в Азии (СВМДА), созданное по инициативе Первого Президента Нурсултана Назарбаева. Этот интеграционный механизм предоставляет Казахстану площадку для ведения равноправного и конструктивного диалога с ведущими государствами Азии по вопросам региональной и глобальной безопасности. Участие в СВМДА способствует укреплению дипломатического потенциала страны и расширяет возможности для выработки согласованных

подходов к актуальным вызовам. Кроме того, данный формат играет важную роль в формировании позитивного международного имиджа Казахстана как государства, последовательно продвигающего принципы мирного урегулирования, отказа от силового давления и приоритета политико-дипломатических методов разрешения конфликтов. Показательным примером эффективности механизмов многостороннего взаимодействия в сфере безопасности стало задействование сил Организации Договора о коллективной безопасности в ходе январских событий 2022 года, что наглядно подтвердило практическую значимость коллективных инструментов реагирования на кризисные ситуации.

Республика Казахстан является не только участником СВМДА и ОДКБ, обеспечивающих его безопасность, но и членом Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), чьё пространство безопасности охватывает значительно более широкий географический ареал. В состав ШОС входят не только государства Центральной Азии и соседние страны региона, а также Индия, Пакистан и даже Беларусь. Подобный географический охват формирует пространство от Индийского океана до границ Европейского союза, что придаёт организации особое стратегическое значение. Для государств Центральной Азии важным преимуществом членства в ШОС является то, что зона безопасности, формируемая странами-участницами, охватывает периметр границ Афганистана, способствуя стабилизации обстановки в этой стране и снижению рисков дестабилизации региона.

Комбинация интеграционных форматов (СВМДА +ОДКБ+ШОС) позволяет решать несколько ключевых для обеспечения национальной безопасности Республики Казахстан задач:

Во-первых, реагировать на внешние угрозы посредствам выработки коллективных ответов. Участие Республики Казахстан в многосторонних форматах безопасности позволяет задействовать совместные механизмы раннего предупреждения и обмена разведывательной информацией, что обеспечивает своевременное выявление потенциальных рисков и угроз. Наличие таких

инструментов делает возможной координацию действий государств-участников на самых ранних стадиях кризисных ситуаций и способствует выработке мер совместного реагирования. Эти механизмы направлены на предотвращение широкого круга угроз, включая международный терроризм, трансграничный наркотрафик, киберпреступность и различные формы экстремизма, что укрепляет общую устойчивость региональной системы безопасности;

Во-вторых, создавать предсказуемое окружение. Комбинирование различных форматов обеспечения безопасности наделяет государства-участники системой взаимных обязательств, что способствует повышению прозрачности и предсказуемости региональной политики. В результате формируется многоуровневая архитектура коллективной безопасности, в рамках которой каждый из интеграционных форматов выполняет собственную функциональную роль. Совещание по взаимодействию и мерам доверия в Азии (СВМДА) выступает площадкой для диалога и укрепления мер доверия. Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) обеспечивает Казахстану военные гарантии и механизмы кризисного реагирования. Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) формирует пространство для практического противодействия транснациональным угрозам и углубления политико-военного взаимодействия. Такое институциональное распределение функций позволяет Казахстану не только участвовать в региональных процессах, но и влиять на выработку правил и норм, обеспечивающих устойчивость и управляемость безопасности в Евразийском пространстве.

В третьих, привлекать внешние ресурсы. Участие Казахстана в различных интеграционных форматах безопасности создаёт возможность вовлечения более крупных международных игроков в решение общих и национальных задач в сфере безопасности. Такая комбинация форматов позволяет Астане опираться на потенциал России, Китая, Индии, Пакистана и Ирана, а также рассчитывать на поддержку других государств-участников, заинтересованных в сохранении стабильности в Евразии. Включённость крупных держав в коллективные механизмы способствует распределению ответственности и снижению нагрузки

на собственные ресурсы Казахстана, что повышает эффективность внешнеполитической стратегии страны и укрепляет её позиции как конструктивного участника региональных процессов.

Авторы монографии «Дипломатия президента Токаева», описывая специфику дипломатии современного Казахстана, отмечают взаимную дополняемость интеграционных форматов, используемые Казахстаном во внешней политике. Они в частности пишут, что: «Инициативы, запущенные в СВМДА (например, по кибербезопасности или устойчивой взаимосвязанности), могут затем продвигаться и получать дополнительный вес в рамках ШОС или ЕАЭС. И наоборот, опыт и наработки других структур могут заимствоваться для усиления СВМДА». [19, с. 353].

Система интеграционных форматов в сфере безопасности, в которых участвует Республика Казахстан, носит взаимодополняющий и системный характер. Каждый из них выполняет собственную функциональную задачу, но в совокупности они формируют устойчивую архитектуру безопасности, обеспечивающую баланс интересов и предотвращение угроз как на региональном, так и на глобальном уровнях. Благодаря такому подходу Казахстан не только укрепляет собственную обороноспособность и международный авторитет, но и выступает активным посредником в выработке коллективных решений по вопросам стабильности и доверия в Азии. Многоуровневая вовлечённость страны в форматы СВМДА, ШОС и ОДКБ отражает стратегическую направленность внешней политики Казахстана на укрепление регионального сотрудничества, развитие механизмов превентивной дипломатии и продвижение принципов неделимой безопасности. В результате Казахстан выступает не только бенефициаром международных соглашений в области безопасности, но и одним из ключевых акторов, формирующих повестку региональной стабильности на Евразийском пространстве.

8 августа 2024 года была опубликована статья Президента Казахстана К. К. Токаева «Ренессанс Центральной Азии: на пути к устойчивому развитию и процветанию», в которой отражена позиция Казахстана о необходимости

перехода к новому этапу регионального сотрудничества, основанного на принципах взаимного доверия, прагматизма и стратегического партнёрства. Президент предложил концепцию «центральноазиатского единства», акцентировав внимание на самодостаточности региона и его способности самостоятельно вырабатывать механизмы политической координации и экономической интеграции без внешнего посредничества. Очевидно, что руководство Казахстана рассчитывает сыграть ключевую роль в формировании нового формата регионального взаимодействия. Публикация статьи обозначила идеологические контуры внешней политики Казахстана в отношении южных соседей и зафиксировала попытку Астаны инициировать новый этап консолидации Центральной Азии как самостоятельного субъекта международных отношений. В завершающей части статьи Токаев К.К. отметил: «Усиление парадигмы регионального единства послужит наиболее оптимальным ответом на текущие и грядущие вызовы, позволит выработать консолидированные подходы к сдерживанию негативных трендов, станет основой действенных мер для противостояния любым внешним силам». [36].

Незадолго до выхода статьи «Ренессанс Центральной Азии: на пути к устойчивому развитию и процветанию» была опубликована статья Касым-Жомарта Токаева для «Euronews», посвящённая роли «средних держав» в меняющемся мире. Публикация под названием «Middle Powers Have the Power to Save Multilateralism» вышла 28 мая 2024 года и стала знаковым материалом, поскольку в ней Президент Казахстана обозначил новое позиционирование страны в глобальной политике. С этого момента Республика Казахстан официально и на всех уровнях стала позиционировать себя как «средняя держава», способная в условиях глобальной турбулентности выполнять роль стабилизирующего фактора и активного участника многосторонней системы. В статье отмечается что: «На этом фоне такие средние державы, как Казахстан, выступают в качестве ключевых игроков с растущим потенциалом для обеспечения большей стабильности, мира и развития в своих регионах и за их пределами». [79]

В этом контексте Казахстан проявляет устойчивую заинтересованность в активизации регионального сотрудничества, что обусловлено совокупностью политических и экономических факторов. Прежде всего, особое значение для страны приобретает обеспечение стабильности транзитных маршрутов. Как отмечают Чинара Адамкулова, Карина Татек Бенети: «Наиболее перспективным и актуальным сектором развития сотрудничества в Центральноазиатском регионе является транспортная интеграция. В этой области можно выделить два вопроса: первым является ускорение транспортной интеграции центральноазиатских государств, а вторым установление транспортных партнерств с крупными центрами Евразийского континента, которые являются одновременно и грузоотправителями, и грузополучателями». [99, с. 26] В условиях трансформации геополитической ситуации после начала вооружённого конфликта на территории Украины транзит казахстанских энергоресурсов через территорию России сопряжён с рядом рисков, включая угрозу вторичных санкций со стороны западных государств и возможность повреждения инфраструктуры, задействованной в транспортировке нефти. В этой связи углубление кооперации со странами Центральной Азии создаёт предпосылки для реализации масштабных инфраструктурных проектов, направленных на формирование альтернативных транспортных коридоров в западном (европейском) направлении, а также развитие маршрутов в южном направлении через территорию Ирана и Афганистана.

Не менее значимым направлением остаётся взаимодействие в сфере региональной безопасности. Казахстан рассматривает развитие многосторонних механизмов сотрудничества в Центральной Азии как необходимое условие коллективного реагирования на вызовы, исходящие из сопредельных регионов. Как отмечает Себастьян Майер: «Проблемы безопасности, с которыми в настоящее время сталкиваются государства Центральной Азии, носят преимущественно транснациональный (т.е. трансграничный) характер и затрагивают как минимум одну негосударственную сторону конфликта». [100, с.6] Особое внимание уделяется возможным последствиям нестабильности в

Афганистане, а также рискам дестабилизации в соседних странах, включая Россию и Иран, что может оказать негативное влияние на экономическую и транзитную устойчивость региона. В этих условиях координация действий центральноазиатских государств приобретает стратегический характер, способствуя укреплению устойчивости и автономности региона.

Ещё одним значимым аспектом трансформации внешнеполитического курса Казахстана стала необходимость укрепления переговорных позиций страны в отношениях с основными стратегическими партнёрами, каковыми являются Россия и Китай. Для достижения этой цели Казахстан заинтересован в консолидированном подходе стран Центральной Азии, позволяющем формировать единую региональную позицию по ключевым вопросам. Создание единого политического и экономического пространства региона рассматривается как инструмент усиления субъектности центральноазиатских государств на международной арене и, в частности, укрепления роли Казахстана как одного из центров регионального влияния. Озод Танбаев, анализируя проблему создания единого военного и экономического пространства в Центральной Азии, отмечает: «Необходимо, чтобы страны Центральной Азии разработали единую стратегию в борьбе с внешним давлением, создаваемым Россией, Китаем и другими потенциальными противниками, одновременно утверждая свой индивидуальный суверенитет. Приняв взаимно коллективный подход, Центральная Азия может эффективно сбалансировать и смягчить риски, исходящие из внешних источников».[101]

Таким образом, трансформация внешнеполитического курса Казахстана в отношении стран Центральной Азии демонстрирует переход от ситуативного взаимодействия к формированию стратегического видения регионального лидерства. В условиях углубления глобальных противоречий и перераспределения центров силы Астана демонстрирует стремление превратить Центральную Азию в самостоятельный полюс устойчивого развития, опирающийся на политическую координацию, экономическую взаимодополняемость и коллективную ответственность за безопасность.

Казахстан выступает инициатором институционализации регионального сотрудничества, формируя новую модель взаимодействия, в которой Центральная Азия перестаёт быть объектом внешних интересов и превращается в самостоятельного участника международной политики.

С учётом того, что Казахстан позиционирует свою международную субъектность в качестве «средней державы», можно констатировать, что Астана стремится взять на себя функции модератора при решении комплекса региональных вопросов. Особое значение в этой политике придаётся развитию транспортно-логистических маршрутов, которые рассматриваются как ключевой инструмент усиления международного влияния Казахстана как внутри Центральной Азии, так и за её пределами. Важным направлением геоэкономической стратегии становится использование территории Афганистана для формирования новых сухопутных коридоров, обеспечивающих выход на рынки Южной Азии. Реализация этих проектов служит задаче диверсификации транзитных потоков, снижению зависимости от северных маршрутов и укреплению связующей роли Казахстана между Европой и Азией. Таким образом, центральноазиатская политика Казахстана при президенте Касым-Жомарте Токаеве представляет собой системно выстроенную модель, в основе которой лежат принципы взаимного доверия, прагматизма и региональной самодостаточности. Эта модель отражает стремление Астаны не только сохранить статус ведущего актора в Центральной Азии, но и трансформировать регион в полноценный субъект международных отношений, способный влиять на формирование новой архитектуры глобальной безопасности и сотрудничества.

Одним из приоритетов внешнеполитической активности Астаны в последние годы стало развитие отношений со странами тюркского мира. Тюркский мир постепенно формируется в конструкт, становясь субъектом международных отношений. Он включает в себя институализацию через Организацию Тюркских Государств концептуализацию через общую историю, культуру, языковую близостью и религиозно-цивилизационную сопричастность.

Важно отметить четыре момента:

Во-первых, тюркский мир по своему охвату и смысловому содержанию шире привычного казахстанско-турецкого взаимодействия. Участие в Организации Тюркских государств, развитие политического диалога с Баку, Ташкентом, Бишкеком и Ашхабадом, а также институционализация платформ многостороннего характера формируют стратегический каркас, в котором Казахстан не просто участвует, но и претендует на позицию одного из координаторов.

Во-вторых, многостороннее сотрудничество в рамках тюркского мира обладает экономическим потенциалом, который способен дополнять и расширять существующие формы взаимодействия с другими внешними акторами. Речь идёт о создании единого инвестиционного пространства, совместных логистических и энергетических проектах. Здесь тюркская платформа создаёт импульс для экономического роста.

В-третьих, география тюркского мира создаёт уникальные условия для формирования трансконтинентальных коридоров. Реализация «Среднего коридора» как части Транскаспийского маршрута, инфраструктурная синергия между Казахстаном, Азербайджаном и Турцией, развитие мультимодальных хабов на стыке Кавказа и Центральной Азии превращают пространство тюркского мира в ключевую зону транспортной связности Евразийского континента. В этом контексте Казахстан получает не только доступ к новым рынкам, но и формирует логистическую автономию от традиционных маршрутов.

В четвёртых, в лице государств тюркского мира, Казахстан получает доступ к нейтральному пространству, являющейся альтернативой глобальным центрам силы, что способствует укреплению субъектности Казахстана как независимого актора мирового политического процесса. Благодаря участию в этом пространстве Астана может позволить себе уклонится от стратегического выбора между стратегическим партнёром №1 и стратегическим партнёром №2.

Если посмотреть на карту Евразийского континента, то можно увидеть грандиозный масштаб потенциальных возможностей экономической интеграции, который открывает этот вектор для Астаны. Это участие в транспортных коридорах со странами Центральной Азии через территорию Афганистана, потенциально в Индию и в Пакистан. Это транспортный коридор через территорию Туркменистана в Иран. Это упомянутый «Средний коридор», а также участие в транспортном коридоре «Север – Юг». Тесное сотрудничество в рамках ОТГ усиливает позиции Казахстана в китайском проекте «пояс и путь» и открывает дополнительные возможности для развития сотрудничества с Россией и с Европой. При этом Казахстан получает возможность укрепить свою геоэкономическую субъектность, поскольку Астана сможет оказывать влияние на транспортные потоки в регионе. По-сути, именно пространство стран тюркского мира создаёт для Казахстана возможности для экспорта своей продукции в направлении Персидского залива, Пакистана или Грузии.

Известный казахстанский эксперт в сфере международных отношений Еркин Тукумов в одной из своих работ отмечает: «В перспективе геополитика тюркского мира остается центральной для интересов Казахстана. Установление общеазиатского геополитического баланса и институциональная взаимосвязь в Центральной Азии создают платформу для решения проблем безопасности и развития экономического сотрудничества». [102, с. 35] он также отмечает, что: «С точки зрения Казахстана, сотрудничество в рамках ОТГ выходит за рамки конкретных направлений взаимодействия. Оно имеет долгосрочное стратегическое значение в строительстве архитектуры «евразийского Хартланда» с учетом развития текущей геополитической ситуации». [102, с.32]

Катализатором и в тоже время объективной предпосылкой развития формата тюркского мира стали исторические события, связанные с усилением конфронтации Москвы и Пекина с Вашингтоном. Следствием этой конфронтации стала с одной стороны активизация китайской внешней политики, а с другой стороны потеря Российской Федерацией своих позиций на постсоветском пространстве. Складывается ситуация, когда транзит в Европу

через территорию России и Беларуси затруднён, а Казахстан заинтересован в транзите своих ресурсов в западном направлении, Астана будет вынуждена искать альтернативные варианты. А все альтернативные варианты – это варианты создания транспортных коридоров в обход территории Российской Федерации.

На этом фоне сотрудничество с Турцией и Азербайджаном приобретают особое значение, формирующее не только экономическую, но и цивилизационную основу тюркской интеграции. Программа развития Транскаспийского маршрута («Среднего коридора») и поддержка Совета тюркоязычных государств превращаются в инструменты укрепления стратегической автономии Казахстана. Таким образом, на фоне геополитической переориентации региона тюркский вектор становится не просто идеологической конструкцией, а прагматичным направлением внешнеполитической и логистической адаптации к новой реальности.

Турецкое присутствие в Центральной Азии продолжает развиваться в логике мягкой силы, придавая особое значение культурному сближению, гуманитарным инициативам и продвижению тюркской идентичности. С начала 1990-х годов Анкара выстраивает устойчивую сеть гуманитарного влияния, избегая прямого политического давления и делая ставку на дипломатию, образование, поддержку исламских учреждений, распространение турецкого языка и кинопродукции. Через программы подготовки кадров, культурные обмены и создание образовательной инфраструктуры Турция стремится закрепить свою роль в регионе как символического, но влиятельного актора.

Страны Центральной Азии этим пользуются, поскольку поддержка со стороны Турции способствует диверсификации их экономики, на что указано в ряде научных работ, посвящённых многовекторности стран региона, таких как Кыргызстан: «Развитие экономического сотрудничества с Турцией и другими региональными партнёрами способствовало диверсификации внешнеэкономических связей и снижению зависимости от отдельных стран. Важную роль в этом процессе сыграли модернизация энергетического сектора и

развитие новых транспортных коридоров, укрепившие позиции страны в региональной экономической системе». [31, с. 1990].

Создание и развитие таких структур, как ТЮРКСОЙ, Тюркская академия, Совет сотрудничества тюркоязычных государств и впоследствии Организация тюркских государств (ОТГ), отражают не просто декларативную солидарность, а институционализацию тюркского вектора, где Казахстан выступает не пассивным участником, а одним из архитекторов общей платформы. Причём платформа эта включает в себя не только культурные и гуманитарные измерения, но и прикладные механизмы экономического взаимодействия.

Особо следует подчеркнуть, что тюркский мир как оформленный и самостоятельный вектор внешнеполитической стратегии Казахстана приобрёл завершённые черты именно в период президентства Касым-Жомарта Токаева. При нём наблюдается переход от декларативной поддержки тюркской интеграции к системной реализации внешнеполитических и экономических инициатив: активизация участия в ОТГ, продвижение транспортной связности в рамках Среднего коридора, политическое сближение с Анкарой и Баку, запуск новых гуманитарных и образовательных механизмов. Токаевская дипломатия придаёт тюркскому направлению концептуальную завершённость, обрамляя его как важнейший элемент многовекторной доктрины, не вступающий в конфликт с другими приоритетами, но усиливающий региональную субъектность Казахстана.

Экономическая составляющая тюркского мира усиливается за счёт растущего объёма товарооборота, развития мультимодальной логистики. Прежде всего в рамках Транскаспийского маршрута, а также за счёт углубляющегося инвестиционного и технологического сотрудничества, особенно с Турцией. В гуманитарной политике Казахстан целенаправленно продвигает тюркскую идентичность, образовательные программы, языковое и культурное сближение, используя для этого как двусторонние форматы, так и инструменты публичной дипломатии.

Одним из приоритетных направлений институционального развития Организации тюркских государств (ОТГ) в последние годы стало формирование единой транспортно-коммуникационной архитектуры, способной придать новый импульс региональной интеграции. На IX саммите ОТГ в Самарканде, прошедшем в 2022 году государства-участники подтвердили, что транспортная связанность — это не просто технический вопрос, а структурная основа экономического сближения, транзитной устойчивости и геоэкономической конкурентоспособности тюркского пространства в целом. Ключевыми шагами в этом направлении стали подписание «Соглашения о международных комбинированных грузоперевозках» и утверждение «Программа транспортной взаимосвязанности», нацеленных на институционализацию логистического взаимодействия между участниками ОТГ. В итоговой декларации подчёркивается, что государства «приветствуют подписание «Соглашения о международных комбинированных грузоперевозках между государствами-членами Организации тюркских государств» и «Программа транспортной взаимосвязанности» как важного шага по облегчению транспортных операций через Транскаспийский международный восточно-западный Срединный коридор и укреплению транспортного сотрудничества между государствами-членами и государствами-наблюдателями». [103]

Особое внимание отведено развитию Срединного коридора (Trans-Caspian International East-West Middle Corridor) — как наиболее перспективной евразийской артерии, обходящей перегруженные и геополитически уязвимые маршруты. В этом контексте страны ОТГ выразили готовность к запуску совместных инфраструктурных инвестиций, модернизации логистических узлов, унификации технических стандартов и цифровизации сопроводительных процедур. В том же документе зафиксировано: «отмечают важность дальнейшего развития сотрудничества с целью наращивания инфраструктуры вдоль Транскаспийского международного восточно-западного Срединного коридора, а также цифровизации транспортных, пограничных и таможенных процедур для повышения транзитного потенциала данного маршрута». [103]

Подводя итог проведённому анализу, можно сделать вывод о том, что в период президентства Касым-Жомарта Токаева региональное сотрудничество стало одним из ключевых инструментов реализации многовекторной внешней политики Республики Казахстан. Астана значительно активизировала участие в региональных интеграционных форматах и стала более последовательно использовать их потенциал для решения внешнеполитических, экономических, транспортно-логистических и военно-политических задач по сравнению с предыдущим периодом. При этом каждый из интеграционных форматов выполняет самостоятельную функцию. Китайская инициатива «Пояс и путь» и Евразийский экономический союз способствуют развитию транспортной инфраструктуры, расширению рынков сбыта и укреплению экономической взаимосвязанности. СВМДА, ШОС и ОДКБ обеспечивают участие Казахстана в формировании региональной архитектуры безопасности и позволяют координировать коллективные меры реагирования на современные вызовы. Центральная Азия рассматривается Астаной как пространство формирования регионального лидерства и политической координации, тогда как сотрудничество в рамках Организации тюркских государств становится одним из важнейших инструментов развития транспортных коридоров, экономической интеграции и укрепления международной субъектности Казахстана. Благодаря использованию региональных интеграционных форматов Казахстан получает возможность одновременно диверсифицировать внешнеэкономические связи, снижать зависимость от отдельных транспортных маршрутов и повышать собственную роль в формирующейся архитектуре международных отношений.

2.3 ИНСТРУМЕНТЫ РЕАЛИЗАЦИИ МНОГОВЕКТОРНОЙ ПОЛИТИКИ КАЗАХСТАНА

Современная система международных отношений характеризуется нестабильностью. Очень часто, говоря о её современном состоянии, уточняется то, что она переживает трансформацию. После 2022 года усилилась конфликтная динамика между глобальными игроками, что, разумеется нашло своё отражение во внешней политики таких стран как Казахстан. Исследуя состояние современной системы международных отношений, приходится констатировать, что: «Глобальные игроки, находящиеся в состоянии гибридной войны друг с другом, усиливают давление на Казахстан. Западные страны стремятся усложнить взаимодействие Казахстана с Россией и Китаем, угрожая в том числе и санкциями. Китай и Россия в свою очередь стремятся усилить влияние на Казахстан. На этом фоне Астана всеми силами стремится сохранить статус влиятельного регионального игрока, равноудаленного от кризисов и конфликтов». [104, с. 62]

Актуальность исследования инструментов внешней политики Казахстана определяется необходимостью научного осмысления средств реализации многовекторной внешнеполитической стратегии, обеспечивающих продвижение национальных интересов государства на двустороннем, региональном и глобальном уровнях. В условиях трансформации современной системы международных отношений эффективность внешней политики всё больше зависит от инструментов её реализации. При этом внешнеполитический инструментарий Астаны остаётся малоизученным. Несмотря на значительное количество исследований, посвящённых внешней политике Казахстана, основное внимание в них уделяется принципам, направлениям и приоритетам многовекторности. При этом инструменты реализации многовекторности, обеспечивающие продвижение национальных интересов государства на двустороннем, региональном и глобальном уровнях, до настоящего времени не получили комплексного научного осмысления. В связи с этим возникает

исследовательский вопрос: какие инструменты обеспечивают реализацию многовекторной внешней политики Республики Казахстан в современных международных условиях?

Поиск ответа на поставленный исследовательский вопрос предполагает анализ несиловых инструментов, обеспечивающих реализацию многовекторной внешней политики Республики Казахстан в условиях трансформации современной системы международных отношений. Основное внимание в работе уделено международному имиджу страны, миротворческой деятельности и публичной дипломатии как взаимодополняющим инструментам продвижения национальных интересов Казахстана. Их комплексное применение позволяет Астане сохранять внешнеполитическую гибкость, укреплять международный авторитет и развивать конструктивное взаимодействие с различными центрами силы.

Отдельные направления применения инструментов внешней политики Республики Казахстан получили освещение в современной научной литературе. Например, международный имидж Казахстана и его деятельность в рамках ведущих международных организаций исследуются в работах Фаизовой Р. С. [105] и Гаврилиной Е. А. [106] Миротворческий потенциал казахстанской дипломатии рассматривается Жансугуровой Ж. А. и Жумабековой А. А. [107] на примере Астанинского процесса. Значительное внимание вопросам публичной дипломатии уделено исследованиям Курмашева А. и Ахмедьяновой Д., [108] Уразаевой А. и Баймуратовой Ж. [109] Современные тенденции развития цифровой дипломатии стран Центральной Азии, включая Казахстан, представлены в работе Б. Х. Алламуродова. [110] Помимо обозначенных выше работ в качестве источниковой базы были использованы работы Кристофера Хилла [111] и Шишкиной О. В., [112] позволившие раскрыть содержание понятия «инструменты внешней политики». Важное значение для анализа эволюции внешнеполитического курса Казахстана имели положения програмного документа «Стратегия становления и развития Казахстана как суверенного государства», написанного Назарбаевым Н. А. [13] При

исследовании публичной дипломатии использована работа Калла Н., [113] посвящённая становлению концепции «public diplomacy», а для оценки отдельных результатов внешнеполитической деятельности Республики Казахстан привлечены актуальные аналитические материалы.

Инструменты внешней политики

В современной теории международных отношений внешняя политика рассматривается как целостная система, обеспечивающая согласованность международной деятельности государства. По мнению Кристофера Хилла, внешняя политика представляет собой «совокупность официальных внешних отношений, осуществляемых независимым актором (как правило, но не исключительно государством) в международных отношениях». Автор подчёркивает, что само понятие политики предполагает наличие осознанных намерений и координации, а внешняя политика призвана «упорядочивать и объединять во времени различные направления международной деятельности государства». Следовательно, в концепции К. Хилла внешняя политика выступает прежде всего как средство обеспечения согласованности внешней деятельности государства, а не как простая совокупность отдельных внешнеполитических решений. Именно такой подход позволяет перейти к исследованию механизмов и инструментов реализации внешнеполитической стратегии государства. [111, с.4]

Соответственно, для достижения обозначенных намерений, для решения поставленных государством внешнеполитических задач необходимо иметь инструменты, которые приведут страну к желаемым результатом. И тут возникает закономерный вопрос о том, что можно понимать под инструментом внешней политики? В исследовании, посвящённом Инструментам внешней политики ЕС в странах «Восточного соседства», Шишкина О. В. раскрывает сущность внешнеполитических инструментов следующим образом: «Толковый словарь определяет слово «инструмент» как «средства, способ, применяемый для достижения чего-либо». Таким образом, применительно к внешней политике «инструменты» – это устойчивые практики (способы, формы) применения

ресурсов для достижения внешнеполитических целей. Как правило, они формируются под влиянием исторических условий, внутренних характеристик участника международных отношений и его понимания того, как имеющиеся ресурсы можно использовать для достижения своих интересов». [112, с.207]

Говоря об инструментах внешней политики современного Казахстана, необходимо учитывать цель их применения, масштаб их применения и контекст их применения. Важно помнить, что контекст применения Республикой Казахстан инструментов определяется процессом болезненной трансформации современной системы Международных отношений. Фактически это состояние гибридной войны между странами, претендующими на глобальное доминирование. Исследуя многовекторную геополитику Казахстана в условиях глобальной гибридной войны можно констатировать, что: «Страх перед санкциями стимулирует переговорный процесс по созданию новых механизмов торговли с соседями и поиску более совершенных механизмов обеспечения безопасности. Казахстанская дипломатия и бизнес приспосабливаются под новые реалии». [104, с.71]

Единственной целью применения инструментов внешней политики Казахстана является усиление влияния Астаны на региональные и в перспективе на глобальные процессы. Отметим, что под влиянием следует понимать способность управлять ресурсами, используемыми в региональных процессах. В свою очередь, под эффективностью применения инструментов во внешней политике следует понимать достижение максимального результата при минимальном количестве затрачиваемых ресурсов.

Масштаб применения внешнеполитических инструментов определяется тем уровнем международных отношений, на который направлено воздействие государства. В зависимости от решаемых задач один и тот же инструмент может использоваться на двустороннем, региональном или глобальном уровнях.

На двустороннем уровне инструменты внешней политики используются для реализации национальных интересов во взаимоотношениях с конкретными государствами**.** Например, в отношениях с Турцией и Китаем Казахстан активно

применяет инструменты межправительственного сотрудничества для привлечения инвестиций, развития транспортно-логистической инфраструктуры и расширения промышленной кооперации. В свою очередь, взаимодействие с отдельными европейскими странами ориентировано на расширение доступа казахстанской продукции на европейские рынки, привлечение высоких технологий, развитие энергетического сотрудничества и диверсификацию внешнеэкономических связей.

На региональном уровне применение внешнеполитических инструментов направлено на формирование благоприятной архитектуры безопасности, развитие интеграционных процессов и укрепление транспортно-логистической связанности Центральной Азии и сопредельных регионов. В качестве примера можно привести регулярные Консультативные встречи глав государств Центральной Азии, деятельность Организации тюркских государств, Евразийского экономического союза и Шанхайской организации сотрудничества. Через участие в этих форматах Казахстан способствует развитию регионального политического диалога, координации усилий в сфере безопасности, реализации совместных транспортных проектов, включая Транскаспийский международный транспортный маршрут, а также расширению торгово-экономического сотрудничества между государствами региона.

На глобальном уровне Казахстан использует внешнеполитические инструменты для продвижения собственных международных инициатив, участия в деятельности универсальных международных организаций и укрепления своего международного авторитета. Наиболее показательными примерами являются инициатива по созыву Совещания по взаимодействию и мерам доверия в Азии (СВМДА), участие в миротворческих операциях Организации Объединённых Наций, деятельность в качестве непостоянного члена Совета Безопасности ООН в 2017–2018 гг., а также продвижение инициатив в сфере ядерного разоружения, нераспространения оружия массового уничтожения и международной безопасности. Использование подобных

инструментов оказывают положительное воздействие на международную репутацию Казахстана как ответственного участника мировой политики.

Международный имидж как инструмент внешней политики

Казахстан создавал себе внешнеполитический имидж буквально с момента обретения государственной независимости. Уже в первой «Стратегии становления и развития Казахстана как суверенного государства» (1992 г.) Назарбаев Н. А. определил миролюбивую направленность в качестве фундаментального принципа внешней политики Республики Казахстан. В документе отмечались характеристики страны, которые легли в основу современного международного имиджа Республики Казахстан. Например, декларировалось, что Республика Казахстан отвергает войну и применение силы как средство достижения политических и экономических целей. Говорилось об отсутствии территориальных претензий ни к одному государству мира и приверженность принципам нерушимости государственных границ и невмешательства во внутренние дела других государств. [13, с.52] Тем самым уже на первоначальном этапе государственного строительства была заложена концептуальная основа международного позиционирования Казахстана как миролюбивого и ответственного участника международных отношений.

Позитивный имидж миролюбивого государства был подтверждён отказом Казахстана от ядерного оружия. Этот факт поставил Республику Казахстан в качестве примера мирной страны, которая отказывается от применения силы в решении международных вопросов. Показательным является ещё и тот факт, что принцип не применения силы был реализован на практике при урегулировании пограничных вопросов. В результате Республика Казахстан не имеет территориальных претензий к соседям и соседи не имеют территориальных претензий к Республике Казахстан.

Сформировавшаяся репутация стала реальным инструментом во внешней политике, поскольку сыграла важную роль в том, что именно Казахстан был выбран председателем ОБСЕ, а Астана стала площадкой проведения исторического саммита. В работе, анализирующей роль председателя ОБСЕ,

находящегося между востоком и западом отмечаются шаги, предпринятые Казахстаном. Автор отмечает: «Так, Саудабаев К. посетил страны и регионы, где имеется конфликтный потенциал, провел ряд переговоров с руководством государств с целью ведения диалога между спорными сторонами исключительно в мирном русле. В свою очередь, Казахстану, при посредничестве других международных участников, удалось урегулировать кризис в Киргизии. Тем не менее апрельские события в Бишкеке в 2010 г. и их последствия обозначили новые проблемы и могут стать катализатором нежелательных процессов, ведущих к дисбалансу интересов ведущих мировых центров сил в регионе». [105, с.36]

Благодаря имиджу как внешнеполитическому инструменту Казахстан стал первой страной в Центральной Азии, ставшей членом совета безопасности Организации Объединённых Наций. Во многом факт того что Казахстан был непостоянным членом совета безопасности ООН стало следствием последовательных шагов страны в организации. В работе Гаврилиной Е.А., посвящённой рассмотрению деятельности Казахстана в ООН отмечается: «с каждым годом всё больше возрастает роль Республики Казахстан как на региональном, так и в международном масштабе, что являет собой подтверждение целенаправленной и рациональной политики руководства страны с учётом реальной ситуации в мире». [106, с.36]

Последовательная реализация миролюбивого внешнеполитического курса позволила Казахстану сформировать устойчивый международный имидж государства, выступающего надёжным партнёром как в сфере международной безопасности, так и в области торговли энергоресурсами. Такой образ способствовал укреплению доверия со стороны ведущих мировых и региональных акторов. По мере накопления политического авторитета и расширения международной активности Казахстан постепенно обрёл статус «средней державы». Сегодня республика ассоциируется с миролюбивой внешней политикой, ответственным участием в решении международных

проблем и готовностью к конструктивному сотрудничеству со всеми заинтересованными государствами.

Одним из практических результатов формирования положительного международного имиджа Республики Казахстан стало расширение международной мобильности её граждан. Согласно «Henley Passport Index» за 2026 г., граждане Республики Казахстан имеют безвизовый или упрощённый доступ в 78 государств и территорий мира. Эксперты рассматривают данный рейтинг как один из показателей уровня дипломатических связей государства, эффективности его визовой политики и степени интеграции в мировое сообщество. [114]

Сформировавшаяся репутация миролюбивого, ответственного и предсказуемого партнёра способствовала укреплению международного доверия к Астане. Это создало благоприятные условия для продвижения национальных интересов, расширения политического диалога, привлечения иностранных инвестиций, развития международной торговли и участия страны в деятельности ведущих международных организаций. В этом смысле положительный международный имидж стал важным нематериальным ресурсом, который повышает эффективность использования других внешнеполитических инструментов и расширяет возможности Казахстана по достижению своих внешнеполитических целей.

Миротворчество как инструмент внешней политики Казахстана

Важным направлением развития казахстанского миротворческого потенциала стало создание специализированной системы подготовки миротворческого персонала. В стране были сформированы Миротворческий учебный центр Министерства обороны «KAZCENT», Центр разминирования Вооружённых сил и Военно-медицинский центр. Их деятельность направлена на подготовку военных наблюдателей, штабных офицеров, инженерно-сапёрных и медицинских специалистов для участия в миротворческих операциях. Существенное значение имело признание KAZCENT Североатлантическим альянсом в качестве 19-го учебного центра программы «Партнёрство ради

мира». В дальнейшем центр вошёл в международные сети подготовки миротворческого персонала и получил сертификацию ООН по подготовке штабных офицеров и специалистов по защите гражданского населения. Одновременно Казахстан совершенствовал практическую подготовку миротворцев посредством проведения международных учений «Степной орёл», которые способствовали развитию взаимодействия с вооружёнными силами государств-партнёров, повышению уровня совместимости подразделений и укреплению международного авторитета страны в сфере миротворческой деятельности. [115, с.29]

Участие Республики Казахстан в миротворческих операциях ООН способствует укреплению её международной узнаваемости и политического авторитета. Присутствие казахстанских миротворцев в различных регионах мира служит практическим подтверждением приверженности страны принципам поддержания международного мира и безопасности. Миротворческая деятельность демонстрирует готовность Астаны не только выступать с дипломатическими инициативами, но и принимать непосредственное участие в урегулировании конфликтов. Благодаря этому Казахстан укрепляет свои позиции как ответственный участник международных отношений и расширяет возможности использования миротворческой деятельности в качестве инструмента реализации внешней политики.

Одним из наиболее известных примеров миротворческой деятельности Республики Казахстан стало предоставление переговорной площадки для сирийского мирного процесса. Астанинский процесс создал условия для регулярного диалога между участниками конфликта и государствами-гарантами. Проведение переговоров способствовало укреплению международного авторитета Казахстана как нейтрального посредника, готового содействовать мирному урегулированию международных конфликтов. Одновременно это подтвердило стремление Астаны использовать дипломатические инструменты для поддержания международного мира и безопасности.

Описывая роль Астанинского процесса в урегулировании сирийского конфликта Жансугурова Ж. А. Жумабекова А. А. отмечают, что: «Астанинский переговорный процесс во многом послужил стимулом для ООН к тому, чтобы возобновить активную работу по урегулированию затяжного конфликта в САР. До того, как была объявлена Астанинская встреча в декабре 2016 г., более 10 месяцев ООН не предпринимал никаких действий, а также постоянно переносил, запланированные раунды переговоров». [116, с. 5] Приведённая оценка свидетельствует о том, что Казахстан сумел создать нейтральную переговорную площадку, способствовавшую возобновлению международного политического диалога по сирийскому урегулированию. Таким образом, Астана продемонстрировала способность вносить практический вклад в разрешение международных кризисов дипломатическими средствами. Астанинский процесс укрепил международный авторитет Казахстана и подтвердил эффективность использования посреднической дипломатии в качестве одного из инструментов реализации его внешней политики.

Миротворческая деятельность стала одним из наиболее значимых инструментов реализации внешнеполитического курса Астаны. Миротворчество позволило Казахстану подтвердить свою приверженность принципам международного права и мирного разрешения споров практическими действиями. Благодаря этому республика укрепила репутацию ответственного участника международных отношений и расширила возможности продвижения своих национальных интересов дипломатическими средствами. Миротворческая деятельность стала не только самостоятельным инструментом внешней политики, но и важным фактором повышения эффективности других её инструментов, прежде всего международного имиджа, посреднической дипломатии и многостороннего сотрудничества.

Публичная дипломатия как инструмент внешней политики

История становления понятия «публичная дипломатия» раскрывается в статье Николаса Калла «Публичная дипломатия» до Гуллиона: эволюция фразы» (Public Diplomacy Before Gullion: The Evolution of a Phrase), размещённой на

официальном сайте USC Center on Public Diplomacy. Анализируя эволюцию данного термина, автор выделяет ряд моментов, имеющих значение для понимания современной концепции публичной дипломатии. Автор пишет, что «В одной из первых брошюр Центра Мерроу было дано удобное краткое изложение концепции Галлиона: «Публичная дипломатия… занимается влиянием общественного мнения на формирование и реализацию внешней политики. Она охватывает аспекты международных отношений, выходящие за рамки традиционной дипломатии; формирование правительствами общественного мнения в других странах; взаимодействие частных групп и интересов в одной стране с другой; освещение международных событий и их влияние на политику; коммуникация между теми, чья работа связана с коммуникацией, такими как дипломаты и иностранные корреспонденты; и процесс межкультурной коммуникации». [113]

Одним из наиболее динамично развивающихся направлений публичной дипломатии является цифровая дипломатия. Исследованию её роли в реализации внешней политики Республики Казахстан посвящена работа Алламуродова Б. Х., в которой автор анализирует особенности использования цифровых технологий и социальных сетей в деятельности Министерства иностранных дел и дипломатических представительств Казахстана. Автор понимает «цифровую дипломатию как новую форму внедрения международных отношений, в которой роль информационно-коммуникационных технологий можно понимать как важный фактор реализации дипломатических задач. Возможности цифровой дипломатии позволяют информировать миллионы иностранцев о стране, о ее активной внешней политике, о трансформационных и масштабных изменениях в государстве, а также без дополнительных затрат знать настроения и отношение общественности. Цифровая дипломатия оказывает существенное влияние на эффективность внешнеполитической деятельности Казахстана и Узбекистана». [110, с. 33]

Анализируя особенности публичной дипломатии Республики Казахстан, Курмашев А. и Ахмедьянова Д. отмечают, что её развитие преимущественно

осуществляется на государственном уровне. В качестве основных инструментов публичной дипломатии авторы рассматривают реализацию международной стипендиальной программы «Болашак», создание за рубежом центров казахского языка, а также продвижение национального культурного наследия посредством выставочных проектов. Кроме того, в работе подчёркивается значение международных диалоговых площадок, включая инициативу G-Global и Гражданский форум, а также развитие взаимодействия государственных органов с неправительственными организациями как одного из направлений публичной дипломатии страны. [108, с. 45]

Сходной позиции придерживаются и другие казахстанские исследователи. В частности, Уразалиева А. Т. и Баймуратова Ж. А. рассматривают публичную дипломатию не только как средство формирования позитивного международного имиджа государства, но и как самостоятельный инструмент реализации внешнеполитических интересов Республики Казахстан. Они рассматривают публичную дипломатию как эффективный инструмент современной внешней политики. Авторы приходят к выводу о том, что «в рамках публичной дипломатии Казахстан сможет добиться своего объективного восприятия в мире, развивать собственные эффективные средства информационного влияния на общественное мнение за рубежом, обеспечивать усиление позиций казахстанских средств массовой информации в мировом информационном пространстве. Этому свидетельствует опыт зарубежных стран, которым удалось создать и продвинуть положительный имидж своей страны, несмотря на высокую конкурентную среду». [109, с. 9]

Таким образом, публичная дипломатия Казахстана является важным инструментом и продвижения внешнеполитических интересов Республики Казахстан. Для того, чтобы получить наибольший эффект от её применения, необходимо уделять больше внимания практическим механизмам её реализации, включая образовательные, культурные, информационные и общественно-политические инициативы. Вместе с тем теоретические аспекты публичной дипломатии, её место в системе инструментов внешней политики и

особенности использования в условиях реализации многовекторной стратегии Казахстана остаются недостаточно разработанными, что обусловливает необходимость их дальнейшего научного осмысления.

Проведённый анализ позволяет сделать вывод о том, что реализация многовекторной внешней политики Республики Казахстан обеспечивается комплексным использованием взаимодополняющих внешнеполитических инструментов. К числу важнейших из них относятся международный имидж государства, миротворческая деятельность и публичная дипломатия. Их согласованное применение позволяет Казахстану последовательно реализовывать многовекторную внешнеполитическую стратегию, поддерживать конструктивное взаимодействие с различными центрами силы и сохранять внешнеполитическую гибкость в условиях трансформации современной системы международных отношений. Формирование положительного международного имиджа, участие в миротворческой деятельности и развитие публичной дипломатии представляют собой взаимосвязанные механизмы продвижения национальных интересов, способствующие укреплению международного доверия к Казахстану, расширению политического, экономического и гуманитарного сотрудничества, а также повышению роли страны в региональных и глобальных процессах.

ГЛАВА III
МНОГОВЕКТОРНАЯ ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА СОВРЕМЕННОГО КАЗАХСТАНА

3.1 МОДЕЛЬ МНОГОВЕКТОРНОСТИ КАЗАХСТАНА

Рассуждая о многовекторной внешней политике Республики Казахстан принято выделять ключевых партнёров Астаны, среди которых непременно будут присутствовать США, Россия, Китай, страны исламского мира, Турция и Европейский союз. Для того чтобы дать оценку сотрудничества Республики Казахстан с вышеупомянутыми акторами мирового политического процесса необходимо сформулировать дефиницию для термина внешнеполитический вектор. Важно понимать, что количество векторов во внешней политике не может равняться количеству государств, с которыми страна поддерживает дипломатические отношения. В тоже время статус государства на мировой арене, его реальная, а не декларируемая субъектность во многом зависят от эффективности сотрудничества с ключевыми партнёрами. Поэтому возникает объективная необходимость сформулировать определение термину вектор внешней политики.

Вектор внешней политики – это направление экономического и политического сотрудничества, подразумевающее получение экономических благ и политических выгод от систематического взаимодействия в различных сферах. Основанием для формирования внешнеполитического вектора является весь комплекс национальных интересов в жизненно-важных для государства сферах. Сотрудничество в рамках вектора должно соответствовать нижеследующим критериям:

Первый критерий заключается в статусе актора международных отношений, сотрудничество с которым выстраивается в рамках вектора. Актор должен обладать признанным международным статусом влиятельного игрока на мировой арене. В качестве такового актора может выступать как отдельно-взятое государство, так и группа стран. Например, Украина в качестве вектора внешней

политики ориентирована на сотрудничество с Европейским Союзом и блоком НАТО. Это следует из конституции Украины. [116]

Второй критерий - это охват различных сфер взаимодействия. Сотрудничество в рамках вектора внешней политики выходит за рамки одной сферы и должно определяться совокупностью экономического, политического, военного и гуманитарного партнёрства. На постсоветском пространстве таких примеров много. В основном они связаны с развитием сотрудничества с Российской Федерацией. Например, в отношении Кыргызстана с Россией наблюдается разноплановое и разноформатное сотрудничество, охватывающее практически все сферы взаимодействия. Для этого создаётся формат многостороннего взаимодействия, который упрощает процесс взаимодействия, что приводит к росту товарооборота и увеличению количества совместных проектов, реализуемых в рамках этого формата. Примером может послужить Кыргызстан, ставший частью ЕАЭС. Это отмечается в ряде исследований, посвящённых внешней политике стран Центральной Азии. Например, в работе Исаева А., Аширалиева А., Малдыбаева Д., авторы пишут: «Отношения с Россией претерпели качественные изменения. В рамках Евразийского экономического союза (ЕАЭС) были реализованы масштабные проекты по углублению таможенной интеграции и формированию единого рынка услуг». [31,с. 1971]

Третьим критерием должна стать концептуализация. Сотрудничество в рамках вектора внешней политики должно иметь идейное осмысление в рамках некой концепции исторической общности. Например, «Взаимодействие Казахстана с Турцией, а также другими тюркоязычными странами основывается на близости тюркских народов, их исторически тесных связях и общем стремлении к сотрудничеству во имя процветания. Такая модель концептуализации сформировала идеологические предпосылки для появления Организации тюркских государств». [104, с.79] Вопросы концептуализации внешней политики и самопозиционирования актуализируются в контексте трансформации системы международных отношений. Этой проблеме

посвяшены работы казахстанских исследователей. Например, Шегирбаев О.А., который отмечает, что «Понятие «средней державы» становится важным элементом внешнеполитической идентичности Казахстана, что позволяет стране укреплять свою международную репутацию, расширять дипломатическое влияние и эффективно балансировать между глобальными и региональными акторами». [117,с.421] В работе, посвящённой эволюция внешнеполитических концепций Казахстана Курмангужин Р. С., и Чеботарёв А. Е., отмечают: «Следует отметить, что эволюция казахстанских концептуальных документов в области внешней политики во многом отражала позитивные изменения, которые происходили в Республике Казахстан на протяжении 30 лет». [16,с.83]

Четвёртым критерием является общая логистика. Сотрудничество в рамках вектора должно иметь привязку к общей, совместно используемой логистике. Наличие общей логистики с партнёрами является ключевым условием превращения внешнеполитического вектора из декларативной конструкции в рабочий механизм сотрудничества в самых разных сферах от совместных проектов в торговле до совместных проектов в науке. Это особенно заметно на примере Республики Беларусь, экономика которой во многом зависит от логистики, связывающей её экономику с экономикой Российской Федерации и как следствие с рынками стран ЕАЭС и ШОС. В работе С.М. Горячевой, посвящённой роли логистики в развитии экспорта Республики Беларусь отмечается, что «В концепции развития логистической системы Республики Беларусь на период до 2030 года отмечено, что логистическую систему следует рассматривать как составную часть экономики Республики Беларусь, связанную с развитием логистических услуг, инфраструктуры и вовлечением предприятий в международные логистические схемы продвижения товаров на мировом рынке». [118, с.143] Соответственно наличие логистической инфраструктуры, связывающей экономику страны с рынками ключевых партнёров является неотъемлемым условием реализации внешнеэкономической деятельности со стратегическими партнёрами.

Пятым критерием может являться зависимость от вектора. Этот критерий, очень важен, поскольку в нём проявляется ключевая значимость выстраивания отношений с тем актором, на который этот вектор направлен. Авторы работы «Влияние новых геополитических условий на многовекторную внешнюю политику Казахстана» прямо указывают на зависимость Республики Казахстан от ближайших соседей: «Анализ внешнеполитических рисков показал, что все они связаны с взаимозависимостью казахстанской экономики и дипломатии с ближайшими соседями (Россия, КНР, государства Центральной Азии), в отношении которых многовекторность развивалась в условиях формирования многополярного мира. Но сегодня казахстанская внешняя политика испытывает все вызовы новой геополитической турбулентности». [119, с. 105] Проявление этой зависимости выражается в наличии жизненно важных инвестиций в экономику, в наличии большого внешнего долга в критической востребованности военной помощи. Высокий уровень зависимости делает вектор приоритетным по факту, вне зависимости от официальных деклараций и требует политико-дипломатического сдерживания, чтобы избежать утраты субъектности.

Два западных вектора внешней политики

Отношение с Европой и Соединёнными штатами сохраняют и актуальность и значимость, однако отходят на второй план. Ресурсы, которые они покупают в Казахстане всё равно экспортируются через территорию России (КТК) или через территорию Азербайджана (Средний коридор) или по железной дороге, проходящей по территории Туркменистана. А ещё Казахстан вполне может использовать порты Китая для отправки грузов в США и страны юго-восточной Азии. Кроме того, именно со стороны стран запада исходит угроза введения санкционных ограничений за активное сотрудничество не только с Россией, но и с Китаем. Тревожным сигналом в этом вопросе стало знаменитое письмо Дональда Трампа с уведомлением о введении в отношении товаров из Казахстана 25% пошлин. Соответственно Астана сохраняет европейский, и американский векторы, но назвать их стратегическими нельзя. Не смотря на то, что отношения

с Европейским Союзом и Соединёнными Штатами Америки всё ещё сохраняют статус векторов во внешней политики Казахстана, их нельзя назвать стратегическими, в силу не соответствия вышеперечисленным критериям, которые определяют понятие вектор. Западное направление остаётся для Казахстана значимым компонентом многовекторной стратегии, но в силу несоответствия базовым критериям оно не обладает признаками полноценного стратегического вектора.

Критерий №1 Статус актора. Соединённые Штаты Америки и Европейский Союз являются сильными игроками на мировой арене. Этот факт сомнениям не подлежит. На отношение Казахстана с западными странами оказывает влияние разница геостратегических приоритетов. На практике это выражается в том, что Центральная Азия рассматривается ими исключительно в контексте конкуренции с Россией и Китаем, при том, что и США и страны Европы являются частью блока НАТО. Отношение с Казахстаном не рассматривается ими в качестве самостоятельного внешнеполитического приоритета. Вопреки формализованным и декларативным заверениям в стратегическом партнёрстве и даже расширении стратегического партнёрства,[6] роль Европы и США по отношению к Казахстану имеет ограниченный эффект из-за географической удалённости партнёров. Между Астаной и Вашингтоном отсутствует сопряжение интересов в ключевых для Казахстана сферах, таких как региональная (Центрально-Азиатская) безопасность и энергетика. На практике это означает, что при всей значимости западных стран они не смогут служить Казахстану ни точкой экономической опоры ни гарантом безопасности.

Критерий №2 Охват различных сфер взаимодействия. Партнёрство с США и ЕС охватывает ограниченное количество сфер. В отношениях между Казахстаном и странами запада речь как правило идёт об экспорте сырья, инвестициях и сотрудничестве в гуманитарных сферах. При этом речь не идёт о

[6] Например, Соглашение о расширенном партнерстве и сотрудничестве между Европейским Союзом и его государствами-членами, с одной стороны, и Республикой Казахстан, с другой стороны вступило в силу 1 марта 2020 года.

налаживании системного сотрудничества Казахстана в сфере безопасности со странами НАТО или с США. Вовлечённость западных стран в дела Центральной Азии, не смотря на многие громкие заявления, по прежнему носят ситуативный характер. Западные страны способны оказать экономическое давление на казахстанскую элиту. Однако они не способны оказывать ключевого влияния на экономическое и политическое развитие Республики Казахстан. Астана сохраняет полную независимость от решений принимаемых в европейских столицах и от решений принимаемых в Вашингтоне.

Критерий №3 Концептуализация. Отношение с Европой и США не имеют концептуализации в рамках общей для обеих сторон идейной базы. В отличие от тюркского, российского или китайского вектора, сотрудничество с Западом лишено культурно-исторической или цивилизационной основы, способной сформировать долгосрочную идейную рамку. Предлагаемые «западные ценности», хоть и представляют из себя некий универсализированный вариант осмысления общественных отношений, не всегда в полном объёме находят понимание среди населения Республики Казахстан. Отсутствие концепции исторической общности Казахстана и стран запада делает вектор уязвимым к внутриполитическим колебаниям и меняющимся приоритетам в политике как со стороны Казахстана, так и со стороны ЕС и США.

Критерий №4 Общая логистика. У Казахстана отсутствует общая логистика с Европой и США. Западные партнёры разделены значительным расстоянием, что во многом определяет уровень экономических и политических отношений между сторонами. Любая логистическая взаимосвязанность между ними требует прохождения через территорию третьих стран, что повышает стоимость и риски перевозок. Западные партнёры практически не вовлечены в развитие инфраструктуры, соединяющей их с Казахстаном напрямую, что исключает формирование материального каркаса вектора, сравнимого с китайским или тюркским направлениями.

Критерий №5 зависимость от вектора. Зависимость от западных стран спорна. Экономическая и технологическая зависимость от Запада в случае

Казахстана носит фрагментарный характер. США и ЕС[7] не являются ключевыми кредиторами, главными торговыми партнёрами или системными инвесторами, от которых зависит устойчивость казахстанской экономики. Это, с одной стороны, исключает риск чрезмерного политического давления, но с другой — снижает значение вектора в общем балансе внешней политики. Запад в этом контексте выступает скорее в качестве дополнительного, чем опорного направления.

Исходя из всего описанного выше, можно констатировать, что два западных вектора внешней политики Казахстана сохраняют важное значение. Они играют второстепенную роль во внешней политике Казахстана. То что США не имеют определяющего влияния на Казахстан является наследием политики Назарбаева Н.А. Исследователи из Пакистана Фархан С., Хан М. и Шер Н. отмечают что «Президенту Назарбаеву удалось успешно поддерживать отношения в регионе, не попадая под влияние США». [120, с.693] Изменилось и качественное наполнение отношений Казахстана и США. Так к примеру Адайкызы С. в своей работе о развитии взаимоотношений Казахстана и США приходит к выводу о том, что: «за 30 лет начиная с момента приобретения независимости Казахстаном американо-казахстанское сотрудничество пережило разворот от отношений «кредитор-должник», как в последнем десятилетии XX века, к равноправным отношениям «партнер-партнер». [121, с.338]

Отношения Казахстана с Европейским союзом также продиктованы прагматизмом. Это отмечается различными исследованиями, посвящёнными изучению мотивов и способствующих сотрудничеству Казахстана и ЕС факторам. Например Артем Паталах в своём исследовании приходит к выводу о том что: «В случае Казахстана, дружба с ЕС, хотя и горячо желанная, по-видимому, является лишь инструментом для доминирующего официального нарратива о стремлении страны быть прогрессивной и современной, в основном

[7] В случае с Европой в качестве торгового партнёра Казахстана выступает не сам Европейский Союз, а отдельные его члены: Франция, Германия, Италия и.т.д.

в экономической и технологической областях и, следовательно, ограничивается этими областями». [122, с. 15]

Развитие сотрудничества с США и странами Европейского Союза носят точечный и проектный характер, что не позволяет выстроить устойчивую и многопрофильную систему взаимодействия. Условия трансформации системы международных отношений делают эти два вектора внешней политики Казахстана уязвимыми перед различного рода рисками.

Стратегические векторы внешней политики Казахстана

Принимая во внимание перечисленные выше критерии в определении векторов внешней политики можно констатировать, что во внешней политике Казахстана фактически сформировалось три стратегических вектора. Российский вектор, китайский вектор и тюркский мир как новый, но перспективный вектор. Каждый из них представляет собой не только направление внешнеполитической активности, но и отдельную функциональную платформу, отражающую баланс интересов, ценностей и идентичности.

Первым стратегическим вектором внешней политики современного Казахстана является Российская Федерация, которая остаётся ключевым партнёром практически во всех сферах, включая сферу безопасности, энергетику и многоплановое сотрудничество в сфере образования, науки и культуры. Идейное наполнение этого вектора формируется через концепцию евразийской интеграции, воплощаемую в рамках Евразийского экономического союза и ОДКБ, что придаёт отношениям институциональную устойчивость. Логистическая инфраструктура этого вектора представлена развитой сетью транспортно-энергетических коммуникаций, Важной особенностью российского направления является высокая степень взаимозависимости, которая создаёт интеграционные преимущества, но одновременно несёт и риски, связанные с колебаниями внешнеполитического курса и санкционным давлением на Москву. После начала полномасштабных боевых действий на территории Украины, казахстанско – российское партнёрство перешло на новый

уровень. Теперь Астана делает всё чтобы избежать вторичных санкций со стороны запада за сотрудничество с Россией.

Вторым стратегическим вектором является Китай. Стратегическая Роль Китайской Народной Республики для внешней политики Республики Казахстан определяется тем, что мощная китайская экономика уже сама по себе является естественным центром притяжения для соседей. Территория Китая открывает для товаров из Казахстана выход к портам Тихого Океана. Концептуальная основа вектора закреплена рамками общего исторического наследия шёлкового пути. Логистическая база представлена сухопутными коридорами и мультимодальными маршрутами, включая Средний коридор и казахско-китайский логистический центр в Ляньюньгане. При этом вектор демонстрирует растущую экономическую зависимость от китайского капитала и рынков, что требует от Астаны тонкого баланса между получением инвестиций и сохранением политического манёвра. Открытый доступ казахстанских товаров на Китайский рынок мог бы стать идеальным стимулом для развития казахстанской экономики. В условиях санкционного давления западных стран на Россию именно китайский вектор формирует основу для многовекторности внешней политики. Партнёрство получило новое содержание после запуска инициативы «Пояс и путь», в рамках которой Казахстан стал ключевым звеном Среднего коридора. Важно также отметить, что официальная риторика Пекина опирается на принципы невмешательства, уважения суверенитета и стратегического партнёрства. Китайские инвестиции рассматриваются не как инструмент влияния, а как ресурс для развития.

Третьим стратегическим вектором во внешней политике Казахстана является «тюркский мир». Концептуализация этого вектора опирается на культурно-историческое единство тюркских народов. Процесс формирования этого направления начался с момента институционального оформления Организации тюркских государств (ОТГ). При этом принципиально важно подчеркнуть, что речь идёт не о переориентации на двустороннее взаимодействие с Турцией, несмотря на позитивную динамику в отношениях с

Анкарой, а именно о формировании многостороннего, цивилизационного пространства тюркских стран. Первоначально сосредоточенный на гуманитарном сотрудничестве, вектор постепенно наполняется содержанием из инфраструктурных, энергетических и инвестиционных проектов. В рамках этого пространства происходит экономическое взаимодействие стран-участниц. Это весьма интересный исторический пример, когда культурная близость придаёт экономический импульс многостороннему взаимодействию. Данный вектор может включать в себя взаимодействие со странами Центральной Азии, Азербайджаном, Турцией и даже Венгрией придавая уникальную специфичность внешнеполитической стратегии Казахстана. Казахстан на этом направлении продвигает модель открытого регионализма, сочетающего культурную консолидацию с прагматичным расчётом. Логистическая составляющая развивается за счёт Транскаспийского международного транспортного маршрута, соединяющего Казахстан с Южным Кавказом, Турцией и далее с Европой. На текущем этапе на тюркском векторе сохраняется относительно низкую степень зависимости, что делает его одним из наиболее гибких и перспективных направлений внешней политики Казахстана. Интеграция в рамках ОТГ способствует расширению дипломатического пространства, формированию координационных платформ в транспортной, цифровой и гуманитарной сферах.

Эти три вышеперечисленные направления внешней политики Казахстана создают баланс, на основе которого усиливается субъектность Казахстана на международной Арене. По сути, внешняя политика по этим трём векторам и даёт право Астане называть себя «Средней державой». Стратегия реализации многовекторной политики Казахстана на этих трёх стратегических направлениях строится на основе принципа комплементарности. Именно взаимодополняемость становится основой реализации внешней политики Республики Казахстан. Всё зависит от способности выстраивать устойчивые механизмы взаимодополняемости экономики Казахстана с экономиками Китая, России и стран тюркского мира.

В результате создаётся модель многовекторности, базируеющаяся на трёх взаимосвязанных измерениях: экономическом, транзитном и военно-политическом.

Экономическая дополняемость. Экономика Казахстана обладает высокой степенью структурной совместимости с ключевыми государствами евразийского пространства. А именно с Россией, Китаем и странами тюркского мира. В условиях глобальной фрагментации региональные форматы взаимодействия становятся не просто платформами сотрудничества, но и механизмами согласования интересов. Казахстан способствует «устойчивому развитию» указанных стран через экспорт энергоресурсов, продовольствия, металлов и транзитных услуг, одновременно получая инвестиции и технологии в рамках двусторонних и многосторонних форматов. Важно отметить, что согласование экономического взаимодействия происходит в институционально разграниченных, но не противоречащих друг-другу форматах. Этими форматами являются Евразийский экономический союз (ЕАЭС), Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) и Организации тюркских государств (ОТГ). Такое сочетание организаций во внешней политике позволяет Казахстану не дублировать, а рационально распределять геоэкономические приоритеты;

Транзитная дополняемость. Географическое положение Казахстана определяет его стратегическую функцию «транзитного моста», соединяющего рынки Восточной Азии, России, Кавказа и Европы. В большинстве случаев экспорт казахстанской продукции, от нефти и зерна до урана и цветных металлов, ориентирован на рынки России, Китая и стран тюркского мира либо транспортируется через их территории. Именно эта взаимосвязь придаёт смысл понятию транзитной дополняемости: Республика Казахстан играет роль логистического узла, обеспечивающего связь между рынками ЕАЭС, ШОС и ОТГ. Такой подход позволяет минимизировать дублирование транспортных коридоров, избегать конфликта интересов между странами и формировать общее транзитное пространство;

*Дополняемость систем безопасности***.** Одним из ключевых достижений казахстанской внешней политики стало формирование гибкой и взаимодополняемой системы участия в структурах безопасности. Казахстан эффективно сотрудничает в сфере обеспечения безопасности и в рамках Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), и в рамках ШОС, и в рамках ОТГ. Несмотря на различия в концептуализации форматов этих структур, Астана демонстрирует способность не противопоставлять их друг другу, а использовать каждый из них в функционально ограниченных, но взаимодополняющих целях. ОДКБ обеспечивает военную и оборонную координацию в евразийском масштабе, ШОС охватывает широкий спектр угроз от борьбы с терроризмом до кибербезопасности, а ОТГ представляет собой платформу для координации гуманитарных, информационных и технологических угроз в тюркском мире.

Резюмируя описанное выше можно констатировать, что в период президентства Касым-Жомарта Токаева сложилась специфичная модель многовекторной внешней политики Казахстана. Основу этой модели составляют три стратегических вектора, имеющих определяющее влияние на субъектность Казахстана на мировой арене. Таковыми являются отношения со странами Тюркского мира, отношения с Российской Федерацией и отношения с Китайской Народной Республикой. Они дополняются двумя западными векторами внешней политики Казахстана. Отношения со странами Европейского Союза, с США не представляют для Казахстана первостепенное значения.

3.2 СРЕДНЯЯ ДЕРЖАВА КАК НОВАЯ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ КАЗАХСТАНА

Одним из ключевых изменений во внешней политике Казахстана в период президентства Касым-Жомарта Токаева является своего рода ребрендинг имиджа страны на мировой арене. Казахстан всё чаще на официальном и неофициальном уровнях позицианирует себя в качестве «средней державы». Статус «средней державы» для Казахстана имеет символическое значение. Однако значимость этого символизма трудно переоценить. Важно понимать, что в условиях ограниченного экономического потенциала новая брендированная идентичность «middle power» способствует попыткам выйти за рамки Центральной Азии, рекомендовав себя в качестве ответственного самостоятельного субъекта мировой политики. Бренд средней державы предоставляет возможность Астане усилить свою субъектность на мировой арене. С позиции средней державы Казахстан получает возможность выступать и площадкой и посредником в урегулировании международных конфликтов. Проявляя инициативу с позиции средней державы придаёт дополнительную легитимность внешней политике и позволяет Астане использовать своё геополитическое положение как ресурс международного влияния.

Концепт «средней державы» также обеспечивает Казахстану идейное обоснование многовекторности. Он позволяет выстраивать сбалансированные отношения на стратегических направлениях своей внешней политики: с Россией, с Китаем и с тюркским миром. Кроме того, этот статус увеличивает шансы на развитие отношений со странами, находящимися в других регионах мира. Например, увеличивает шансы на привлечение инвестиций из таких регионов как Европа или Юго-восточная Азия. Статус «средней державы» позволяет избежать необходимости жёсткого выбора в пользу одного центра силы в случае реализации многовекторного курса внешней политики. В этом контексте «middle power» становится не столько теоретической категорией, сколько практическим механизмом сохранения стратегической автономии.

Позиционирование Казахстана в качестве «средней державы» постепенно закрепляется как в официальном политико-дипломатическом дискурсе, так и в академической литературе. В монографии «Дипломатия Президента Токаева»[8] категория «средняя держава» используется для описания внешнеполитической идентичности страны, при этом акцент делается на сбалансированной многовекторности, институциональном активизме и глобальной ответственности Астаны. Авторы подчёркивают: «Наша страна воспринимается как средняя держава с сильным дипломатическим голосом и способностью продвигать инициативы, направленные на укрепление глобальной безопасности». [19, с. 98]. Академический анализ подтверждает данный дискурс. Так, Утегенова А. развивает эту идею в теоретических рамках концепции «средних держав», акцентируя внимание не только на материальных показателях, но и на поведенческих характеристиках. Она приходит к выводу, что «Анализ «поведенческого» подхода и последующее его тестирование в отношении страны свидетельствует о том, что успешная реализация ряда внешнеполитических инициатив, развитие «посреднической» дипломатии, позволяют заявить о Казахстане как о среднем региональном государстве». [123, с. 36].

Важно отметить, что само руководство Казахстана открыто позиционирует свою страну как «среднюю державу», способную вносить вклад в укрепление международного мира и устойчивого развития. Президент Казахстана в статье для «Euronews» высказал мысль о принадлежности своей страны к категории средних держав. Он отметил следующее: «Хотя мы, возможно, и не обладаем таким же глобальным влиянием, как мировые сверхдержавы, такие страны, как наша, обладают экономической мощью, военным потенциалом и, что, возможно, ещё важнее, политической волей и дипломатической проницательностью, необходимыми для оказания значительного влияния на мировой арене по

[8] Авторами этой коллективной монографии являются Тукумов Е. В., Ауелбаев Б. А., Сейлеханов Е. Т., Абен Д. А., Абен А. С., Кушкумбаев С. К.

различным вопросам: от продовольственной и энергетической безопасности, перехода к зеленой экономике и ИТ до устойчивости цепочек поставок». [79].

Если говорить о внешнем признании за Казахстаном статуса «Средней державы», то чаще всего принято ссылаться на доклад «Средние державы - влиятельные игроки международной политики», который был опубликован Немецким Фондом Науки и Политики» (*SWP*)[9] в начале 2024 года. Авторы этого труда выделяют 12 стран, играющих по их мнению важную региональную роль. Одной из двенадцати стран, которым авторы присвоили статус «средней державы» был назван Казахстан. В работе отмечается специфика геополитического положения Казахстана и следующая из этого факта проблематика ведения внешней политики. Говоря о Казахстане, одним из аргументов Андре Шмитц[10] является геополитическое положение страны. В частности она пишет: «На фоне доминирования России и Китая внешняя политика Казахстана направлена на сдерживание влияния двух региональных держав через максимально широкий спектр внешних отношений, тем самым получая максимальное пространство для маневра». [78, с.30] Фактически воспроизводится аргумент времён Назарбаева Н.А. о том, что Казахстан проводит взвешенную многовекторную политику, демонстрируя открытость для всего мира. Астана одновременно участвует в институтах, связанных с Россией и Китаем (ОДКБ, ЕАЭС, ШОС), и активно развивает связи с ЕС, США и Турцией. Казахстан выступает как посредник, стремящийся к сохранению территориальной целостности и международного права, инициатор транзитных и инфраструктурных проектов (например, Транскаспийский коридор), и как активный игрок в многосторонних форумах. Этот подход подтверждается мнением Мари Дюмулена[11], который формулирует это так: «Казахстан можно

[9] Stiftung Wissenschaft und Politik (SWP) — Германский институт международных отношений и безопасности, крупнейший аналитический центр ФРГ по вопросам внешней политики. Консультирует правительство, парламент Германии, а также ЕС, НАТО и ООН. Официальный сайт: https://www.swp-berlin.org/en/swp/about-us (был доступен: 19.08.2025).

[10] Andrea Schmitz. Das eine tun, ohne das andere zu lassen: Autonomie und Gestaltungsanspruch kasachischer Außenpolitik

[11] Мари Дюмулен, бывший дипломат и эксперт по Центрально – Азиатскому региону, а ныне директор программ ECFR

отнести к державе среднего уровня благодаря его готовности реализовывать внешнеполитическую повестку, которая носит не только региональный, но и глобальный характер, особенно в вопросах климата и окружающей среды». [124] Всё это соответствует логике средней державы, не обладающей глобальной мощью, но способной связывать крупные центры силы и расширять поле собственной автономии. Однако сравнение Казахстана с другими «middle powers» выглядит весьма натянуто с точки зрения материальных показателей (экономика, военные ресурсы). Минаков М[12]. анализирует Турцию и Казахстан как средние державы. В рамках своего исследования он отмечает особенность казахстанской внешней политики: «Астана, как новый геополитический игрок, похоже, придерживается более оппортунистического подхода. Однако этот подход также является стратегическим и приносит позитивные политические и экономические результаты». [125, с.361]

Для средней державы очень важно иметь в наличии ресурсы для поддержания своего статуса. Об этом пишут многие авторы, которые склонны рассматривать Казахстан через призму страны, граничащей с Россией и с Китаем: «Природные ресурсы Казахстана, его географические размеры и относительно высокий уровень экономического богатства позволили ему идти по пути всестороннего взаимодействия и сложного балансирования более успешно, чем его более бедные и слабые соседи из Центральной Азии». [46, с. 992]

Наличие ресурсов, в частности природных ресурсов является важным дополнением к красиво звучащей риторике. Причисление страны к категории «средних держав» только на основе поведения выглядит малоубедительным аргументом. Поскольку в реальных политических условиях имеют значения ресурсы, возможности и инструменты. Например, способность проецировать своё реальное влияние на пространство по периметру границ. Может ли

[12] Михаил Минаков. Старший советник Института Кеннана, Международного центра учёных имени Вудро Вильсона; профессор Свободного университета (Brīvā Universitāte, Рига).

Казахстан влиять на страны Центральной Азии? Может ли Казахстан оказывать влияние на политику Ирана или Азербайджана? Эти два вопроса по сути являются риторическими.

Понятие «средняя держава» — это в большей степени конструкция политического и экспертного дискурса, чем устоявшийся теоретический концепт. Для Казахстана этот статус выполняет роль идеологической рамки, поскольку подчёркивает с одной стороны, субъектность на мировой арене и внешнеполитическую гибкость. Этот статус наполнен символизмом, но при этом остаётся открытым к разным интерпретациям и не закреплён в единой международном понятии. Статус «средней державы» в последние годы действительно становится всё более заметным элементом политико-дипломатического и экспертного дискурса, однако его содержание остаётся во многом расплывчатым. Термин активно используется как в академических работах, так и в выступлениях государственных деятелей, но при этом отсутствует общепризнанная дефиниция, которая позволила бы однозначно очертить критерии отнесения страны к категории «средней державы». В результате его использование часто носит инструментальный характер. В зависимости от контекста, использующий этот термин эксперт, наполняет его содержание собственной интерпретацией. Необходимо так же подчеркнуть, что данный статус лишён жёсткого идеологического содержания. В отличие от концепций «великих держав» или «региональных лидеров», которые опираются на конкретные материальные параметры и устоявшиеся геополитические представления, категория «средней державы» служит скорее удобной рамкой для описания стран, обладающих ограниченными ресурсами, но стремящихся к активному участию в международных процессах. Более того, подобный статус нельзя назвать уникальным: сегодня им активно оперируют государства различного масштаба и уровня развития. Например, Канада, Австралия Республика Корея и Турции.

Проблема использования этого статуса заключается в его декларативности. Самоопределение «средняя держава» не гарантирует реального веса. Несмотря

на то, что действия субъектов мировой политики укладывается в рамки международного права, их внешнеполитические действия во многом анархичны, поскольку исходят из утилитарных экономических интересов. В этом смысле концепт «средней державы» уязвим в плане инструментализации, поскольку опирается на более гибкие и трудноизмеримые критерии, такие как посредничество, участие в многосторонних институтах или способность формировать повестку дня в определённых сферах международных отношений. Казахстан не является исключением. Позиционирование страны как «средняя держава» не отражает объективные параметры её материальной мощи, но служит важным элементом дипломатической самоидентификации и политического имиджа.

Использование такого самопозиционирования создаёт риски того, что чрезмерное акцентирование внимания на символическом капитале «средней державы» может привести к переоценке собственных возможностей и завышенным ожиданиям со стороны международных партнёров. Более того, использование данного концепта без чёткого и концептуально - обоснованного идеологического конструкта способно обесценить саму категорию, превратив её в декларативный ярлык, не подкреплённый конкретным содержанием.

Статус «средней державы» в казахстанском внешнеполитическом дискурсе выполняет двоякую функцию. С одной стороны, он позволяет закрепить за страной символический капитал и создать образ ответственного актора международных отношений, способного к посредничеству, институциональной активности и выдвижению инициатив глобального значения. В этом смысле данный концепт становится важным инструментом дипломатического позиционирования, легитимации многовекторного курса и укрепления внутренней политической стабильности. С другой стороны, отсутствие общепринятой дефиниции и чётких материальных критериев делает данный статус уязвимым к инструментализации: он может использоваться как декларативный ярлык, не всегда подкреплённый реальными ресурсами и практическими результатами.

Для Казахстана подобная двойственность означает необходимость балансировать между символической и содержательной сторонами данного концепта. Позиционирование себя как «средней державы» должно быть наполнено конкретным содержанием. Например, через практику посредничества, участие в многосторонних институтах, развитие транспортно-логистических коридоров, энергетических проектов и цифровой дипломатии. Только в таком случае символический статус способен трансформироваться в реальный инструмент международного влияния. В противном случае существует риск переоценки возможностей, завышенных ожиданий со стороны партнёров и разрыва между амбициями и реальными ресурсами государства. Таким образом, концепт «средней державы» для Казахстана является полезным инструментом внешнеполитического брендинга, но его эффективность зависит от наполнения практическими действиями, а не от одной лишь риторической привлекательности.

В региональном масштабе статус «средней державы закрепляет за Казахстаном лидерство в регионе Центральной Азии. И как следствие ставит вопрос о том каким образом будет происходить переосмысление региона и переосмысление роли Казахстана.

Корнелл[13] С. по этому поводу пишет: «Усиление роли Казахстана как «средней державы» в Центральной Азии имеет значительные последствия. Фактически, это должно привести к фундаментальному переосмыслению во многих кругах того, как следует понимать регион Большой Центральной Азии. Слишком часто регион по-прежнему рассматривается в терминах «Большой Игры», где крупные державы соперничают друг с другом за влияние, в то время как местные государства рассматриваются как беспомощные и, возможно, зависимые территории, лишенные собственной власти». [126, с. 22]

[13] Сванте Э. Корнелл — соучредитель и директор Института политики безопасности и развития.Директор Института Центральной Азии и Кавказа и Программы исследований Шелкового пути.

Несмотря на все изложенные выше недостатки самоопределения себя в качестве средней державы имеет большое практическое значение, которое в перспективе принесёт стране большие геополитические результаты. Статус «средней державы» очень удачно вписывается в многовекторную модель внешней политики Казахстана. По сути, Республика Казахстан объективно выступает географическим центром, который функционирует как естественная буферная зона между крупнейшими акторами Евразии. Геополитическое положение страны задаёт логику её внешнеполитической стратегии. В соответствии с этой логикой Казахстан находится на пересечении интересов России, Китая и тюркского мира, в который входят такие страны, как Азербайджан, Туркменистан, Узбекистан и Кыргызстан.

Именно этот пространственный фактор превращает Казахстан в своего рода «связующее звено», способное аккумулировать транспортные, энергетические и торговые потоки. Статус «средней державы» в данном контексте выходит за рамки символического самоопределения, создавая идеологическую предпосылку для утверждения своей субъектности в структуре глобального мирового порядка. Статус «средней державы» даёт простые ответы на вопросы о нейтральном позиционировании в ключевых для мира конфликтах. Даёт ответ на вопрос о том, почему Казахстан не поддерживает антироссийских санкций. Даёт ответ на вопрос об активном участии во всех форматах обеспечения региональной безопасности. Ответ заключается в том, что статус «средней державы» объясняет необходимость в сохранении геополитического баланса. Статус «средней державы» формирует имидж посредника, способного минимизировать конфликты и транслировать идеи взаимного доверия.

Таким образом понятие «средняя держава» перестаёт быть метафорой и становится концептуальным позиционированием, которое закрепляет за страной право быть самостоятельным актором глобальной политики. Казахстан встраивает этот статус в свою многовекторность, превращая его в рамку, которая объясняет и оправдывает внешнеполитические решения. Таким образом, «middle power» становится частью имиджа государства: символом уравновешенной

дипломатии, фактором легитимации международной субъектности и инструментом расширения политического пространства. Иными словами, для Казахстана «средняя держава» — это не столько отражение реальной мощи, сколько проектируемая идентичность, позволяющая максимально эффективно использовать выгодное геополитическое положение и институционализировать свою роль в архитектуре евразийской и глобальной безопасности.

Проблема, которая стоит и перед руководством и перед экспертным сообществом Казахстана находится исключительно в идеологической плоскости. Необходим консенсус относительно дефиниции термина «средняя держава». С учётом анализа специфики многовекторной политики Казахстана можно определить термин «средняя держава» следующим образом. Средняя держава – это государство, обладающее ключевым влиянием на экономические, политические и транспортные связи региона и максимально интегрированное в региональные форматы обеспечения экономического взаимодействия и безопасности. Казахстан полностью подпадает под это определение, потому что является игроком, через территорию которого проходят транспортные и торговые потоки. При этом Астана является участником таких организаций как СНГ, ШОС, ОДКБ, ЕАЭС.

3.3 ОГРАНИЧЕНИЯ МНОГОВЕКТОРНОЙ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ КАЗАХСТАНА

Вызовы, риски и угрозы, формируемые внешней средой, традиционно занимают заметное место в исследованиях внешней политики Казахстана. Анализ академического дискурса показывает, что данная проблематика рассматривается и в работах, посвящённых многовекторному внешнеполитическому курсу республики. Исследователи обращают внимание на различные внешние факторы, способные оказывать влияние на его реализацию. При этом характер и источники таких вызовов меняются вместе с трансформацией международной среды. Например, Губайдуллина М. Ш. ещё в 2009 г. в выступлении, посвящённом принципам и выбору внешнеполитических приоритетов Республики Казахстан, отмечала, что Казахстан противостоит существующим угрозам XXI века: «распространение нестабильности и религиозного экстремизма в регионе», «непрекращающийся наркотрафик, в центре которого оказался Казахстан, «международный терроризм», эпидемии и эпизоотии возможно только совместными действиями с ведущими странами мира. Это ясно всем». [127, с.126] Вместе с тем наличие внешних вызовов и угроз ещё не позволяет определить, в какой степени они ограничивают возможности самого государства. Поэтому вопрос об ограничениях внешней политики Казахстана представляет собой отдельное направление исследования, которое пока не получило широкого освещения в академическом дискурсе. В существующих работах основное внимание уделяется источникам, характеру и возможным последствиям внешних рисков и угроз. Категория ограничений предполагает несколько иной исследовательский ракурс. Она позволяет поставить вопрос не только о том, какие факторы воздействуют на государство, но и о том, каким образом они сужают пространство его внешнеполитического манёвра. Особое значение в данном случае приобретает способность самого государства воздействовать на такие ограничения.

Актуальность изучения ограничений внешней политики Казахстана обусловлена усложнением условий международной среды, в которой

реализуется многовекторная внешняя политика Астаны. Современная система международных отношений находится в состоянии, которое можно деликатно обозначить как «глубокая трансформация». По сути, имеет место гибридная война между ключевыми глобальными центрами силы. Этот рост геополитической напряжённости и фрагментация международных экономических связей имеют существенное влияние на реализацию внешнеполитического курса Республики Казахстан. На этом фоне возникает необходимость определить те факторы, которые ограничивают возможности Казахстана в процессе реализации многовекторной внешней политики. Анализ этих ограничений позволяет определить реальные пределы внешнеполитического манёвра республики. Одновременно он даёт возможность оценить устойчивость многовекторной модели в изменяющихся международных условиях. Особое значение имеет разграничение объективных ограничений и факторов, влияние которых может быть снижено посредством целенаправленной государственной политики.

В период президентства Токаева К.К. многовекторная политика Казахстана сохраняет преемственность с ранее сформированным внешнеполитическим курсом, одновременно обретая новые характеристики. Их появление связано с трансформацией системы международных отношений и усилением конкуренции между ведущими центрами силы. В этих условиях многовекторность постепенно выходит за рамки традиционного балансирования между внешними партнёрами. Она становится инструментом укрепления стратегической автономии и международной субъектности Казахстана. Данный процесс проявляется в развитии альтернативных внешнеполитических и транспортных направлений, более активном использовании геоэкономических инструментов и усилении роли Казахстана в евразийских транспортных коридорах. Одновременно возрастает значение тюркского направления, которое приобретает политическое и экономическое содержание. Ещё одним проявлением изменений становится позиционирование Казахстана в качестве «средней державы». Тем самым географическое положение страны постепенно рассматривается не только как

источник зависимости и уязвимости, но и как ресурс внешней политики. Вместе с тем устойчивость данной модели имеет определённые ограничения. Она зависит от способности государства укреплять внутренние институты, обеспечивать внешнеполитические инициативы необходимыми инвестиционными и кадровыми ресурсами, а также сохранять баланс в отношениях с глобальными и региональными партнёрами. Таким образом, дальнейшее развитие многовекторности определяется не только гибкостью внешней политики Казахстана, но и наличием внутренних ресурсов, необходимых для поддержания растущей международной активности государства. [128, с.475]

Все ограничения многовекторной внешней политики Казахстана связаны с существованием определённых пределов внешнеполитического манёвра. Речь не идёт о невозможности развивать отношения с различными центрами силы. Казахстан сохраняет сотрудничество с Россией, Китаем, странами тюркского мира и другими партнёрами. Однако возможности такого сотрудничества не являются безграничными. Государство не всегда может самостоятельно определять его формы, направления и глубину. Пространство внешнеполитического выбора зависит как от внешней среды, так и от собственных возможностей Казахстана. Ограничения многовекторной внешней политики Казахстана можно условно разделить на объективные и преодолимые**.** К первой группе относятся факторы, которые непосредственно не зависят от решений руководства республики и не могут быть устранены средствами внешней политики. Вторая группа включает ограничения, которые могут быть ослаблены или преодолены в результате целенаправленной государственной политики. Они связаны не столько с внешней средой, сколько с имеющимися возможностями и эффективностью инструментов реализации многовекторного курса. По сути, объективные ограничения определяют внешние пределы манёвра многовекторного курса, тогда как преодолимые ограничения характеризуют способность самого Казахстана использовать имеющееся пространство для такого манёвра**.**

Объективные ограничения внешней политики Казахстана

Первым ограничением многовекторной внешней политики Казахстана является нехватка ресурсов. Астана обладает меньшими политическими, экономическими и военными потенциалом по сравнению с Москвой, Пекином, Вашингтоном и другими крупными акторами. Это создаёт объективную асимметрию в отношениях с ними. Казахстан может использовать многовекторную политику для расширения пространства внешнеполитического манёвра. Однако он не может в полной мере определять условия взаимодействия с более сильными партнёрами. Значение данного ограничения возрастает по мере усиления противоречий между крупными державами. В условиях относительно стабильных отношений между ними Казахстан получал больше возможностей для одновременного развития различных направлений внешней политики. Сотрудничество с одним партнёром в такой ситуации не обязательно препятствует развитию отношений с другим. Иная ситуация возникает в условиях конфронтации. Крупные державы начинают рассматривать действия других государств через призму собственного соперничества.

Вторым ограничением многовекторной внешней политики Казахстана является его географическое положение. Казахстан относится к числу внутриконтинентальных государств и не имеет прямого выхода к мировому океану. Поэтому доступ страны к основным мировым рынкам во многом зависит от транспортной инфраструктуры соседних государств. Экспорт и импорт предполагают использование сухопутных маршрутов, морских портов других стран и трансграничных транспортных коридоров. В результате внешнеэкономическая политика Казахстана зависит не только от собственных решений, но и от состояния отношений с транзитными государствами. Авторы исследования Жұматаева Ж. М., Мылқайдаров А. Т. и Мукалиев Ж. К. отмечают особое значение трубопроводного транспорта для экономики и энергетической безопасности Казахстана. Его потенциал во многом определяется географией размещения нефтегазовых ресурсов и существующей системой транспортных маршрутов. При этом значительная часть экспортной инфраструктуры имеет

трансграничный характер. В частности, Каспийский трубопроводный консорциум, который авторы называют одним из основных направлений экспорта казахстанской нефти. [129] При этом важно отметить, что в условиях гибридной войны географическая изоляция страны не имеющей выход к открытому океану становится весьма болезненным ограничением для внешнеполитических манёвров, поскольку инфраструктура того же Каспийского трубопроводного консорциума становиться лёгкой целью для атаки дронов. Географическое положение Казахстана усиливает его зависимость от сложившейся системы транспортировки углеводородов. Гусейнова С. отмечает, что до формирования альтернативных транспортных маршрутов Казахстан сохраняет зависимость от российского направления. Существенную роль в этом играет трубопроводная инфраструктура, созданная ещё в советский период. В частности, маршрут транспортировки нефти с месторождения Тенгиз ориентирован на российский порт Новороссийск. В этих условиях развитие альтернативных маршрутов приобретает не только экономическое, но и внешнеполитическое значение, поскольку позволяет расширить возможности Казахстана по диверсификации экспортных направлений. [130, с.88]

Третьим ограничением многовекторной внешней политики Казахстана является высокая степень экономической зависимости от внешних партнёров. Экономика страны тесно включена в международные торговые, инвестиционные и производственные связи. Казахстан заинтересован в доступе к зарубежным рынкам, иностранным инвестициям и современным технологиям. Большое значение имеет и внешняя транспортная инфраструктура. По этой причине отношения с ведущими экономическими партнёрами имеют для Казахстана не только коммерческое, но и внешнеполитическое значение. В исследовании, посвящённом Перспективам расширения экономического сотрудничества стран Центральной Азии в форматах «5+1», авторы отмечают, что: «санкционные ограничения и нестабильность транспортно-логистических маршрутов, относящиеся к зоне критических рисков, формируют объективную необходимость расширения сотрудничества в сфере транспортной

инфраструктуры, развития альтернативных транзитных коридоров и диверсификации внешнеэкономических связей. Это позволяет рассматривать данные риски как стимул к углублению региональной связанности и укреплению транзитного потенциала Центральной Азии». [131, с.206] Для Казахстана необходимость такой диверсификации имеет особое значение. Экономические связи республики диверсифицированы таким образом, чтобы избегать чрезмерной зависимости от одного внешнего партнёра. При этом каждый из основных партнёров имеет особое значение для отдельных направлений экономического развития страны. Одни государства являются крупными рынками сбыта казахстанской нефти, другие выступают источниками инвестиций и технологий, третьи имеют важное значение для реализации транзитного потенциала республики. Вместе с тем внешние партнёры Казахстана не являются полностью взаимозаменяемыми. Сокращение сотрудничества на одном направлении не всегда может быть компенсировано его расширением на другом. Это связано с различиями в структуре торговли, инвестиционных возможностях, технологическом потенциале и географическом положении партнёров. Поэтому диверсификация позволяет снизить чрезмерную зависимость от отдельного государства, но не устраняет зависимость Казахстана от внешнеэкономических связей в целом.

Преодолимые ограничения внешней политики

Первым из преодолимых ограничений многовекторной внешней политики Казахстана является недостаточная диверсификация направлений её реализации. Наиболее наглядно данная проблема проявляется в сфере транспортировки энергетических ресурсов. Значимая роль российского направления в экспорте казахстанской нефти делает устойчивость поставок зависимой от состояния транспортной инфраструктуры, расположенной собственно на территории России. В условиях продолжающегося вооружённого конфликта данная зависимость создаёт дополнительные риски. Объекты инфраструктуры, задействованные в транспортировке казахстанской нефти, могут оказаться затронутыми военными действиями независимо от позиции самого Казахстана.

В подобных условиях наличие альтернативных маршрутов сопоставимой пропускной способности позволило бы оперативно перераспределять экспортные потоки и тем самым снижать воздействие внешних рисков. Однако существующие альтернативные направления пока не способны в полной мере заменить Каспийский трубопроводный консорциум по объёмам транспортировки. Поэтому ограничение в данном случае определяется не самим географическим положением Казахстана, которое имеет объективный характер, а недостаточной диверсификацией инфраструктуры, посредством которой реализуются его внешнеэкономические связи**.** В отличие от географического фактора, данное ограничение является потенциально преодолимым и может последовательно ослабляться посредством развития альтернативных транспортных коридоров. Как отмечает Сильван К., зависимость Казахстана от КТК создаёт дополнительные риски для экспорта нефти. После 2022 г. работа трубопровода неоднократно нарушалась, а в 2025 году его инфраструктура на территории России подвергалась ударам украинских беспилотников. Несмотря на попытки Казахстана развивать альтернативные направления, сопоставимой замены КТК пока нет. В декабре 2025 г. министр энергетики Аккенженов Е. прямо заявил**:** «На сегодняшний день альтернативы КТК нет. Другие маршруты не могут обеспечить сопоставимые с ним объёмы транспортировки»**.** [132, с.5]

Вторым преодолимым ограничением многовекторной внешней политики Казахстана является неравномерность развития инструментов её реализации на отдельных направлениях. Казахстан использует широкий набор внешнеполитических инструментов, включая посредничество, миротворчество и публичную дипломатию. Однако степень их развития и практическая эффективность различаются в зависимости от конкретного направления внешней политики. Следовательно, дальнейшее расширение пространства многовекторного манёвра зависит не столько от появления новых инструментов, сколько от способности руководства страны эти инструменты развивать. Например, авторы статьи об основных особенностях и перспективах публичной дипломатии Республики Казахстан в одном из выводов отмечают: «Типичными

примерами использования Казахстаном инструментов публичной дипломатии в экономической сфере являются: превращение республики в «регионального донора» Центральной Азии; последовательное наращивание ею расходов на оказание финансовой помощи развивающимся странам; открытие в столице страны Международного финансового центра «Астана», в будущем призванного стать одним из ведущих мировых финансовых узлов». [133, с.97] Каждый из рассматриваемых авторами примеров руководство Казахстана может развивать или не развивать вне зависимости от внешней среды. Следовательно, степень использования подобных инструментов определяется прежде всего внутренними решениями государства и имеющимися у него возможностями. Их недостаточное развитие в отдельных направлениях может рассматриваться как преодолимое ограничение многовекторной внешней политики Казахстана.

Необходимо отметить, что проблематика ограничения реализации многовекторной внешней политики Республики Казахстан остаётся не изученной. Проведённый анализ показал, что ограничения многовекторной внешней политики Казахстана имеют неодинаковую природу. Часть из них непосредственно не зависит от решений политического руководства страны, тогда как влияние других может быть снижено посредством целенаправленной политики. К объективным ограничениям казахстанской многовекторности относятся: географическое положение, зависимость от внешних партнёров и нехватка ресурсов. К преодолимым ограничениям внешней политики относится неравномерность развития инструментов её реализации на отдельных направлениях и недостаточная диверсификация направлений её реализации.

Результаты проведённого исследования в целом согласуются с выводами других авторов, рассматривающих пределы многовекторной внешней политики Казахстана. Наиболее близкие результаты представлены в работе Сильван К.. Автор рассматривает экономические, политические и геополитические ограничения многовекторной политики Казахстана. Разница заключается в подходах. Сильван К. рассматривает экономические, политические и геополитические ограничения. [132] В данном исследовании ограничения

разделяются в зависимости от возможности государства воздействовать на факторы, формирующие пределы внешнеполитических возможностей.

Для изучения проблематики ограничений внешней политики представляет также интерес работа Кукеевой Ф. Автор отмечает что зависимость от отдельных инфраструктурных узлов и асимметрия во взаимодействии с внешними партнёрами могут снижаться посредством диверсификации маршрутов и развития институциональных механизмов. [95] Это в целом подтверждает целесообразность выделения преодолимых ограничений, степень воздействия которых может быть снижена действиями самого Казахстана.

Выявленное в настоящем исследовании неравенство потенциалов Казахстана и ведущих мировых держав как объективное ограничение многовекторности согласуется с результатами Вандерхилл Р., Джойрман С. Ф. и Тулепбаевой Р.. Авторы рассматривают Казахстан как второстепенную державу, взаимодействующую с более сильными акторами в условиях асимметричных отношений. По их мнению, многовекторность позволяет более слабому государству смягчать проблемы зависимости, возникающие в рамках таких отношений. Таким образом, многовекторная политика не устраняет объективную асимметрию потенциалов, но позволяет Казахстану снижать её влияние на степень внешнеполитической автономии. [46]

Таким образом, сопоставление полученных результатов с выводами других исследователей показывает, что выявленные ограничения многовекторной внешней политики Казахстана в целом находят подтверждение в академической литературе. Вместе с тем в существующих исследованиях данные ограничения рассматриваются преимущественно как отдельные факторы, влияющие на возможности реализации внешней политики Казахстана. В настоящем исследовании предлагается их разделение по принципу способности политического руководства страны влиять на них. Это разграничение позволяет отделить объективные ограничения многовекторности от тех ограничений, влияние которых может быть снижено посредством развития внешнеполитических инструментов и диверсификации направлений их

реализации. Такой подход позволяет более точно определить пределы внешнеполитического манёвра Казахстана и одновременно выявить возможности для их расширения. При этом наличие объективных ограничений не означает невозможности проведения многовекторной политики, а определяет условия, в рамках которых она может реализовываться.

Проведённый анализ ограничений казахстанской многовекторности показывает, что у внешней политики Астаны есть чёткие пределы. Они ограничивают пространство внешнеполитического манёвра и способность государства самостоятельно определять формы и глубину взаимодействия с внешними акторами. Ограничения многовекторности Казахстана имеют различную природу. К объективным относятся неравенство потенциалов Казахстана и ведущих мировых держав, внутриконтинентальное географическое положение и зависимость экономики страны от внешних связей. Казахстан способен адаптироваться к данным условиям, однако не может устранить их средствами внешней политики. Эти факторы формируют внешние пределы многовекторного манёвра.

Вместе с тем часть ограничений Казахстан может преодолеть. К преодалимым ограничениям внешней политики Астаны следует отнести недостаточную диверсификацию отдельных направлений внешней политики и неравномерность развития инструментов её реализации. Их влияние может снижаться посредством развития альтернативных транспортных маршрутов, расширения внешнеполитических механизмов и более эффективного использования имеющихся у Казахстана инструментов. Таким образом, устойчивость многовекторной внешней политики определяется не отсутствием ограничений, а способностью Казахстана действовать в их пределах и последовательно расширять доступное пространство для внешнеполитического манёвра. Разграничение объективных и преодолимых ограничений позволяет определить не только пределы многовекторности, но и направления её дальнейшего развития.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В ходе проведённого исследования была достигнута цель, которая заключалась в определении специфики многовекторного внешнеполитического курса Республики Казахстан, реализуемого в период президентства Касым-Жомарта Токаева. Достижение этой цели стало возможным благодаря последовательному решению поставленных исследовательских задач.

Первая задача состояла в определении теоретических подходов к анализу многовекторной внешней политики Республики Казахстан. Для её решения были рассмотрены основные теоретические подходы, позволяющие раскрыть модель многовекторного внешнеполитического поведения. Установлено, что многовекторность не получила самостоятельного теоретического оформления в рамках теории международных отношений. Отдельные её элементы находят отражение в реалистской и либеральной традициях. Реалистский подход позволяет рассматривать многовекторность через категории баланса сил, стратегической автономии и хеджирования. Либеральный подход раскрывает значение международного сотрудничества, взаимозависимости и международных институтов. Вместе с тем ни один из рассмотренных подходов не раскрывает многовекторность в полном объёме. Это позволяет рассматривать её как самостоятельную модель внешнеполитического поведения, сочетающую различные способы взаимодействия государства с внешними акторами.

Решение второй задачи исследования было направлено на определение векторов фактической реализации многовекторного курса внешней политики Республики Казахстан. Проведённый анализ показал, что в период 2019–2025 годов внешнеполитическая деятельность государства концентрируется на трёх стратегических векторах внешней политики: российском, китайскоми тюркскском. Эти три направления обладают устойчивым практическим содержанием. Каждый из указанных векторов представляет собой не только направление внешнеполитического взаимодействия, но и самостоятельную функциональную платформу, включающую политические, экономические и институциональные компоненты. Эти направления не существуют автономно, а

включены в единую систему балансирования интересов и взаимных обязательств. Вывод по второй задаче состоит в том, что фактическая реализация многовекторности в период президентства Касым-Жомарта Токаева опирается на ограниченный круг стратегически значимых векторов, которые обеспечивают устойчивость и управляемость внешнеполитического курса Республики Казахстан.

Решение четвёртой задачи позволило оценить модель современной многовекторной политики Республики Казахстан. В рамках анализа выявлены ключевые параметры внешнеполитической стратегии, включая её адаптивность, открытость и рациональность. Особое внимание было уделено формированию новой внешнеполитической самоидентификации Казахстана как «средней державы», что отражает качественное изменение роли государства в региональной и глобальной системе международных отношений. Установлено, что участие Казахстана в интеграционных форматах используется как инструмент укрепления международной субъектности и снижения внешнеполитических рисков. Вывод по третьей задаче заключается в том, что современная внешняя политика Казахстана представляет собой концептуально целостную стратегию, адекватную условиям высокой международной неопределённости.

Решение поставленных в диссертационном исследовании задач обеспечено применением выстроенной исследовательской рамкой, включающей теоретическую основу и два уровня политологического анализа. Обращение к концептуальным положениям, сформулированным Моравчиком Э. в рамках либеральной теории международных отношений, позволило рассматривать внешнюю политику Республики Казахстан как процесс реализации государственных предпочтений в условиях взаимозависимости и взаимодействия с другими участниками международных отношений. Использование данного подхода было ограничено международным уровнем реализации государственных предпочтений. Это позволило сосредоточить внимание на взаимодействии Казахстана с государствами, международными

институтами и интеграционными объединениями, не включая в предмет исследования внутриполитические механизмы формирования внешнеполитических предпочтений.

Инструментализация теоретической рамки осуществлялась посредством исторического метода в сочетании с методом кейс-стади. Использование данного методологического инструментария позволило реконструировать эволюцию внешнеполитического курса Казахстана, установить характер изменений многовекторной модели и определить особенности её практической реализации на отдельных внешнеполитических направлениях. Последовательное применение выбранных методов создало основу для перехода от теоретического осмысления многовекторности к определению её фактических направлений и последующей оценке современной модели многовекторной внешней политики Казахстана.

Сочетание исторического метода с методом кейс-стади обеспечило решение второй исследовательской задачи, связанной с выявлением векторов фактической реализации многовекторности. Такой методологический синтез позволил перейти от анализа декларативных установок к исследованию реально функционирующих направлений внешней политики и раскрыть их практическое содержание. Анализ конкретных внешнеполитических кейсов создал эмпирическую основу для сопоставления характера взаимодействия Казахстана с ключевыми партнёрами и для выявления устойчивых стратегических векторов.

Таким образом, успешно применённый методологический инструментарий обеспечил достижение поставленной исследовательской цели и подтвердил обоснованность выбранного аналитического подхода. Главным итогом проделанной исследовательской работы можно считать вывод о том, что в период с 2019 – 2025 год состоялась уникальная модель многовекторной политики. Модель, позволяющая сохранять устойчивость в условиях трансформации системы международных отношений. Содержательное наполнение казахстанской многовекторности претерпевает качественные изменения, отражающие новые условия функционирования международных

отношений и изменившуюся роль Казахстана в региональной и глобальной архитектуре. В ходе исследования установлено, что внешнеполитический курс Республики Казахстан в период 2019–2025 гг. характеризуется сочетанием преемственности и адаптации. Базовые установки, сформированные в предшествующий исторический период, сохраняют своё значение, включая ориентацию на баланс интересов ключевых внешних акторов, отказ от жёсткой внешнеполитической привязки и стремление к поддержанию устойчивых отношений с различными центрами силы. Одновременно происходит перераспределение внешнеполитических приоритетов, усиление прагматического подхода и рост значения геоэкономических факторов, что отражает реакцию государства на фрагментацию мировой системы и расширение инструментов невоенного давления.

Особое значение в рамках диссертационного исследования приобретает вывод о том, что фактическая реализация многовекторного курса Республики Казахстан в период президентства Касым-Жомарта Токаева опирается на ограниченное число стратегически значимых векторов, обладающих устойчивым практическим содержанием. К их числу относятся российский, китайский и тюркский векторы, каждый из которых функционирует как самостоятельная внешнеполитическая платформа с собственным набором политических, экономических и институциональных механизмов. Указанные векторы не образуют изолированные направления, а формируют единую конструкцию балансирования интересов, обеспечивающую устойчивость внешнеполитического курса Казахстана в условиях усиления международной конкуренции.

В диссертации обоснован вывод о формировании в период президентства Касым-Жомарта Токаева новой внешнеполитической самоидентификации Республики Казахстан как «средней державы». Данная самоидентификация отражает качественное изменение роли государства в международных отношениях и выражается в расширении дипломатической активности, усилении инициативности в региональных и международных форматах, а также

в стремлении Казахстана к выполнению стабилизирующих и посреднических функций. Статус «средней державы» встраивается в логику многовекторной политики и усиливает её функциональное содержание, обеспечивая дополнительный ресурс международной субъектности.

Важным результатом исследования является вывод о том, что участие Республики Казахстан в различных интеграционных форматах выступает не вспомогательным элементом, а системной составляющей современной внешней политики. Евразийский экономический союз, Организация тюркских государств, инициатива «Пояс и путь», Шанхайская организация сотрудничества и Организация Договора о коллективной безопасности используются в качестве инструментов институционального балансирования, снижения внешнеполитических рисков и укрепления международных позиций государства. Интеграционные форматы встраиваются в общую стратегическую логику многовекторности и обеспечивают дополнительную гибкость внешнеполитического курса.

В целом диссертационное исследование показывает, что геополитическая стратегия современного Казахстана в период президентства Касым-Жомарта Токаева характеризуется адаптивностью, рациональностью и открытостью. Многовекторность в данный период реализуется не в форме формального равновесия между внешними партнёрами, а в виде гибкой комбинации политических, экономических и дипломатических инструментов, соотносимых с особенностями каждого внешнеполитического направления. Такая модель обеспечивает сохранение устойчивости внешнеполитического курса Республики Казахстан и создаёт условия для его дальнейшей эволюции в условиях продолжающейся трансформации международной системы.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Иванов, И. П. Выбор многовекторности во внешней политике Казахстана [Текст] / И. П. Иванов, С. Ю. Петренко // Мировая экономика и международные отношения. – 2025. – Т. 69, № 3. – С. 74–85. – DOI 10.20542/0131-2227-2025-69-3-74-85.
2. Luttwak, E. N. From Geopolitics to Geo-Economics: Logic of Conflict, Grammar of Commerce [Текст] / E. N. Luttwak // The National Interest. – 1990. – No. 20. – P. 17–23.
3. Moravcsik, A. Taking Preferences Seriously: A Liberal Theory of International Politics [Текст] / A. Moravcsik // International Organization. – 1997. – Vol. 51, No. 4. – P. 513–553. – DOI 10.1162/002081897550447.
4. Юнеман, Р. А. Эволюция политики Республики Казахстан по отношению к России в 2008–2022 годах [Текст] : дис. ... канд. полит. наук / Р. А. Юнеман. – Москва, 2026.
5. Мирзаев, А. З. Казахстан Республикасынын тышкы саясатынын стратегиялык диверсификациясынын контекстиндеги европалык багыт [Текст] / А. З. Мирзаев // Жусуп Баласагын атындагы Кыргыз улуттук университетинин жарчысы. Жалпы гуманитардык жана табигый-техникалык илимдери. – 2025. – № 3. – С. 480–486. – DOI 10.58649/1694-5344-2025-3-480-486.
6. Иброхимзода, У. Х. Саммит «Центральная Азия – Китай»: региональные аспекты и геополитические последствия [Текст] / У. Х. Иброхимзода, М. О. Дмитриева, Ш. Ш. Ризоён // Известия Восточного института. – 2023. – № 4. – С. 131–139. – DOI 10.24866/2542-1611/2023-4/131-139.
7. Максудов, А. Казахстан – значимый политический и экономический партнёр в Евразии, – узбекский политолог [Электронный ресурс] / А. Максудов // Cronos Central Asia. – 2025. – 24 декабря. – Режим доступа: https://cronos.asia/centralnaya-aziya/uzbekistan/kazahstan-partner-evraziya (дата обращения: 03.01.2026).
8. Султанов, Б. Внешняя политика Казахстана в меняющемся мире [Текст] : сборник статей, выступлений, интервью (2015–2022 гг.) / Б. Султанов. – Алматы : Экспертный клуб «Один пояс и один путь», 2022. – 424 с.
9. Kassen, M. Understanding Foreign Policy Strategies of Kazakhstan: A Case Study of the Landlocked and Transcontinental Country [Текст] / M. Kassen // Cambridge Review of International Affairs. – 2018. – Vol. 31, No. 3–4. – P. 314–343.
10. Курмангужин, Р. История независимого Казахстана: внешняя политика [Текст] / Р. Курмангужин. – Алматы : ИД «Жибек жолы», 2022. – 304 с., 16 с. ил.
11. Чеботарёв, А. Е. Казахстанское измерение евразийской интеграции: основные этапы и тенденции [Текст] / А. Е. Чеботарёв // Постсоветский материк. – 2014. – № 3 (3). – С. 68–82.
12. Лаумулин, М. Т. Западный вектор внешней политики Казахстана [Текст] / М. Т. Лаумулин // Большая игра: политика, бизнес, безопасность в Центральной Азии. – 2012. – № 4. – С. 30–47.
13. Назарбаев, Н. А. Стратегия становления и развития Казахстана как суверенного государства [Текст] / Н. А. Назарбаев. – Алма-Ата : РГЖИ «Дәуір», 1992. – 56 с.
14. Токаев, К. К. Под стягом независимости: очерки о внешней политике Казахстана [Текст] / К. К. Токаев. – Алматы : Білім, 1997. – 736 с.
15. Nyshanbayev, N. Features of the New Concept of Kazakhstan's Foreign Policy: Theoretical Analysis [Текст] / N. Nyshanbayev // Bulletin of Abai Kazakh National

Pedagogical University. Series: Sociological and Political Sciences. – 2020. – No. 4 (72). – P. 164–168. – DOI 10.51889/2020-4.1728-8940.23.
16. Курмангужин, Р. Дипломатия Республики Казахстан: эволюция внешнеполитических концепций [Текст] / Р. Курмангужин, А. Чеботарёв // Мировая экономика и международные отношения. – 2023. – Т. 67, № 7. – С. 74–84. – DOI 10.20542/0131-2227-2023-67-7-74-84.
17. Gubaidullina, M. S. Russia's "Soft Power" Policy towards Kazakhstan in the Research Field on Central Asia [Текст] / M. S. Gubaidullina, A. Paizova // Bulletin of the L. N. Gumilyov Eurasian National University. Political Science. Regional Studies. Oriental Studies. Turkology Series. – 2025. – Vol. 150, No. 1. – P. 145–159. – DOI 10.32523/2616-6887-2025-150-1-145-159.
18. Bauyrzhankyzy, A. Linking National Role Conceptions to Foreign Policy Behavior: A Comparative Study of Kazakhstan and Uzbekistan [Текст] / A. Bauyrzhankyzy // Journal of Central Asian Studies. – 2025. – Vol. 23, No. 4. – P. 74–117. – DOI 10.52536/3006-807X.2025-4.004.
19. Дипломатия Президента Токаева [Текст] : монография / Е. В. Тукумов, Б. А. Ауелбаев, Е. Т. Сейлеханов [и др.]. – Астана: Казахстанский институт стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан, 2025. – 398 с.
20. Morgenthau, H. J. Politics in the Twentieth Century [Текст]. Vol. 3: The Restoration of American Politics / H. J. Morgenthau. – Chicago: University of Chicago Press, 1962. – 390 p.
21. Walt, S. M. The Origins of Alliances [Текст] / S. M. Walt. – Ithaca ; London : Cornell University Press, 1987. – 336 p.
22. Keohane, R. O. After Hegemony: Cooperation and Discord in the World Political Economy [Текст] / R. O. Keohane. – Princeton : Princeton University Press, 2005.
23. Махмудов, Р. Б. Внешняя политика современного Узбекистана [Текст] / Р. Б. Махмудов // Россия и новые государства Евразии. – 2021. – № 1 (50). – С. 121–134. – DOI 10.20542/2073-4786-2021-1-121-134.
24. Юлдашева, Г. Внешняя политика Нового Узбекистана и его особенности [Текст] / Г. Юлдашева // Oriental Renaissance: Innovative, Educational, Natural and Social Sciences. – 2023. – Т. 3, № 2. – С. 271–279.
25. Султанова, А. Р. Многовекторная внешняя политика Узбекистана при Ш. Мирзиёеве [Электронный ресурс] / А. Р. Султанова // Международный научно-исследовательский журнал. – 2025. – № 12 (162). – Режим доступа: https://research-journal.org/archive/12-162-2025-december/10.60797/IRJ.2025.162.136 (дата обращения: 02.06.2026). – DOI 10.60797/IRJ.2025.162.136.
26. Ризоён, Ш. Многовекторная политика Таджикистана: потенциальные вызовы и возможности для расширения [Текст] / Ш. Ризоён // Многовекторность Центральной Азии: взгляд изнутри : материалы Международной научно-практической конференции / под ред. Г. М. Дуйсена. – Алматы : Институт востоковедения им. Р. Б. Сулейменова КН МОН РК, 2020. – С. 79–92.
27. Gusseinov, E. Changes in the Spheres of Influence in Kazakhstan after the Outbreak of the Ukraine War in 2022 [Текст] / E. Gusseinov ; ed. by Yaşar Sarı. – Istanbul : Ibn Haldun University Press, 2025. – 40 p. – (IHU Press ; No. 115. HACE Report ; No. 4).

28. Большаков, А. Г. Многовекторность внешней политики Киргизии в контексте изменения конфликтности на постсоветском пространстве [Текст] / А. Г. Большаков // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. – 2010. – Т. 6, № 2. – С. 99–115.
29. Малышева, Д. Б. Международные ориентиры Туркменистана [Текст] / Д. Б. Малышева // Свободная мысль. – 2024. – № 5 (1707). – С. 135–146.
30. Mirzaev, A. Stages of Development of the European Vector Foreign Policy of the Kyrgyz Republic [Текст] / A. Mirzaev // Наука, новые технологии и инновации Кыргызстана. – 2025. – No. 6. – P. 246–251. – DOI 10.26104/NNTIK.2025.36.34.052.
31. Isaev, A. Foreign Policy of Central Asian Countries and Issues of International Security [Текст] / A. Isaev, A. Ashiraliev, D. Maldybaev // Clío. Revista de Historia, Ciencias Humanas y Pensamiento Crítico. – 2025. – No. 10. – P. 1963–1998. – DOI 10.5281/zenodo.15598277.
32. Ионова, Е. П. Многовекторность внешней политики Ашхабада [Текст] / Е. П. Ионова // Россия и новые государства Евразии. – 2009. – № 2 (3). – С. 96–105.
33. Chukubayev, E. Multivectorality of the Central Asian States in the New Geopolitical Reality [Текст] / E. Chukubayev, A. Savchuk // Vestnik KazNU. Series of International Relations and International Law. – 2017. – Vol. 80, No. 4. – P. 28–36.
34. Совместное заявление Республики Беларусь, Республики Казахстан, Кыргызской Республики и Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Астана, 29 мая 2026 г. // Президент России. – Режим доступа: http://kremlin.ru/supplement/6497 (дата обращения: 02.06.2026).
35. Иванов, И. П. Интеграционные форматы в современной внешней политике Казахстана [Текст] / И. П. Иванов // Вестник Кыргызского национального университета имени Жусупа Баласагына. Общегуманитарные и естественно-технические науки. – 2026. – № 1. – С. 397–404. – DOI 10.58649/1694-9099-2026-1-397-404.
36. Токаев, К. К. Ренессанс Центральной Азии: на пути к устойчивому развитию и процветанию [Электронный ресурс] / К. К. Токаев // Официальный сайт Президента Республики Казахстан «Акорда». – 2024. – 8 августа. – Режим доступа: https://www.akorda.kz/ru/renessans-centralnoy-azii-na-puti-k-ustoychivomu-razvitiyu-i-procvetaniyu-1272135 (дата обращения: 03.06.2026).
37. Мирзиёев, Ш. М. Центральная Азия на пороге новой эпохи [Электронный ресурс] / Ш. М. Мирзиёев // Исполнительный комитет СНГ. – 2025. – 13 ноября. – Режим доступа: https://eccis.org/news/31121/statja_prezidenta_respubliki_uzbekistan_sh.mirzijoeva_%C2%ABcentralnaja_azija_na_poroge_novoj_epohi%C2%BB (дата обращения: 03.06.2026).
38. Притчин, С. Центральноазиатская интеграция: ограничители и перспективы [Текст] / С. Притчин // Мировая экономика и международные отношения. – 2025. – Т. 69, № 3. – С. 63–73. – DOI 10.20542/0131-2227-2025-69-3-63-73.
39. Князев, А. Интеграционные процессы в Центральной Азии: без России? [Текст] / А. Князев // Мировая экономика и международные отношения. – 2026. – Т. 70, № 4. – С. 99–109. – DOI 10.20542/0131-2227-2026-70-4-99-109.
40. Сюй, Цзюнь. Формат сотрудничества С5+1: основные участники, цели и механизмы взаимодействия [Текст] / Цзюнь Сюй // Вестник Томского

государственного университета. История. – 2024. – № 89. – С. 123–132. – DOI 10.17223/19988613/89/15.
41. Токаев, Т. К. Стратегия Республики Казахстан в отношении Запада: национальные интересы, приоритеты, направления [Текст] : автореф. дис. ... канд. полит. наук / Т. К. Токаев. – Москва, 2009. – 25 с.
42. О Концепции внешней политики Республики Казахстан на 2014–2020 годы [Электронный ресурс] : Указ Президента Республики Казахстан от 21 января 2014 года № 741 // Официальный сайт Президента Республики Казахстан. – Режим доступа: https://www.akorda.kz/ru/legal_acts/decrees/o-koncepcii-vneshnei-politiki-respubliki-kazahstan-na-2014-2020-gody (дата обращения: 05.06.2026).
43. О Концепции внешней политики Республики Казахстан на 2020–2030 годы [Электронный ресурс] : Указ Президента Республики Казахстан от 6 марта 2020 года № 280 // Официальный сайт Президента Республики Казахстан. – Режим доступа: https://www.akorda.kz/ru/legal_acts/decrees/o-koncepcii-vneshnei-politiki-respubliki-kazahstan-na-2020-2030-gody (дата обращения: 05.06.2026).
44. Neafie, J. The Rising Multiplex World Order and Regional Order in Central Asia: A Case Study of the Emerging Role of the EU and Its Implications for Kazakhstan's Multivector Foreign Policy [Текст] / J. Neafie, M. Amanbaiuly, A. Akhmer // Economic Diplomacy. – 2025. – Vol. 3, No. 1. – P. 41–51. – DOI 10.2478/ecdip-2025-0003.
45. Hanks, R. R. Multi-Vector Politics' and Kazakhstan's Emerging Role as a Geo-Strategic Player in Central Asia [Текст] / R. R. Hanks // Journal of Balkan and Near Eastern Studies. – 2009. – Vol. 11, No. 3. – P. 257–267. – DOI 10.1080/19448950903152110.
46. Vanderhill, R. Between the Bear and the Dragon: Multivectorism in Kazakhstan as a Model Strategy for Secondary Powers [Текст] / R. Vanderhill, S. F. Joireman, R. Tulepbayeva // International Affairs. – 2020. – Vol. 96, No. 4. – P. 975–993.
47. Ivanov, I. Geopolitics of Kazakhstan: Theory and Practice [Текст] / I. Ivanov, V. Volovoj // The Russian Academic Journal. – 2014. – Vol. 29, No. 3. – P. 26–31. – DOI 10.15535/276.
48. Султанов, Б. Многовекторность и евразийство – фундамент внешней политики суверенного Казахстана [Текст] / Б. Султанов // Analytic. – 2009. – № 4. – С. 3–12.
49. Медеубаева, Ж. М. История формирования внешнеполитической доктрины Республики Казахстан (1991–2010 годы) [Текст]: монография / Ж. М. Медеубаева. – Астана, 2012. – 288 с.
50. Прочные основы долговременного и динамичного сотрудничества [Электронный ресурс] // Казахстанская правда. – 2021. – 15 сентября. – Режим доступа: https://kazpravda.kz/n/prochnye-osnovy-dolgovremennogo-i-dinamichnogo-sotrudnichestva/ (дата обращения: 03.08.2026).
51. Александров, С. Н. Конгресс США и американское содействие экономическому развитию Казахстана в 1990-е гг. [Текст] / С. Н. Александров // История и современное мировоззрение. – 2021. – Т. 3, № 4. – С. 23–34. – DOI 10.33693/2658-4654-2021-3-4-23-34.
52. Губайдуллина, М. Ш. Становление и развитие концепции внешней политики РК, особенности принятия решений: РК – Россия – СНГ [Текст] / М. Ш. Губайдуллина, Е. Б. Конуспаев // Вестник Казахского национального

университета имени аль-Фараби. Серия «Международные отношения и международное право». – 2021. – Т. 96, № 4. – С. 4–7.
53. Курмангужин, Р. Концепция внешней политики Казахстана: 30 лет [Электронный ресурс] / Р. Курмангужин // Cronos.Asia. – 2025. – 6 октября. – Режим доступа: https://cronos.asia/politika/koncepciya-vneshney-politiki-kazahstana-30-let/ (дата обращения: 04.08.2026).
54. Губайдуллина, М. Ш. 20 лет в международном сообществе: многовекторный курс Казахстана [Текст] / М. Ш. Губайдуллина // Вестник Казахского национального университета имени аль-Фараби. Серия «Международные отношения и международное право». – 2011. – № 56. – С. 3–9.
55. Казахстан–2030. Процветание, безопасность и улучшение благосостояния всех казахстанцев [Электронный ресурс] : Послание Президента Республики Казахстан народу Казахстана от 10 октября 1997 года // Әділет : информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан. – Режим доступа: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K970002030_ (дата обращения: 04.08.2026).
56. Куппаева, Б. Т. Роль института политического лидерства в формировании внешнеполитической стратегии Республики Казахстан [Текст] / Б. Т. Куппаева // Актуальные вопросы науки и практики XXI в. : материалы II Международной научно-практической конференции (27 февраля – 4 марта 2016 г.). – Нижневартовск : Издательский центр «Наука и практика», 2016. – С. 40–52.
57. Курмангужин, Р. С. Внешняя политика Республики Казахстан: вчера и сегодня [Текст] / Р. С. Курмангужин // Россия и новые государства Евразии. – 2024. – № 3 (64). – С. 153–167. – DOI 10.20542/2073-4786-2024-3-153-167.
58. Kazakhstan’s Foreign Policy in the Context of Geopolitical Turbulence [Текст] / A. Yesdauletova, S. Nurdavletova, A. Dalelkhan [et al.] // India Quarterly. – 2024. – Vol. 80, No. 1. – P. 149–163. – DOI 10.1177/09749284231225683.
59. Mamedov, A. V. Kazakhstan’s Foreign Policy: Adjusting the Priorities [Текст] / A. V. Mamedov // RUDN Journal of Political Science. – 2024. – Vol. 26, No. 1. – P. 121–130. – DOI 10.22363/2313-1438-2024-26-1-121-130.
60. Avatkov, V. A. Kazakhstan as the Center of Interests Clash Among Global Players in the Post-Soviet Space: Russia, China, the United States, and Turkey [Текст] / V. A. Avatkov, A. R. Ermanalieva // Postsovetskie issledovaniya = Post-Soviet Studies. – 2024. – Vol. 7, No. 1. – P. 9–19.
61. The Republic of Kazakhstan’s Multi-Vector Foreign Policy: Re-Evaluation under President Tokayev [Текст] / N. Nyshanbayev, B. Tarman, Z. Tolenb [et al.] // Kasetsart Journal of Social Sciences. – 2024. – Vol. 45, No. 3. – P. 915–924. – DOI 10.34044/j.kjss.2024.45.3.21.
62. Котик, А. В. Эволюция казахстанского варианта многовекторной внешней политики в 2014–2024 гг. в официальных источниках Республики Казахстан [Текст] / А. В. Котик // Миры прошлого и настоящего на переломе эпох: исследовательские подходы и практики : сб. материалов XIX Всерос. (с междунар. участием) науч. конф. студентов, магистрантов, аспирантов и молодых ученых (Томск, 15–18 апр. 2024 г.). – Томск : Изд-во Томского гос. ун-та, 2024. – Вып. 19. – С. 74–76.
63. Гарбузарова, Е. Г. Особенности политических процессов в странах Центральной Азии на современном этапе [Текст] / Е. Г. Гарбузарова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. – 2024. – Т. 26, № 3. – С. 477–490. – DOI 10.22363/2313-1438-2024-26-3-477-490.

64. Mayer, S. Between Strategic and Material Interests: Kazakhstan as a Stability Provider in Afghanistan [Текст] / S. Mayer // Kazakhstan Journal of Foreign Studies. – 2022. – № 1–2 (3–4). – P. 20–31.
65. Тагиева, М. И. Развитие отношений между Азербайджанской Республикой и Республикой Казахстан [Текст] / М. И. Тагиева, Р. А. Гусейнов // Наука и реальность. – 2025. – № 1 (21). – С. 183–190.
66. Манатов, А. Ш. Тюркская интеграция в культурном аспекте: роль Казахстана и Турции [Текст] / А. Ш. Манатов // Proceedings of the 9th International Scientific Conference «Interdisciplinary Science Studies» (May 8–9, 2025). – Dublin, Ireland : Letterkenny Institute of Technology, 2025. – P. 326-338.
67. Guseinov, E. Kazakhstan in 2024: Asserting Status of Middle Power and Expanding Foreign Policy Horizons [Электронный ресурс] / E. Guseinov // The Astana Times. – 2024. – 18 Dec. – Режим доступа: https://astanatimes.com/2024/12/kazakhstan-in-2024-asserting-status-of-middle-power-and-expanding-foreign-policy-horizons (дата обращения: 15.09.2025).
68. Иванов, И. П. Социально-политическая модернизация Казахстана [Текст] / И. П. Иванов, С. Ю. Петренко // Россия и новые государства Евразии. – 2020. – № 1 (46). – С. 98–110. – DOI 10.20542/2073-4786-2020-1-98-110.
69. Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан : официальный сайт [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://stat.gov.kz/ru (дата обращения: 23.09.2023).
70. О Казахстане [Электронный ресурс] // Официальный сайт Правительства Республики Казахстан. – Режим доступа: https://www.gov.kz (дата обращения: 23.09.2023).
71. Mayer, S. Kooperation im Politikfeld Sicherheit [Текст] / S. Mayer // Die politischen Systeme Zentralasiens. Interner Wandel, externe Akteure, regionale Kooperation / J. Lempp, S. Mayer, A. Brand. – Wiesbaden : Springer Fachmedien, 2020. – S. 297–311.
72. Назарбаев, Н. А. Послание Главы государства народу Казахстана: Нұрлы Жол – путь в будущее [Электронный ресурс] / Н. А. Назарбаев // Официальный сайт Президента Республики Казахстан. – Режим доступа: https://www.akorda.kz/ru/events/astana_kazakhstan/astana_other_events/poslanie-glavy-gosudarstva-narodu-kazahstana-1 (дата обращения: 29.09.2023).
73. О взаимной торговле товарами Республики Казахстан со странами ЕАЭС за январь–декабрь 2024 года [Электронный ресурс] // Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан. – Режим доступа: https://stat.gov.kz/ru/industries/economy/foreign-market/publications/280982/ (дата обращения: 19.06.2026).
74. Казахстан – лидер по инвестициям в 2025 году в проекте «Один пояс – один путь» [Электронный ресурс] // Forbes Kazakhstan. – 2025. – 17 июня. – Режим доступа: https://forbes.kz/articles/kazahstan-lider-po-investitsiyam-v-2025-godu-v-proekte-odin-poyas-odin-put (дата обращения: 19.06.2026).
75. Лапкин, В. В. Кризис украинской государственности: политико-правовой, ценностный и геоэкономический аспекты [Текст] / В. В. Лапкин, В. И. Пантин // Полис. Политические исследования. – 2014. – № 5. – С. 68–89.
76. Откровенный ответ. Токаев объяснил, почему Казахстан не признает ДНР и ЛНР [Электронный ресурс] // Газета.Ru. – 2022. – 17 июня. – Режим доступа:

https://www.gazeta.ru/politics/2022/06/17/15004898.shtml (дата обращения: 19.06.2026).
77. Абаев объяснил грядущее празднование 750-летия Золотой Орды [Электронный ресурс] // Tengrinews.kz. – 2019. – 26 сентября. – Режим доступа: https://tengrinews.kz/kazakhstan_news/abaev-obieiasnil-griadushhee-prazdnovanie-750-letiia-zolotoi-378412/ (дата обращения: 22.06.2026).
78. Schmitz, A. Das eine tun, ohne das andere zu lassen: Autonomie und Gestaltungsanspruch kasachischer Außenpolitik [Текст] / A. Schmitz // Mittlere Mächte – einflussreiche Akteure in der internationalen Politik / Hrsg. B. Lippert, S. Mair. – Berlin : Stiftung Wissenschaft und Politik (SWP), 2024. – S. 29–32.
79. Tokayev, K.-J. Middle Powers Have the Power to Save Multilateralism [Электронный ресурс] / K.-J. Tokayev // Euronews. – 2024. – 28 May. – Режим доступа: https://www.euronews.com/2024/05/28/middle-powers-have-the-power-to-save-multilateralism (дата обращения: 22.06.2026).
80. Тукумов, Е. Центральная Азия и Китай: точки роста сотрудничества [Текст] / Е. Тукумов // Казахстан-Спектр. – 2023. – № 4 (108). – С. 7–16. – DOI 10.52536/2415-8216.2023-4.01.
81. Tokayev, K. K. Kazakhstan and the European Union: Building the Next Chapter of a Strategic Partnership [Электронный ресурс] / K. K. Tokayev // Euronews. – 2026. – 22 June. – Режим доступа: https://www.euronews.com/my-europe/2026/06/22/kazakhstan-and-the-european-union-building-the-next-chapter-of-a-strategic-partnership (дата обращения: 26.06.2026).
82. Товарооборот Казахстана со странами ЕС достиг $48,8 млрд [Электронный ресурс] // Kapital.kz. – Режим доступа: https://kapital.kz/economic/137801/tovarooborot-kazahstana-so-stranami-es-dostig-dollar488-mlrd.html (дата обращения: 18.07.2025).
83. Тонконог, О. Казахстан стал связующим звеном между Европой и Азией в цепочках поставок [Электронный ресурс] / О. Тонконог // Kursiv.Media. – Режим доступа: https://kz.kursiv.media/2025-02-17/lgtn-trade-kazakhstan-europe-asia/ (дата обращения: 18.07.2025).
84. Бжезинский, З. Великая шахматная доска: господство Америки и его геостратегические императивы [Текст] / З. Бжезинский ; пер. с англ. О. Ю. Уральская. – М. : АСТ, 2019. – 256 с.
85. Tripathi, A. Multivectorism as a Foreign Policy Strategy for Kazakhstan: A Case of Russia, US, China and India [Текст] / A. Tripathi, L. Karlekar // Journal of Contemporary Politics. – 2024. – Vol. 3, No. 3 (July–Sept). – P. 82–92. – DOI 10.53989/jcp.v3i3.60.
86. Gaur, P. India’s Role in Kazakhstan’s Multi-Vector Foreign Policy [Текст] / P. Gaur, A. Tripathi, S. S. Ray // Central Asia and the Caucasus. – 2021. – Vol. 22, No. 2. – P. 43–49. – DOI 10.37178/ca-c.21.2.03.
87. Kayal, T. India-Kazakhstan Relations: Geopolitical Dynamics, Strategic Material Interests, and Soft Power in the New Great Game [Текст] / T. Kayal // International Journal for Multidisciplinary Research. – 2026. – Vol. 8, No. 2. – P. 1–8.
88. Muratbekova, A. M. India's Foreign Policy in Kazakhstan: Analysis of Cooperation Potential [Текст] / A. M. Muratbekova, A. A. Khitakhunov // International Relations & International Law Journal. – 2024. – Vol. 105, No. 1. – P. 69–78. – DOI 10.26577/IRILJ.2024.v105.i1.07.

89. Шегирбаев, О. Казахстан в рамках ОТГ и ЕАЭС: сравнительный анализ [Текст] / О. Шегирбаев // Россия и новые государства Евразии. – 2024. – № IV (LXV). – С. 152–165. – DOI 10.20542/2073-4786-2024-4-152-165.
90. Свистунова, И. Турецко-казахстанские отношения на современном этапе [Текст] / И. Свистунова // Россия и новые государства Евразии. – 2023. – № III (LX). – С. 45–54. – DOI 10.20542/2073-4786-2023-3-45-54.
91. Екибасова, Ж. М. Стратегии регионального влияния Турции в Центральной Азии в условиях геополитической конкуренции [Текст] / Ж. М. Екибасова, А. А. Ермекбаев, А. А. Райымбекова // Известия КазУМОиМЯ имени Абылай хана. Серия «Международные отношения и регионоведение». – 2026. – № 1 (63). – С. 349–381.
92. Касым-Жомарт Токаев и Реджеп Тайип Эрдоган договорились вывести взаимоотношения между Казахстаном и Турцией на уровень расширенного стратегического партнерства [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президента Республики Казахстан. – 2022. – 10 мая. – Режим доступа: https://akorda.kz/ru/kasym-zhomart-tokaev-i-redzhep-tayip-erdogan-dogovorilis-vyvesti-vzaimootnosheniya-mezhdu-kazahstanom-i-turciey-na-uroven-rasshirennogo-strategicheskogo-partnerstva-1045142 (дата обращения: 14.07.2026).
93. Yıldırım Holding подписал контракт на строительство завода Qazaq Soda [Электронный ресурс] // АО «НК KAZAKH INVEST» : официальный сайт. – 2021. – 14 сентября. – Режим доступа: https://invest.gov.kz/ru/media-center/press-releases/y-ld-r-m-holding-podpisal-kontrakt-na-stroitelstvo-zavoda-qazaq-soda/ (дата обращения: 14.07.2026).
94. TAV Takes over Operations at Almaty Airport [Электронный ресурс] // TAV Airports: официальный сайт. – 2021. – 30 April. – Режим доступа: https://tavairports.com/tav-takes-over-operations-at-almaty-airport (дата обращения: 14.07.2026).
95. Kukeyeva, F. From Balancing to Active Hedging: The Transformation of Kazakhstan’s Multi-Vector Foreign Policy after 2022 [Текст] / F. Kukeyeva // YSU Journal of International Affairs. – 2025. – Vol. 1, No. 2. – P. 93–117. – DOI 10.46991/jia.2025.1.2.093.
96. Акматалиева, А. М. Геополитические и геоэкономические итоги первого десятилетия китайской Инициативы «Один пояс – Один путь» в Центральной Азии [Текст] / А. М. Акматалиева // Вестник Дипломатической академии Министерства иностранных дел Кыргызской Республики имени Казы Дикамбаева. – 2024. – № 20. – С. 18–26.
97. Совместное построение сообщества единой судьбы человечества: инициативы и действия Китая (Белая книга) [Текст] / Пресс-канцелярия Государственного совета Китайской Народной Республики // Глобальные инициативы Китая и строительство сообщества единой судьбы человечества / отв. ред. Б. К. Султанов; сост. К. М. Кильмакаева. – Алматы : Экспертный клуб «Один пояс и один путь», 2025. – С. 145–215.
98. About the Formation of Competitive Advantages of the EAEU Member States [Текст] / N. A. Arupova, V. L. Abramov, M. M. Abaydullayeva, A. A. Arupov // Bulletin of Turan University. – 2020. – No. 1 (85). – P. 224–230.
99. Adamkulova, Ch. Central Asian Integration Processes: Condition and Prospects [Текст] / Ch. Adamkulova, K. Tatek Benetti // Bulletin of the Diplomatic Academy of

the Ministry of Foreign Affairs of the Kyrgyz Republic Named after Kazy Dikambaev. – 2021. – No. 16. – P. 16–28.
100. Mayer, S. Cooperation from Outside: Security Regionalism in Central Asia and Its Limits [Текст] / S. Mayer // Central Asian Affairs. – 2021. – Vol. 8, No. 2. – P. 203–228.
101. Tanbaev, O. From Disintegration to Cooperation: Kazakhstan's Perspective in Central Asian Integration [Электронный ресурс] / O. Tanbaev // Modern Diplomacy. – 2023. – 14 September. – Режим доступа: https://moderndiplomacy.eu/2023/09/14/from-disintegration-to-cooperation-kazakhstans-perspective-in-central-asian-integration (дата обращения: 26.10.2025).
102. Tukumov, Y. Kazakhstan's Strategic Priorities in the Turkic World [Текст] / Y. Tukumov // Insight Turkey. – 2023. – Vol. 25, No. 4. – P. 27–39.
103. Samarkand Declaration of the Ninth Summit of the Organization of Turkic States [Текст]. – Samarkand, 11 November 2022. – 18 p.
104. Иванов, И. П. Многовекторная геополитика Казахстана в условиях глобальной гибридной войны [Текст] / И. П. Иванов, С. Ю. Петренко // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2026. – Т. 31, № 2. – С. 62–74. – DOI 10.15688/jvolsu4.2026.2.6.
105. Фаизова, Р. С. Казахстан между Востоком и Западом: к вопросу о председательстве Казахстана в ОБСЕ в 2010 году [Текст] / Р. С. Фаизова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. – 2011. – № 1. – С. 32–37.
106. Гаврилина, Е. А. Председательство Казахстана в Совете Безопасности ООН как итог глобальных инициатив [Текст] / Е. А. Гаврилина // Этносоциум и межнациональная культура. – 2017. – № 8 (110). – С. 141–147.
107. Жансугурова, Ж. А. Роль Астанинского процесса в урегулировании сирийского конфликта [Текст] / Ж. А. Жансугурова, А. А. Жумабекова // Власть и общество. – 2020. – № 4 (13). – С. 4–7. – DOI 10.32743/2658-4077.2020.4.13.275.
108. Курмашев, А. Публичная дипломатия как инструмент внешней политики Казахстана [Текст] / А. Курмашев, Д. Ахмедьянова // Казахстан-Спектр. – 2018. – № 4 (86). – С. 38–48.
109. Уразаева, А. Публичная дипломатия как эффективный инструмент современной внешней политики [Текст] / А. Уразаева, Ж. Баймуратова // Государственное управление и государственная служба. – 2018. – № 4 (67). – С. 4–10.
110. Алламуродов, Б. Х. Цифровая дипломатия как инструмент реализации внешней политики стран Центральной Азии (на примере Казахстана и Узбекистана) [Текст] / Б. Х. Алламуродов // Россия и мир: научный диалог. – 2023. – № 4 (10). – С. 22–35. – DOI 10.53658/RW2023-3-4(10)-22-35.
111. Hill, C. Foreign Policy in the Twenty-First Century [Текст] / C. Hill. – 2nd ed. – London : Palgrave Macmillan, 2016. – 379 p.
112. Шишкина, О. В. Инструменты внешней политики ЕС в странах «Восточного соседства»: от помощи развитию к помощи войне [Текст] / О. В. Шишкина // Вестник МГИМО-Университета. – 2024. – Т. 17, № 6. – С. 205–229. – DOI 10.24833/2071-8160-2024-6-99-205-229.
113. Cull, N. «Public Diplomacy» Before Gullion: The Evolution of a Phrase [Электронный ресурс] / N. Cull // USC Public Diplomacy. – 2006. – Режим доступа:

http://uscpublicdiplomacy.org/blog/public-diplomacy-gullion-evolution-phrase (дата обращения: 10.04.2018).
114. Kazakhstani Passport Rises to 57th Spot with Visa-Free Access to 78 Countries in Latest Rankings [Электронный ресурс] // Qazinform. – 2026. – 14 April. – Режим доступа: https://qazinform.com/news/kazakhstani-passport-rises-to-57th-spot-with-visa-free-access-to-78-countries-in-latest-rankings-f9a77f (дата обращения: 26.07.2026).
115. Kosdauletov, A. A. Peacekeeping as a Tool of Kazakhstan's Foreign Policy [Текст] / A. A. Kosdauletov, S. M. Nurdavletova // Society and Security Insights. – 2022. – Vol. 5, No. 1. – P. 24–33. – DOI 10.14258/ssi(2022)1-02.
116. Конституция Украины [Электронный ресурс] : принята 28 июня 1996 года // Официальный сайт Президента Украины. – Режим доступа: https://www.president.gov.ua/documents/constitution (дата обращения: 05.08.2025).
117. Шегирбаев, О. А. Эволюция внешней политики Казахстана: конструктивизм и геополитическое позиционирование [Текст] / О. А. Шегирбаев // Постсоветские исследования. – 2025. – Т. 8, № 4. – С. 413–424.
118. Горячева, С. М. Роль логистики в развитии экспорта Республики Беларусь: проблемы и направления решения [Текст] / С. М. Горячева // Вестник Витебского государственного технологического университета. – 2019. – № 2 (37). – С. 130–157. – DOI 10.24411/2079-7958-2019-13714.
119. Влияние новых геополитических условий на многовекторную внешнюю политику Казахстана [Текст] / Ф. Т. Кукеева, К. И. Байзакова, М. А. Усен, К. Усерова // Вестник Карагандинского университета. Серия «История. Философия». – 2023. – Т. 109, № 1. – С. 94–109. – DOI 10.31489/2023HPh1/94-109.
120. Farhan, S. M. Kazakhstan’s Multi-Vector Foreign Policy and Regional Approach: Economic and Diplomatic Success [Текст] / S. M. Farhan, M. U. Khan, N. Sher // Pakistan Journal of International Affairs. – 2021. – Vol. 4, No. 4. – P. 687–701. – DOI 10.52337/pjia.v4i4.385.
121. Адайкызы, С. Концептуальные основы развития отношений Казахстана и США [Текст] / С. Адайкызы // Постсоветские исследования. – 2022. – Т. 3, № 5. – С. 330–340.
122. Patalakh, A. Kazakhstan’s EU Policies: A Critical Review of Underlying Motives and Enabling Factors [Текст] / A. Patalakh // Asian Journal of German and European Studies. – 2018. – Vol. 3, No. 1. – P. 4. – DOI 10.1186/s40856-018-0026-9.
123. Утегенова, А. Теоретические подходы к анализу статуса Казахстана как «средней державы» [Текст] / А. Утегенова // Казахстан-Спектр. – 2023. – № 1 (105). – С. 24–37. – DOI 10.52536/2415-8216.2023-1.02.
124. Duclos, M. [Moyennes puissances] – À l’ombre de l’Arabie Saoudite et du Kazakhstan [Электронный ресурс] / M. Duclos // Institut Montaigne. – Режим доступа: https://www.institutmontaigne.org/expressions/moyennes-puissances-lombre-de-larabie-saoudite-et-du-kazakhstan (дата обращения: 21.08.2025).
125. Minakov, M. Eurasian Middle Powers in Changing Interstate System: The Cases of Turkey and Kazakhstan [Текст] / M. Minakov // Global Affairs: Annual Review. – 2024. – No. 1. – P. 353–365.
126. Cornell, S. E. Kazakhstan and the Rise of Middle Powers in Central Asia [Текст] / S. E. Cornell // The Central Asia-Caucasus Analyst. – 2024. – 31 July. – P. 1–22.

127. Губайдуллина, М. Ш. Принципы и выбор внешнеполитических приоритетов Республики Казахстан в концептуально значимых документах (выступление) [Текст] / М. Ш. Губайдуллина // Вестник КазНУ. Серия международные отношения и международное право. – 2009. – № 4–5 (42–43). – С. 122–128.
128. Ivanov, I. P. The Geopolitics of Kazakhstan under the Presidency of Kassym-Jomart Tokayev: Adaptability, Openness, and Rationality [Текст] / I. P. Ivanov // Bulletin of the Kyrgyz State University named after I. Arabaev. – 2025. – No. 4/1. – P. 468–477. – DOI 10.33514/1694-7851-2025-4/1-468-477.
129. Жұматаева, Ж. М. Қазақстан Республикасындағы құбыр көлігі дамуының географиялық жағдайы мен ерекшеліктері [Текст] / Ж. М. Жұматаева, Ә. Т. Мылқайдаров, Ж. К. Мукалиев // География және су ресурстары. – 2021. – № 1. – С. 59–63.
130. Huseynova, S. Geographical and Political Factors in Transportation of Caspian Oil and Gas from Azerbaijan and Kazakhstan [Текст] / S. Huseynova // Vestnik RUDN. International Relations. – 2016. – Vol. 16, No. 1. – P. 87–94.
131. Абайдуллаева, М. М. Перспективы расширения экономического сотрудничества стран Центральной Азии в форматах «5+1» на основе рискориентированного анализа [Текст] / М. М. Абайдуллаева, Д. М. Дадабаева, Н. М. Мусаева // Вестник университета «Туран». – 2026. – № 1 (109). – С. 197–211. – DOI 10.46914/1562-2959-2026-1-1-197-211.
132. Silvan, K. The Limits of Kazakhstan’s Foreign Policy Balancing: Domestic Authoritarianism and Linkages to Russia [Текст] / K. Silvan. – Helsinki : Finnish Institute of International Affairs, 2026. – (FIIA Briefing Paper ; No. 429).
133. Публичная дипломатия Республики Казахстан: основные особенности и перспективы [Текст] / К. Е. Мещеряков, Я. В. Лексютина, А. С. Розметов, А. К. Куанышбек // Социально-политические науки. – 2024. – Т. 14, № 2. – С. 90–99. – DOI 10.33693/2223-0092-2024-14-2-90-99.